

Л. Витгенштейн

ЛОГИКО- ФИЛОСОФСКИЙ ТРАКТАТ

*Motto: и все что люди знают,
а не просто восприняли слухом как шум,
может быть высказано в трех словах.
(Кюрнбергер).*

ПРЕДИСЛОВИЕ

Эту книгу, пожалуй, поймет лишь тот, кто уже сам продумывал мысли, выраженные в ней, или весьма похожие. Следовательно, эта книга - не учебник. Ее цель будет достигнута, если хотя бы одному из тех, кто прочтет ее с пониманием, она доставит удовольствие.

Книга излагает философские проблемы и показывает, как я полагаю, что постановка этих проблем основывается на неправильном понимании логики нашего языка. Весь смысл книги можно выразить приблизительно в следующих словах: то, что вообще может быть сказано, может быть сказано ясно, а о чем невозможно говорить, о том следует молчать.

Следовательно, книга хочет поставить границу мышлению, или скорее не мышлению, а выражению мыслей, так как для того, чтобы поставить границу мышлению, мы должны были бы мыслить обе стороны этой границы (следовательно, мы должны были бы быть способными мыслить то, что не может быть мыслимо).

Эту границу можно поэтому установить только в языке, и все, что лежит по ту сторону границы, будет просто бессмыслицей.

Я не хочу судить о том, в какой мере мои усилия совпадают с усилиями других философов. Ведь написанное мною не претендует на новизну деталей, и я потому не указываю никаких источников, что мне совершенно безразлично, думал ли до меня кто-либо другой о том, о чем думал я.

Хочу только упомянуть выдающиеся работы Фреге и моего друга Бертрана Рассела, которые в значительной степени стимулировали мои мысли.

Если эта работа имеет какое-либо значение, то оно заключается в двух положениях.

Во-первых, в том, что в ней выражены мысли, и это значение тем больше, чем

лучше они выражены. Тем скорее они попадают в самую точку. Я, конечно, сознаю, что использовал далеко не все возможности просто потому, что мои силы слишком малы для этой задачи. Другие могут взяться за нее и сделать это лучше.

Напротив, истинность изложенных здесь мыслей кажется мне неопровержимой и окончательной. Следовательно, я держусь того мнения, что поставленные проблемы в основном окончательно решены. И если я в этом не ошибаюсь, то значение этой работы заключается, во-вторых, в том, что она показывает, как мало дает решение этих проблем.

1. Мир есть все то, что имеет место.

1.1. Мир есть совокупность фактов, а не вещей.

1.11. Мир определен фактами и тем, что это все факты.

1.12. Потому что совокупность всех фактов определяет как все то, что имеет место, так и все то, что не имеет места.

1.13. Факты в логическом пространстве суть мир.

1.2. Мир распадается на факты.

1.21. Любой факт может иметь- место или не иметь места, а все остальное останется тем же самым.

2. То, что имеет место, что является фактом, - это существование атомарных фактов.

2.01. Атомарный факт есть соединение объектов (вещей, предметов).

2.011. Для предмета существенно то, что он может быть составной частью атомарного факта.

2.012. В логике нет ничего случайного: если предмет может входить в атомарный факт, то возможность этого атомарного факта должна предрешиаться уже в предмете.

2.0121. Если бы для предмета, который мог существовать отдельно, сам по себе, впоследствии было бы создано соответствующее ему положение вещей - это выступало бы как случайность.

Если предмет может входить в атомарные факты, то эта возможность должна заключаться :в самом предмете.

(Нечто логическое не может быть только возможным. Логика трактует каждую возможность, и все возможности суть се факты.)

Как мы не можем мыслить вообще пространственные объекты вне пространства или временные вне времени, так мы .не можем мыслить какой-либо объект вне возможности его связи с другими.

Если я могу мыслить объект в контексте атомарного факта, я не могу мыслить его вне возможности этого контекста.

2.0122. Предмет независим, поскольку он может существовать во всех возможных обстоятельствах, но эта форма независимости является формой связи с атомарным фактом, формой зависимости. (Невозможно, чтобы слова выступали двумя различными способами: отдельно и в предложении.)

2.0123. Если я знаю объект, то я также знаю все возможности его вхождения в атомарные факты.

(Каждая такая возможность должна заключаться в природе объекта.)

Нельзя впоследствии найти новую возможность.

2.01231. Чтобы знать объект, я должен знать не внешние, а все его внутренние качества.

2.0124. Если даны все объекты, то этим самым даны также и все возможные атомарные факты.

2.013. Каждая вещь существует как бы в пространстве возможных атомарных фактов. Это пространство я могу мыслить пустым, но не могу мыслить предмет без пространства.

2.0131. Пространственный объект должен находиться в бесконечном пространстве (точка пространства есть аргументное место.)

Пятно в поле зрения не должно быть обязательно красным, но оно должно иметь цвет, оно окружено, так сказать, цветным пространством. Тон должен иметь какую-то высоту, объект чувства осязания - какую-то твердость и т. д.

2.014. Объекты содержат возможность всех положений вещей.

2.0141. Возможность вхождения объекта в атомарные факты есть его форма.

2.02. Объект прост.

2.0201. Каждое высказывание о комплексах может быть разложено на высказывания об их составных частях и на предложения; полностью описывающие эти комплексы.

2.021. Объекты образуют субстанцию мира. Поэтому они не могут быть составными.

2.0211. Если бы мир не имел субстанции, то имеет смысл предложение или нет-зависело бы от того, истинно или нет другое предложение.

2.0212. Тогда было бы невозможно построить образ мира (истинный или ложный).

2.022. Очевидно, что как бы не отличался воображаемый мир от реального, он должен иметь нечто - некоторую форму - общее с действительным миром.

2.023. Эта постоянная форма состоит из объектов.

2.0231. Субстанция мира может определять только форму, а не материальные свойства. Потому что они прежде всего изображаются предложениями - прежде всего образуются конфигурацией объектов.

2.0232. Между прочим: объекты бесцветны.

2.0233. Два объекта одинаковой логической формы - помимо их внешних свойств - различаются только тем, что они различны.

2.02331. Или предмет имеет свойства, которых не имеет ни один другой предмет, - тогда - можно просто выделить его из других посредством описания, а затем на него указать; или же имеется много предметов, все свойства которых являются общими для них, - тогда вообще невозможно указать ли одного из этих предметов.

Потому что, если предмет .ничем .не выделяется, то я не могу его выделить, - ведь в этом случае получилось бы, что он выделяется.

2.024. Субстанция есть то, что существует независимо от того, что имеет место.

2.025. Она есть форма и содержание.

2.0251. Пространство, время и цвет (цветность) есть формы объектов.

2.026. Только если есть объекты, может быть дана постоянная форма мира.

2.027. Постоянное, существующее и объект - одно и то же.

2.0271. Объект есть постоянное, существующее; конфигурация есть изменяющееся, неустойчивое.

2.0272. Конфигурация объектов образует атомарный факт.

2.03. В атомарном факте объекты связаны друг с другом подобно звеньям цепи.

2.031. В атомарном факте объекты сочетаются определенным образом.

2.032. Тот способ, каким связываются объекты в атомарном факте, есть

структура атомарного факта.

2.033. *Форма есть возможность структуры.*

2.034. *Структура факта состоит из структур атомарных фактов.*

2.04. *Совокупность всех существующих атомарных фактов есть мир.*

2.05. *Совокупность всех существующих атомарных фактов определяет также, какие атомарные факты не существуют.*

2.06. *Существование или несуществование атомарных фактов есть действительность. (Существование атомарных фактов мы также называем положительным фактом, несуществование - отрицательным.)*

2.061. *Атомарные факты независимы друг от друга.*

2.062. *Из существования или несуществования какого-либо одного атомарного факта нельзя заключать о существовании или несуществовании другого атомарного факта.*

2.063. *Действительность, взятая в ее совокупности, есть мир.*

2.1. *Мы создаем для себя образы фактов.*

2.11. *Образ изображает факты в логическом пространстве, т. е. в пространстве существования или несуществования атомарных фактов.*

2.12. *Образ есть модель действительности.*

2.13. *Объектам соответствуют в образе элементы этого образа.*

2.131. *Элементы образа замещают в образе объекты*

2.14. *Образ состоит в том, что его элементы соединяются друг с другом определенным способом.*

2.141. *Образ есть факт.*

2.15. *То, что элементы образа соединяются друг с другом определенным способом, показывает, что так же соединяются друг с другом и вещи. Эта связь элементов образа называется его структурой, а возможность этой структуры - формой отображения этого образа.*

2.151. *Форма отображения есть возможность того, что предметы соединены друг с другом так же, как элементы образа.*

2.1511. *Так образ связан с действительностью; он достает до нее.*

2.1512. *Он подобен масштабу, приложенному к действительности.*

2.15121. *Только самые крайние точки деления шкалы касаются измеряемого объекта.*

2.1513. *Согласно этому взгляду, образу принадлежит также отношение отображения, которое и делает его образом.*

2.1514. *Отношение отображения заключается в соотношении элементов образа и предметов.*

2.1515. *Эти соотношения есть как бы щупальца элементов образа, которыми образ касается действительности.*

2.16. *Чтобы быть образом, факт должен иметь нечто общее с тем, что он отображает.*

2.161. *В образе и в отображаемом должно быть нечто тождественное, чтобы первый вообще мог быть образом второго.*

2.17. *То, что образ должен иметь общим с действительностью, чтобы он мог отображать ее на свой манер - правильно или ложно, - есть его форма отображения.*

2.171. *Образ может отображать любую действительность, форму которой он имеет.*

Пространственный образ - все пространственное, цветной - все цветное и т. д.

2.172. *Но свою форму отображения образ не может отображать. Он ее*

обнаруживает.

2.173. Образ изображает свой объект извне (его точка зрения есть его форма изображения), поэтому образ изображает свой объект правильно или ложно.

2.174. Но образ не может выйти за пределы своей формы изображения.

2.18. То, что каждый образ, какой бы формы он ни был, должен иметь общим с действительностью, чтобы он вообще мог ее отображать - правильно или ложно, - есть "логическая форма, т. е. форма действительности.

2.181. Если форма отображения является логической формой, то образ называется логическим.

2.182. Каждый образ есть также логический образ. (Напротив, не каждый образ есть, например, пространственный образ.)

2.19. Логический образ может отображать мир.

2.2. Образ имеет общим с отображаемым логическую форму отображения.

2.201. Образ отображает действительность посредством изображения возможности существования и несуществования атомарных фактов.

2.202. Образ изображает возможные положения вещей в логическом пространстве.

2.203. Образ содержит возможность того положения вещей, которое он изображает.

2.21. Образ соответствует или не соответствует действительности, он верен или неверен, истинен или ложен.

2.22. Образ изображает то, что он изображает, независимо от своей истинности или ложности, через форму отображения.

2.221. То, что образ изображает, есть его смысл.

2.222. Истинность или ложность образа состоит в соответствии или несоответствии его смысла действительности.

2.223. Чтобы узнать, истинен или ложен образ, мы должны сравнить его с действительностью.

2.224. Из образа самого по себе нельзя узнать, истинен он или ложен.

2.225. Нет образа, истинного априори.

3. Логический образ фактов есть мысль.

3.001. "Атомарный факт мыслим"-означает, что мы можем создать его образ.

3.01. Совокупность всех истинных мыслей есть образ мира.

3.02. Мысль содержит возможность того положения вещей, которое в ней мыслится.

То, что мыслимо, также возможно.

3.03. Мы не можем мыслить ничего нелогического, так как иначе мы должны были бы нелогически мыслить.

3.031. Когда-то говорили, что бог может создать все, за исключением того, что противоречит законам логики. Мы не могли бы сказать о каком-либо "нелогическом" мире, как он выглядит.

3.032. Изобразить в языке нечто "противоречащее логике" так же невозможно, как нельзя в геометрии посредством ее координат изобразить фигуру, противоречащую законам пространства, или дать координаты несуществующей точки.

3.0321. Мы можем, пожалуй, пространственно изобразить атомарный факт, противоречащий законам физики, но не атомарный факт, противоречащий законам геометрии.

3.04. Априори верной мыслью была бы такая, возможность которой

обеспечивала бы и ее истинность.

3.05. Априори знать, что мысль истинна, мы могли бы только тогда, когда ее истинность познавалась бы из самой мысли (без объекта сравнения).

3.1. Мысль в предложении выражается чувственно воспринимаемо.

3.11. Мы употребляем чувственно воспринимаемые знаки (звуковые или письменные и т. д.) предложения как проекцию возможного положения вещей.

Метод проекции есть мышление смысла предложения.

3.12. Знак, посредством которого мы выражаем мысль, я называю пропозициональным знаком (Satzzeichen). И предложение есть пропозициональный знак в своем проективном отношении к миру.

3.13. Предложению принадлежит все то, что принадлежит проекции; но не то, что проектируется.

Следовательно, - возможность того, что проектируется, но не оно само.

Следовательно, в предложении еще не содержится его смысл, но, пожалуй, лишь возможность его выражения.

("Содержание предложения" означает содержание осмысленного предложения.)

В предложении содержится форма его смысла, но не его содержание.

3.14. Суть пропозиционального знака в том, что его элементы, слова, соединяются в нем определенным образом.

Пропозициональный знак есть факт.

3.141. Предложение не является смесью слов. (Так же как музыкальная тема не является смесью звуков.)

Предложение членораздельно произносится.

3.142. Только факты могут выразить смысл; класс имен этого делать не может.

3.143. То, что пропозициональный знак является фактом, замаскировано обычной формой выражения - письменной или печатной.

(Потому что, например, в напечатанном предложении пропозициональный знак существенно не отличается от слова. Поэтому Фреге мог назвать предложение составным именем.)

3.1431. Сущность пропозиционального знака станет очень ясной, если мы будем представлять себе его составленным не из письменных знаков, а из пространственных объектов (например, столов, стульев, книг).

Пространственное взаиморасположение этих вещей выразит тогда смысл предложения.

3.1432. Мы не должны говорить: "Комплексный знак aRb означает, что a находится в отношении R к b ", но должны говорить: "то, что a стоит в определенном отношении к b ", означает, что aRb ".

3.144. Положения вещей могут быть описаны, но не названы. (Имена подобны точкам, предложения - стрелкам, они имеют смысл.)

3.2. В предложении мысль может быть выражена так, что объектом мысли будут соответствовать элементы пропозиционального знака.

3.201. Эти элементы я называю "простыми знаками", а предложение "полностью анализированным".

3.202. Простые знаки, используемые в предложении, называются именами.

3.203. Имя означает объект. Объект есть его значение ("Л" есть тот же самый знак, что и "А").

3.21. Конфигурации простых знаков в пропозициональном знаке соответствует конфигурация объектов в положении вещей.

3.22. Имя замещает в предложении объект.

3.221. Объекты я могу только называть. Знаки замещают их. Я могу только говорить о них, но не высказывать их. Предложение может только сказать, как существует предмет, но не что он такое.

3.23. Требование возможности простого знака есть требование определенности смысла.

3.24. Предложение, говорящее о комплексе, находится во внутреннем отношении к предложению, говорящему о составной части этого комплекса. Комплекс может быть дан только через свое описание, и это описание будет или правильным, или неправильным. Предложение, в котором речь идет о несуществующем комплексе, будет не бессмысленным, а просто ложным.

Тот факт, что элемент предложения обозначает комплекс, можно видеть из неопределенности в предложениях, в которые он входит. Мы знаем, что этим предложением еще не все определено (ведь обозначение общности содержит некоторый первообраз).

Объединение символов комплекса в один простой символ может быть выражено определением.

3.25. Имеется один и только один полный анализ предложения.

3.251. Предложение выражает то, что оно выражает, определенным, ясно указуемым способом: предложение членораздельно произносится.

3.26. Имя не разлагается далее никаким определением; оно-первичный знак.

3.261. Каждый определенный знак указывает на те знаки, посредством которых он был определен, а определения показывают путь.

Два знака, один - первичный, и другой - определенный через первичный, не могут обозначать одним и тем же способом. Имена не могут разлагаться на части определениями. (Как и любой знак, который сам по себе и независимо от других имеет значение.)

3.262. То, что не может выразиться в знаке, выявляется при его применении. То, что скрывают знаки, показывает их применение.

3.263. Значения первичных знаков можно разъяснить. Разъяснения суть предложения, которые содержат первичные знаки. Они, следовательно, могут быть поняты только тогда, когда уже известны значения этих знаков.

3.3. Только предложение имеет смысл; только в контексте предложения имя обладает значением.

3.31. Каждую часть предложения, характеризующую его смысл, я называю выражением (символом).

(Само предложение есть выражение.)

Выражение - все то существенное для смысла предложения, что предложения могут иметь друг с другом общего.

Выражение характеризует форму и содержание.

3.311. Выражение предполагает формы всех предложениях, в которые оно может входить. Это является общим, характерным признаком класса предложений.

3.312. Следовательно, выражение изображается общей формой предложений, которые оно характеризует.

А именно, в этой форме выражение будет постоянным, а все остальное - переменным.

3.313. Выражение, следовательно, изображается переменной, значения которой - предложения, содержащие это выражение.

(В предельном случае переменная становится постоянной, выражение-предложением.)

Я назову подобную переменную "пропозициональной переменной".

3.314. Выражение имеет значение только в предложении. Каждая переменная может рассматриваться как пропозициональная переменная.

(Включая и переменное имя.)

3.315. Если мы превратим какую-то составную часть предложения в переменную, то существует класс предложений, которые являются всем и значениями подобным образом возникшего переменного предложения. Этот класс в общем зависит еще от того, что мы, по произвольному соглашению, понимаем под частями предложения. Но если мы превратим все те знаки, значение которых было определено произвольно, в переменные, то все-таки будет существовать такой же класс. Однако теперь он зависит не от какого-либо соглашения, а только от природы предложения. Он соответствует логической форме - логическому первообразу.

3.316. Устанавливается, какие значения может принимать пропозициональная переменная. Установление значений есть переменная.

3.317. Установление значений пропозициональной переменной есть указание предложений, общим признаком которых является переменная.

Установление значений есть описание этих предложений.

Следовательно, установление будет относиться только к символам, а не к их значениям.

И только то существенно для установления, что оно есть только описание символов и ничего не утверждает об обозначаемом. Не существенно, как производится описание предложений.

3.318. Я понимаю предложение-подобно Фреге и Расселу - как функцию выражений, содержащихся в нем.

3.32. Знак есть чувственно воспринимаемая часть символа.

3.321. Следовательно, два различных символа могут иметь общий знак (письменный или звуковой) - тогда они обозначают по-разному.

3.322. На общий признак двух объектов никогда не может указывать то, что мы обозначаем их одними и теми же знаками, но при различных методах обозначения. Потому что знак произволен. Следовательно, мы могли бы также выбрать два совершенно различных знака, и куда денется тогда общность обозначения?

3.323. В повседневном языке чрезвычайно часто бывает, что одно и то же слово обозначает совершенно различными способами - следовательно, принадлежит к различным символам, или что два слова, которые обозначают различными способами, употребляются в предложении на первый взгляд одинаково.

Так появляется слово "есть" как связка, как знак равенства и как выражение существования; "существовать" - как непереходный глагол, подобный глаголу "идти"; "тождественный" - как прилагательное; мы говорим о чем-то, но также и о том, что что-то происходит.

(В предложении "Зеленое есть зеленое", где первое слово есть собственное имя, а последнее-прилагательное, эти слова имеют не просто различные значения, но они являются различными символами).

3.324. Таким образом, легко возникают самые фундаментальные заблуждения (которыми полна вся философия).

3.325. Для того чтобы избежать этих ошибок, мы должны использовать такую символику, которая исключает их, не применяя одинаковых знаков в различных символах и не применяя одинаковым образом знаки, которые

обозначают различным образом, т. е. символику, подчиняющуюся логической грамматике-логическому синтаксису.

(Логическая символика Фреге и Рассела является таким языком, который, правда, исключает еще не все ошибки.)

3.326. Для того чтобы узнать символ в знаке, мы должны учитывать осмысленное употребление.

3.327. Знак определяет логическую форму только вместе со своим логико-синтаксическим применением.

3.328. Если знак не необходим, то он не имеет значения. В этом смысл "бритвы" Оккама.

(Если все обстоит так, как если бы знак имел значение, то он имеет значение.)

3.33. В логическом синтаксисе значение знака не должно играть никакой роли; должна быть возможна разработка логического синтаксиса без всякого упоминания о значении знака; она должна предполагать только описание выражений.

3.331. Исходя из этого замечания, мы пересмотрим расселовскую "теорию типов". Ошибка Рассела проявилась в том, что при разработке своих символических правил он должен был говорить о значении знаков.

3.332. Ни одно предложение не может высказывать что-либо о самом себе, потому что пропозициональный знак не может содержаться в самом себе (это есть вся "теория типов").

3.333. Функция не может быть своим собственным аргументом, потому что функциональный знак уже содержит первообраз своего аргумента, а он не может содержать самого себя. Предположим, например, что функция $F(fx)$ могла бы быть своим собственным аргументом; тогда должно иметься предложение: $F(F(fx))$, и в нем внешняя функция F и внутренняя функция F должны иметь различные значения, потому что внутренняя функция имеет форму $\Phi(fx)$, а внешняя - пси ($\Phi(fx)$). Общим у обеих функций является только буква F , которая сама по себе ничего не обозначает. Это сразу же станет ясно, если мы вместо $F(F(u))$ напишем: $(\Phi) : P(\Phi u) \cdot \Phi u = Fu$.

Этим самым устраняется парадокс Рассела.

3.334. Правила логического синтаксиса должны быть понятны сами собой, если только известно, как обозначает каждый знак.

3.34. Предложение обладает существенными и случайными чертами.

Случайны те черты, которые возникают благодаря особому способу конструирования пропозиционального знака, а существенны те, которые одни только делают предложение способным выражать свой смысл.

3.341. Следовательно, существенно в предложении то, что является общим для всех предложений, могущих выражать одинаковый смысл.

И точно так же вообще существенным в символе является то, что имеют между собой общим все символы, могущие выполнять одну и ту же задачу.

3.3411. Следовательно, можно было бы сказать: собственное имя есть то, что имеют общим все символы, обозначающие объект. Из этого последовательно получается, что никакое сочетание не существенно для имени.

3.342. В наших обозначениях есть, правда, нечто произвольное, но вот что не произвольно: если мы нечто определяем произвольно, то еще нечто другое должно иметь место.

(Это вытекает из сущности системы записи.)

3.3421. Конкретный метод символизации может быть несуществен, но существенно всегда то, что имеется возможный метод символизации. И так же

дело обстоит вообще в философии: отдельное снова и снова оказывается несущественным, но возможность каждого отдельного раскрывает нам что-то о сущности мира.

3.343. Определения суть - правила, перевода с одного языка на другой. Каждая правильная символика должна быть переводима в другую согласно таким правилам: это есть то, что они все имеют общим.

3.344. То, что обозначено символом, есть общее всех тех символов, которыми первый символ может замещаться согласно правилам логического синтаксиса.

3.3441. Например, можно выразить общее всех способов записей функций истинности так: общим для них является то, что все они могут заменяться - например, обозначениями " $\sim p$ " ("не p ") и " $p \vee q$ " (" p или q ").

(Этим самым указано, как возможный специальный способ записи может дать нам общую информацию.)

3.3442. Знак комплекса не исчезает при анализе произвольно, так чтобы его исчезновение было различным во всякой пропозициональной структуре.

3.4. Предложение определяет место в логическом пространстве. Существование этого логического места гарантируется существованием одних только составных частей, существованием осмысленных предложений.

3:41. Пропозициональный знак и логические координаты - это и есть логическое место.

3.411. Геометрическое и логическое место соответствуют друг другу в том, что они оба есть возможность существования.

3.42. Хотя предложение должно определять только одно место в логическом пространстве, однако в нем должно быть уже дано все логическое пространство. (Иначе отрицание, логическая сумма, логическое произведение постоянно вводили бы в оординации-новые элементы.) (Логические строительные леса (Gerüst) вокруг образа определяют логическое пространство. Предложение охватывает все логическое пространство.)

3.5. Примененный, мыслимый пропозициональный знак есть мысль.

4. Мысль есть осмысленное предложение.

4.001. Совокупность предложений есть язык.

4.002. Человек обладает способностью строить язык, в котором можно выразить любой смысл, не имея представления о том, как и что означает каждое слово, - так же как люди говорят, не зная, как образовывались отдельные звуки. Разговорный язык есть часть человеческого организма, и он не менее сложен, чем этот организм. Для человека невозможно непосредственно вывести логику языка. Язык переодевает мысли. И притом так, что по внешней форме этой одежды нельзя заключить о форме переодетой мысли, ибо внешняя форма одежды образуется совсем не для того, чтобы обнаруживать форму тела. Молчаливые соглашения для понимания разговорного языка чрезмерно усложнены.

4.003. Большинство предложений и вопросов, высказанных по поводу философских проблем, не ложны, а бессмысленны. Поэтому мы вообще не можем отвечать на такого рода вопросы, мы можем только установить их бессмысленность. Большинство вопросов и предложений философов вытекает из того, что мы не понимаем логики нашего языка.

(Они относятся к такого рода вопросам, как: является ли добро более или менее тождественным, чем красота?) И не удивительно, что самые глубочайшие проблемы на самом деле не есть проблемы.

4.0031. Вся философия есть "критика языка" (правда, не в смысле Маутнера). Заслуга Рассела как раз в том, что он сумел показать, что кажущаяся логическая

фор ма предложения не должна быть его действительной формой.

4.01. Предложение-образ действительности. Предложение - модель действительности, как мы ее себе мыслим.

4.011. На первый взгляд, по-видимому, предложение-например, как оно напечатано на бумаге-не является образом действительности, о которой оно говорит. Но ведь и ноты тоже не кажутся на первый взгляд образом музыки, и наши фонетические знаки (буквы) не кажутся образом нашей устной речи. И все же эти символика даже в обычном смысле слова оказываются образами того, что они изображают.

4.012. Очевидно, что предложение формы "aRb" мы воспринимаем как образ. Здесь, очевидно, знак есть подобие обозначаемого.

4.013. И если мы проникнем в сущность этой образности, то увидим, что она не нарушается кажущимися нерегулярностями. Потому что эти нерегулярности тоже отражают то, что они должны выразить; но только другим способом.

4.014. Граммофонная пластинка, музыкальная мысль, партитура, звуковые волны - все это стоит друг к другу в том же внутреннем образном отношении, какое существует между языком и миром.

Все они имеют общую логическую структуру.

(Как в сказке о двух юношах, их лошадях и их лилиях. Они все в некотором смысле одно и то же.)

4.0141. В том, что есть общее правило, благодаря которому музыкант может извлекать из партитуры симфонию, благодаря которому можно воспроизвести симфонию из линий на граммофонной пластинке и - по первому правилу - снова воспроизвести партитуру,- в этом заключается внутреннее сходство этих, казалось бы, совершенно различных явлений. И это правило есть закон проекции, который проектирует симфонию в языке нот. Оно есть правило перевода языка нот в язык граммофонной пластинки.

4:015. Возможность всех подобий, всей образности нашего способа выражения, основана на логике отображения.

4.016. Для того чтобы понять сущность предложения, вспомним иероглифическое письмо, изображающее факты, которые оно описывает.

И из него, не теряя существа отображения, возникло буквенное письмо.

4.02. Это мы видим из того, что мы понимаем смысл пропозиционального знака без того, чтобы он был нам объяснен.

4.021. Предложение есть образ действительности, потому что я знаю представленное им положение вещей, если я понимаю данное предложение. И я понимаю предложение без того, чтобы мне был объяснен его смысл.

4.022. Предложение показывает свой смысл. Предложение показывает, как обстоит дело, если оно истинно. И оно говорит, что дело обстоит так.

4.023. Предложение должно определять действительность до такой степени, чтобы достаточно было сказать "Да" или "Нет", для приведения его в соответствие с действительностью. Для этого действительность должна полностью описываться им.

Предложение есть описание атомарного факта.

Как описание объекта описывает его по его внешним свойствам, так предложение описывает действительность по ее внутренним свойствам.

Предложение конструирует мир с помощью логических строительных лесов, поэтому в предложении можно также видеть, как обстоит дело со всем логическим, когда это предложение истинно. Можно делать выводы из ложного предложения.

4.024. Понять предложение - значит знать, что имеет место, когда оно истинно.

(Следовательно, можно его понимать, не зная, истинно оно или нет.)
Предложение понято, если поняты его составные части.

4.025. Перевод одного языка в другой происходит не так, что каждое предложение одного языка переводится а предложение другого; переводятся только составные части предложения.

(И в словаре переводятся не только существительные, но и глаголы, прилагательные, союзы и т. д.; и они все трактуются одинаково.)

4.026. Значения простых знаков (слов) должны быть нам объяснены, чтобы мы их поняли.

По мы объясняем при помощи предложений.

4.027. Для предложения существенно то, что оно может сообщать нам новый смысл.

4.03. Предложение должно в старых выражениях сообщать нам новый смысл. Предложение сообщает нам положение вещей, следовательно, оно должно быть существенно связано с **этим** положением вещей.

И связь состоит именно в том, что оно является логическим образом этого положения вещей.

Предложение высказывает нечто лишь постольку, поскольку оно есть образ.

4.031. В предложении положение вещей составляет как бы ради пробы. Вместо: это предложение имеет такой-то и такой-то смысл, можно -просто говорить: это предложение изображает такое-то и такое-то положение вещей.

4.0311. Одно имя представляет один предмет, другое имя - другой предмет, и они связаны друг с другом. И целое - как живой образ - изображает атомарный факт.

4.0312. Возможность предложения основывается на принципе замещения объектов знаками.

Моя основная мысль заключается в том, что "логические постоянные" ничего не представляют, что логика фактов не может быть/представлена.

4.032. Предложение лишь постольку является образом положения вещей, поскольку оно логически расчленимо.

(Предложение "ambulo" тоже является составным, потому что его основа имеет другой смысл с другим окончанием, а его окончание - с другой основой.)

4.04. В предложении должно быть в точности столько различных частей, сколько их есть в положении вещей, которое оно изображает.

Оба должны обладать одинаковой логической (математической) множественностью. (Ср. механику Герца о динамических моделях.)

4.041. Эта математическая множественность, естественно, не может быть в свою очередь отображена. При отображении невозможно выйти за ее пределы,

4.0411. Если бы мы захотели, например, то, что мы выражаем через " $(x)fx$ ", выразить через замену индекса перед fx , например, так: " $(общее)fx$ "; - это было бы неудовлетворительно: мы не знали бы, что обобщалось. Если бы мы захотели показать это через индекс " g ", например, так: " $f(x_g)$ ", то это также было бы неудовлетворительным: мы не знали бы область обобщения.

Если бы мы попытались разрешить это введением некоторого знака на места аргумента, например, так:

" $(G, G) * F(G, G)$ ", - это было бы неудовлетворительным:

мы не смогли бы установить тождество переменных. И так далее.

Все эти способы символизации неудовлетворительны, так как они не имеют необходимой математической множественности.

4.0412. По этой же причине неудовлетворительно и идеалистическое объяснение виденья пространственных отношений через "пространственные очки", потому что оно не может объяснить множественности этих отношений.

4.05. Действительность сравнивается с предложением.

4.06. Истинным или ложным предложение может быть, только будучи образом действительности.

4.061. Если не замечать, что предложение имеет смысл, независимый от фактов, то можно легко поверить, что истинное и ложное - равноправные отношения между знаками и обозначаемым.

Тогда можно было бы сказать, например, что "р" обозначает истинным образом то, что " \sim р" обозначает ложным образом, и т. д.

4.062. Нельзя ли объясняться с помощью ложных предложений так же, как до этого с помощью истинных, поскольку известно, что они мыслятся ложными? Нет! Потому что предложение истинно, если то, что в нем утверждается, имеет место; и если мы под "р" имеем в виду " \sim р", и то, что мы имеем в виду, имеет место, то "р" в новом понимании истинно, а не ложно.

4.0621. Но важно то, что знаки "р" и " \sim р" могут выражать одно и то же, так как это показывает, что знаку " \sim " в действительности ничто не соответствует.

То, что в предложении встречается отрицание, еще не характеризует его смысла ($\sim\sim p = p$).

Предложения "р" и " \sim р" имеют взаимнопротивоположный смысл, но им соответствует одна и та же действительность.

4.063. Иллюстрация для разъяснения понятия истинности: черное пятно на белой бумаге; можно описать форму пятна, указывая для каждой точки поверхности, является ли она белой или черной. Факту, что точка черная, соответствует положительный факт, факту, что точка белая (не черная), - отрицательный факт. Если я укажу точку поверхности (по терминологии Фреге - значение истинности), то это соответствует предположению, выдвигаемому на обсуждение, и т. д.

Но для того, чтобы можно было сказать, является ли точка черной или белой, я должен прежде всего знать, когда можно назвать точку черной и когда белой; чтобы можно было сказать, что "j" истинно (или ложно), я должен определить, три каких обстоятельства я называю "р" истинным, и тем самым я определяю смысл предложения." Аналогия [нарушается в следующем пункте: мы можем указать точку на бумаге, даже не зная, что такое черное и белое, но предложению без смысла вообще ничего не соответствует, так как оно не обозначает никакого предмета (значения истинности), свойства которого называются, например, "ложью" или "истиной". Глагол предложения не есть "истинно" или "ложно" - как думал Фреге, - но то, что "истинно", должно уже содержать глагол.

4.064. Каждое предложение должно уже иметь некоторый смысл; утверждение не может придать ему смысл, потому что оно утверждает именно смысл. То же самое относится и к отрицанию.

4.0641. Могли бы сказать: отрицание уже связывается с логическим местом, которое определяется отрицаемым предложением. Отрицающее предложение определяет не то логическое место, которое определяет отрицаемое предложение.

Отрицающее предложение определяет логическое место с помощью логического места отрицаемого предложения описывая первое как лежащее вне последнего.

Сам факт, что отрицаемое предложение может снова отрицаться, показывает, что то, что отрицается, уже является предложением, а не только предварением предложения.

4.1. Предложение изображает существование и несуществование атомарных фактов.

4.11. Совокупность всех истинных предложений есть все естествознание (или совокупность всех естественных наук).

4.111. Философия не является одной из естественных наук.
(Слово "философия" должно означать что-то стоящее над или под, но не наряду с естественными науками.)

4.112. Цель философии - логическое прояснение мыслей.
Философия не теория, а деятельность.

Философская работа состоит по существу из разъяснений.

Результат философии - не некоторое количество "философских предложений", но прояснение предложений.

Философия должна прояснять и строго разграничивать мысли, которые без этого являются как бы темными и расплывчатыми.

4.1121. Психология не ближе к философии, чем любая другая естественная наука.

Теория познания есть философия психологии. Не соответствует ли мое изучение знакового языка изучению мыслительного процесса, который философы считали таким существенным для философии логики? Только они запутались большей частью в несущественных психологических исследованиях, и аналогичная опасность грозит и моему методу.

4.1122. Дарвиновская теория имеет не большие отношения к философии, чем любая другая естественно-научная гипотеза.

4.113. Философия ограничивает спорную область естествознания.

4.114. Она должна ставить границу мыслимому и тем самым немислимому.
Она должна ограничивать немислимое изнутри через мыслимое.

4.115. Она означает то, что не может быть сказано, ясно показывая то, что может быть сказано.

4.116. Все то, что вообще может быть мыслимо, должно быть ясно мыслимо.

Все то, что может быть сказано, должно быть ясно сказано.

4.12. Предложения могут изображать всю действительность, но они не могут изображать то, что они должны иметь общим с действительностью, чтобы быть способными ее изображать, - логическую форму.

Для того чтобы можно было изображать логическую форму, мы должны были бы быть в состоянии поставить себя вместе с предложениями вне логики, то есть вне мира.

4.121. Предложения не могут изображать логическую форму, она отражается в них.

Язык не может изображать то, что само отражается в языке.

Мы не можем выразить языком то, что само выражается в языке.

Предложение показывает логическую форму действительности.

Оно выявляет ее.

4.1211. Так, предложение "fa" показывает, что в его смысл входит объект

"fa"; два предложения "fa" и "ga" показывают, что в них обоих речь идет об одном и том же объекте.

Если два предложения противоречат друг другу, то это обнаруживается в их структуре; точно так же, если одно следует из другого. И так далее.

4.1212. То, что может быть показано, не может быть сказано.

4.1213. Теперь нам понятно, почему мы чувствуем, что мы владеем правильным логическим пониманием, если только все правильно в нашей символике.

4.122; "Мы можем говорить в некотором смысле о формальных свойствах объектов и атомарных фактов или о свойствах структуры фактов, и в этом же смысле - о формальных отношениях и отношениях структур.

(Вместо "свойство структуры" я также говорю "внутреннее свойство"; вместо "отношения структур" - "внутреннее отношение".)

Я привожу эти выражения, „чтобы показать причину очень распространенного у философов смешения внутренних отношений и собственно (внешних) отношений.) Существование подобных внутренних свойств и отношений не может, однако, утверждаться предложениями, но оно проявляется в предложениях, которые изображают факты и говорят о рассматриваемых объектах.

4.1221. Внутреннее свойство факта мы можем также назвать чертой этого факта. (В том смысле, в каком мы, например, говорим о чертах лица.)

4.123. Свойство является внутренним, если немислимо, что его объект им не обладает.

(Этот голубой цвет и тот стоят eo ipso (тем самым) во внутреннем отношении более светлого и более темного. Немислимо, чтобы эти два объекта не стояли в этом отношении друг к другу.)

(Здесь неопределенному употреблению слов "свойство" и "отношение" соответствует неопределенное употребление слова "объект".)

4.124. Существование внутреннего свойства возможного положения вещей не выражается предложением, но оно выражает себя в предложении, изображающем это положение вещей, посредством внутреннего свойства данного предложения.

Приписывать предложению формальное свойство так же бессмысленно, как и отрицать у него это формальное свойство.

4.1241. Нельзя различать формы друг от друга, говоря, что одна форма имеет это свойство, а другая - то, так как это предполагает, что имеется смысл в утверждении любого свойства любой из этих форм.

4.125. Существование внутреннего отношения между возможными положениями вещей выражается в языке внутренним отношением между предложениями, которые их изображают.

4.1251. Здесь окончательно разрешается спорный вопрос - "являются ли все отношения внутренними или внешними".

4.1252. Ряды, упорядоченные внутренними отношениями, я называю формальными рядами.

Числовой ряд упорядочен не внешним, а внутренним отношением.

Точно так же и ряд предложений "aRb".

"(\$x): aRx • xRb"

"(\$x, y) : aRx • xRy • yRb", и т. д.

(Если "b" стоит в одном из таких отношений к "a", то я называю "b" следующим за "a".)

4.126. В том смысле, в каком мы говорим о формальных свойствах, мы можем теперь говорить и о формальных понятиях.

(Я ввожу это выражение, чтобы сделать ясной причину смешения формальных понятий с собственно понятиями, которое пронизывает всю старую логику.)

Тот факт, что нечто подводится под формальное понятие, как его объект, де может быть выражен предложением. Но это обнаруживается в знаке самого этого объекта. (Имя показывает, что оно обозначает объект, знак числа-что он обозначает число, и так далее.)

Формальные понятия не могут, как собственно понятия, изображаться функцией. Потому что их признаки, формальные свойства, не выражаются функциями.

Выражение формального свойства есть черта определенного символа.

Знак, обозначающий признак формального понятия, является, следовательно, характерной чертой всех символов, значения которых подводятся под это понятие.

Следовательно, выражение формального понятия есть пропозициональная переменная, в которой постоянным является только эта характерная черта.

4.127. Эта пропозициональная переменная обозначает формальное понятие, а ее значения обозначают те объекты, которые подходят под это понятие.

4.1271. Каждая переменная есть знак формального понятия. Потому что каждая переменная представляет постоянную форму, которой обладают все ее значения и которая может пониматься как формальное свойство этих значений.

4.1272. Так, переменное имя "x" есть собственно знак псевдопонятия объект. Там, где всегда правильно употребляется слово "объект" ("предмет", "вещь" и т. д.), оно выражается в логической символике через переменные имена.

Например, в предложении: "имеется два объекта, которые..." через ($\$x$, y)..."

Там же, где оно употребляется иначе, т. е. как собственно понятийное слово, возникают бессмысленные псевдопредложения.

Так, например, нельзя сказать: "имеются объекты", как говорят "имеются книги". И также нельзя говорить: "имеется 100 объектов" или "имеется K объектов".

И вообще бессмысленно говорить о количестве всех объектов.

Это же относится и к словам "комплекс", "факт", "функция", "число" и так далее.

Все они обозначают формальные понятия и изображаются в логической символике переменными, а не функциями или классами (как думали Фреге и Рассел). Такие выражения, как "1 есть число", "есть **только** один ноль", и все им подобные бессмысленны.

(Говорить "есть только одна единица" так же бессмысленно, как было бы бессмысленно сказать: $2 + 2$ в 3 часа равно 4.)

4.12721. Формальное понятие уже дано с объектом, который подводится под него. Следовательно, нельзя вводить объекты формального понятия и само формальное понятие как исходные (die Grund begriffe) понятия. Следовательно, нельзя вводить в качестве исходных понятий, например, понятие функции и одновременно конкретные функции (как делал Рассел) или понятие числа и одновременно определенные числа.

4.1273. Если мы хотим выразить в логической символике общее предложение "b следует за a", то для этого мы употребляем выражение для общего члена формального ряда:

aRb ,

($\$x$): $aRx.xRb$,

($\$x, y$): $aRx.xRy.yRb$,

...

Общий член формального ряда можно выразить только переменной, так как понятие: "член этого формального ряда" является формальным понятием. (Это просмотрели Фреге и Рассел; способ, каким они хотели выразить общие предложения, такие, как, например, вышеприведенные, был поэтому ложным; он содержал *circulus vitiosus* (порочный круг).

Мы можем определить общий член формального ряда, давая его первый член и общую форму операции, которая образует последующий член из предыдущего предложения.

4.1274. Вопрос о существовании формального понятия бессмыслен. Потому что ни одно предложение не может ответить на такой вопрос (например, нельзя спрашивать:

"Есть ли неанализируемые" субъектно-предикатные предложения (*Subjekt-Prädikatsätze*)?

4.128. Логические формы нечисленны.

Поэтому в логике нет каких-либо привилегированных чисел и поэтому нет никакого философского монизма или дуализма и т. д.

4.2. Смысл предложения есть его согласование или несогласование с возможностями существования и несуществования атомарных фактов.

4.21. Простейшее предложение, элементарное предложение, утверждает существование атомарного факта.

4.211. Признаком элементарного предложения является то, что ни одно элементарное предложение не может ему противоречить.

4.22. Элементарное предложение состоит из имен. Оно есть связь, сцепление имен.

4.221. Очевидно, что при анализе предложений мы должны доходить до элементарных предложений, которые состоят из непосредственной связи имен. Здесь встает вопрос: как возникает пропозициональная связь?

4.2211. Даже если мир бесконечно сложен, так что каждый факт состоит из бесконечного числа атомарных фактов и каждый атомарный факт из бесконечного числа объектов, - даже тогда должны быть даны объекты и атомарные факты.

4.23. Имя выступает в предложении только в контексте элементарного предложения.

4.24. Имена суть простые символы; я обозначаю их отдельными буквами ("x", "y", "z").

Элементарное предложение я пишу как функцию имен в форме "fx", " $\Phi(x, y)$ " и т. д.

Или я обозначаю его буквами p, q, r.

4.241. Если я употребляю два знака с одним и тем же значением, то я выражаю это, ставя между ними знак "=".

Следовательно, " $a = b$ " означает: знак "a" заменим знаком "b". (Если я ввожу с помощью уравнения некоторый новый знак, определяя, что он должен заменить первоначальный известный знак "a", то я пишу уравнение -определение - (как Рассел) в форме " $a = b$ Def.". Определение есть символическое правило.)

4.242. Следовательно, выражения формы " $a = b$ " являются только средством изображения; они ничего не говорят о значениях знаков "a", "b".

4.243. Можем ли мы понять два имени, не зная, обозначают ли они одну и ту же вещь или две различные вещи?

Можем ли мы понять предложение, в которое входят эти два имени, не зная, обозначают ли они одну и ту же или различные вещи?

Если я, например, знаю значение английского и значение синонимичного ему немецкого слова, то я не смогу не знать, что они синонимы; невозможно, чтобы я не мог перевести их одно в другое.

Выражение вида $a == c$ или выведенные из них не являются ни элементарными предложениями, ни другими осмысленными знаками. (Это будет показано ниже.)

4.25. Если элементарное предложение истинно, то атомарный факт существует; если элементарное предложение ложно, то атомарный факт не существует.

4.26. Указание всех истинных элементарных предложений полностью описывает мир. Мир полностью описывается указанием всех элементарных предложений вместе с указанием того, какие из них истинны, а какие ложны.

4.27. Относительно существования и несуществования n атомарных фактов имеется $K_n = \sum_{v=1}^n (n, v)$ возможностей.

Могут существовать все комбинации атомарных фактов, и, кроме них, другие комбинации существовать не могут.

4.28. Этим комбинациям соответствует такое же число возможностей истинности и ложности n элементарных предложений.

4.3. Возможности истинности элементарных предложений означают возможности существования и несуществования атомарных фактов.

4.31. Возможности истинности можно изобразить схемами следующего вида ("И" означает "истинно", "Л" - "ложно". Строчки значений "И" и "Л" под строчками элементарных предложений означают в легко понимаемой символике их возможности истинности).

4.4. Предложение есть выражение согласования и несогласования с возможностями истинности элементарных предложений.

4.41. Возможности истинности элементарных предложений есть условия истинности и ложности предложений.

4.411. С первого же взгляда кажется вероятным, что введение элементарных предложений является основополагающим для понимания всех других видов предложения. Действительно, понимание общих предложений весьма оцутимо зависит от понимания элементарных предложений.

4.42. Относительно согласования и несогласования предложения с возможностями истинности n элементарных предложений имеется $\sum_{i=0}^n \binom{n}{i} = 2^n$ возможностей.

4.43. Согласование возможностей истинности мы можем выразить, соотнося с ними на схеме знак "И".

Отсутствие этого знака означает несогласование.

4.431. Выражение согласования и несогласования с возможностями истинности элементарных предложений выражает условия истинности предложения.

Предложение есть выражение своих условий истинности.

(Фреге поэтому совершенно правильно помещал их вначале, как объяснение знаков своей логической символики. Только его объяснение понятия истинности ложно: если бы "истинное" и "ложное" были действительно объектами и аргументами в выражениях $\sim p$ и т. д., тогда смысл $\sim p$ отнюдь еще не устанавливался бы определением Фреге.)

4.44. Знак, возникающий из соотношения знака "Я" с возможностями истинности, есть пропозициональный знак.

4.441. Ясно, что комплексу знаков "Л" и "И" не соответствует никакой объект (или комплекс объектов); не более-чем горизонтальными вертикальным линиям или скобкам соответствуют какие-либо объекты. Не существует "логических объектов". Аналогично, конечно, и для всех знаков, выражающих то же самое, что и схемы "И" и "Л".

4.442. Так, например:

("Знак утверждения" Фреге "/- логически полностью бессмыслен; он только указывает у Фреге (и у Рассела), что эти авторы считают отмеченные им предложения истинными. Поэтому "/- является частью соединения предложений не более, чем, например, номер предложения. Предложение не может утверждать о самом себе, что оно истинно.)

Если последовательность возможностей истинности в схеме устанавливается правилом комбинации раз и навсегда, тогда уже одна последняя колонка является выражением условий истинности. Если мы напишем эту колонку в строчку, то пропозициональный знак будет:

"(ИИ-И) (p, q)" или еще яснее: "(ИИЛИ) (p, q)".

(Количество мест в левых скобках определяется количеством членов в правых.)

4.45. Для "n" элементарных предложений имеется L_n возможных групп условий истинности.

Группы условий истинности, принадлежащие к возможностям истинности некоторого числа элементарных предложений, могут упорядочиваться в ряд.

4.46. Среди возможных групп условий истинности имеется два предельных случая.

В первом случае предложение истинно для всех возможностей истинности элементарного предложения. Мы говорим, что условия истинности тавтологичны.

Во втором случае предложение ложно для всех возможностей истинности. Условия истинности противоречивы.

В первом случае мы называем предложение тавтологией, во втором - противоречием.

4.461. Предложение показывает то, что оно говорит, тавтология и противоречие показывают, что они ничего не говорят.

Тавтология не имеет условий истинности, потому что она безусловно истинна; а противоречие ни при каких условиях не истинно.

Тавтология и противоречие не имеют смысла. (Как точка, из которой две стрелки расходятся в противоположных направлениях.)

(Я не знаю, например, ничего о погоде, если я знаю, что дождь идет или что дождь не идет.)

4.4611. Но тавтология и противоречие не являются бессмысленными, они являются частью символизма, подобно тому как "0" есть часть символизма арифметики.

4.462. Тавтология и противоречие-не образы действительности. Они не изображают никакого возможного положения вещей, поскольку первая допускает любое возможное положение вещей, а второе не допускает никакого.

В тавтологии условия соответствия с миром -отношения изображения-взаимно аннулируются, так что они не стоят ни в каком отношении изображения к действительности.

4.463. Условия истинности определяют область, которую предложение оставляет факту.

(Предложение, образ, модель напоминают в отрицательном смысле твердое тело,

которое ограничивает свободу движения другого; в положительном смысле-пространство, ограниченное твердой субстанцией, в котором помещается тело.) Тавтология оставляет действительности все бесконечное логическое пространство, противоречие заполняет все логическое пространство и ничего не оставляет действительности. Поэтому ни одно из них не может каким-либо образом определить действительность.

4.464. Истинность тавтологии несомненна; предложение возможно, противоречие невозможно.

(Несомненно, возможно, невозможно: здесь мы имеем указание той градации, которую мы употребляем в теории вероятностей.)

4.465. Логическое произведение тавтологии и предложения говорит то же самое, что и предложение. Следовательно, это произведение тождественно с этим предложением. Потому что нельзя изменить существа символа, не изменяя его смысла.

4.466. Определенной логической комбинации знаков соответствует определенная логическая комбинация их значений. Любая, же произвольная комбинация соответствует только несвязанным знакам.

Это означает, что предложения, которые истины для любого положения вещей, вообще не могут быть никакими комбинациями знаков, так как иначе им могли бы соответствовать только определенные комбинации объектов.

(И нет такой логической комбинации, которой не соответствует никакая комбинация объектов.)

Тавтология и противоречие являются предельными случаями комбинации знаков, а именно - их исчезновением.

4.4661. Разумеется, и в тавтологии, и в противоречии знаки также сочетаются друг с другом, т. е. они относятся друг к другу, но эти отношения незначимы, несущественны для символа.

4.5. Теперь, кажется, можно дать самую общую форму предложения, т. е. дать описание предложений некоторого знакового языка, так чтобы каждый возможный смысл мог выражаться символом, который подходит под это описание, и так чтобы каждый символ, подходящий под это описание, мог выражать смысл, если соответствующим образом будут выбраны значения имен. Ясно, что при описании самой общей формы предложения может быть описано только ее существо - иначе она не была бы собственно самой общей формой.

То, что имеется общая форма предложения, доказывается тем, что не может быть ни одного предложения, чью форму нельзя было бы предвидеть (т. е. сконструировать). Общая форма предложения такова: "дело обстоит так-то и так-то".

4.51. Предположим, мне даны все элементарные предложения; тогда можно просто спросить: какие предложения я могу построить из них? И это - все предложения, и так они ограничиваются.

4.52. Предложениями является все то, что следует из совокупности всех элементарных предложений конечно, также и из того, что это есть совокупность их всех}. (Так, можно, в известном смысле, сказать- что все предложения - обобщения элементарных предложений.)

4.53. Общая форма предложения есть переменная.

5. Предложение есть функция истинности элементарных предложений.

(Элементарное предложение - функция истинности самого себя.)

5.01. Элементарные предложения-аргументы истинности предложения.

5.02. Само собой напрашивается смешение аргументов функции с индексами

имен. Я узнаю значение знака настолько же из его аргумента, насколько и из его индекса.

В расселовском +с, например, "с" есть индекс, указывающий на то, что весь знак есть знак сложения количественных чисел. Но этот способ символизации основывается на произвольном соглашении, и можно было вместо +с выбрать другой простой знак, но в выражении "~р" "р" - не индекс, а аргумент: смысл выражения "~р" не может быть понят, если до этого не понят смысл "р". (В имени Юлий Цезарь "Юлий" есть индекс. Индекс всегда является частью описания объекта, к имени которого мы его присоединяем. Например, Цезарь из рода Юлиев.)

Смешение аргумента и индекса, если я не ошибаюсь, лежит в основе теории Фреге о значении предложений и функций. Для Фреге предложения логики были именами, а их аргументы - индексами этих имен.

5.1. Функции истинности можно упорядочивать в ряд.

Это есть основоположение теории вероятностей.

5.101. Функции истинности каждого определенного количества элементарных предложений могут быть написаны в схеме следующего вида.

Те возможности истинности аргументов истинности этой схемы, которые подтверждают предложение, я буду называть основаниями истинности.

5.11. Если основания истинности, общие для некоторого количества предложений, представляют - в то же время основания истинности некоторого определенного предложения, то мы говорим, что истинность этого предложения следует из истинности упомянутых предложений.

5.12. В частности, истинность предложения "р" следует из истинности другого - "q", если все основания истинности второго являются основаниями истинности первого.

5.121. Основания истинности одного содержатся в основаниях истинности другого; р следует из q.

5.122. Если р следует из q, то смысл "р" содержится в смысле "q".

5.123. Если бог создает мир, в котором истинны некоторые определенные предложения, то он тем самым создает мир, в котором верны предложения, следующие из них. И подобно этому, он не мог бы создавать такого мира, в котором предложение "р" было бы истинно, не создавая всей совокупности его объектов.

5.124. Предложение утверждает каждое предложение, следующее из него.

5.1241. "р. q" есть одно из тех предложений, которые утверждают "р" и которые в то же время утверждают "q".

Два предложения друг другу противоположны, если нет осмысленного предложения, которое утверждает их обоих.

Каждое предложение, которое противоречит другому, отрицает его.

5.13. Тот факт, что истинность одного предложения следует из истинности других предложений, мы усматриваем из структуры предложений.

5.131. Если истинность одного предложения следует из истинности других, то это выражается теми отношениями, в которых находятся между собой формы этих предложений; и мы не нуждаемся в том, чтобы ставить их в эти отношения, связывая предварительно друг с другом в одно предложение, так как эти связи являются внутренними и существуют постольку, и лишь постольку, поскольку существуют эти предложения.

5.1311. Если мы заключаем от $p \vee q$ и $\sim p$ к q, то отношение между формами предложений " $p \vee q$ " и " $\sim p$ " здесь затеняется способом обозначения. Но если мы,

например, вместо " $r \vee q$ " напишем " r / q -/ - r / q и вместо " $\sim p$ " - " $\sim r/p$ " (r/q = ни r , ни q), то внутренняя связь станет очевидной.

(Тот факт, что можно заключить от $(x)fx$ к fa , показывает, что общность существует также и в символе " $(x)fx$ ".)

5.132. Если p следует из q , то я могу заключить от q к p ; вывести p из q .

Способ вывода всегда познается из обоих предложений.

Только они могут оправдывать вывод.

"Законы вывода", которые должны - как у Фреге и Рассела - оправдывать выводы, не имеют смысла и были бы излишни.

5.133. Все выводы происходят априори.

5.134. Из одного элементарного предложения не может следовать никакое другое.

5.135. Никаким образом нельзя заключать из существования какого-либо одного положения вещей о существовании другого, полностью отличного от первого.

5.136. Нет причинной связи, которая оправдывает подобный вывод.

5.1361. События будущего не могут выводиться из событий настоящего.

Вера в причинную связь есть предрассудок.

5.1362. Свобода воли состоит в том, что будущие действия сейчас не могут быть познаны. Мы могли бы их знать только в том случае, если причинность была бы внутренней, необходимостью, как и необходимость логического вывода. Связь здания и познанного есть связь логической необходимости.

("А знает, что p имеет место" не имеет смысла, если p есть тавтология.)

5.1363. Если из того, что предложение для нас очевидно, не следует, что оно истинно, то очевидность также не является оправданием для нашей веры в его истинность.

5.14. Если какое-либо предложение следует из другого, то последнее говорит больше, чем первое; первое меньше, чем последнее.

5.141. Если p следует из q и q из p , то они являются одним и тем же предложением.

5.142. Тавтология следует из всех предложений: она ничего не говорит.

5.143. Противоречие есть то общее у предложений, что ни одно предложение не имеет общим с другими. Тавтология есть общее всех тех предложений, которые не имеют друг с другом ничего общего.

Противоречие исчезает, так сказать, вне всех предложений, тавтология - внутри них.

Противоречие есть внешняя граница предложений, тавтология - их лишенный субстанции центр.

5.15. Если I_r - количество оснований истинности предложения " r ", а I_{rs} - количество тех оснований истинности предложения " s ", которые одновременно являются основаниями истинности " r ", то мы назовем отношение $I_{rs} : I_r$ мерой вероятности, которую предложение " r " дает предложению " s ".

5.151. Пусть в схеме, подобной той, которая приведена выше за № 5.101, I_r - количество " I " в предложении " r "; I_{rs} - количество тех " I " в предложении s , которые стоят в одинаковых столбцах с " I " предложения r . Тогда предложение " r " дает предложению " s " вероятность $I_{rs} : I_r$.

5.1611. Нет никакого особого объекта, свойственного вероятностным предложениям.

5.152. Предложения, которые не имеют общих друг с другом аргументов

истинности, мы называем независимыми друг от друга.

Два элементарных предложения дают друг другу вероятность $1/2$.

Если p следует из q , то предложение q дает предложению " p " вероятность 1. Достоверность логического вывода есть предельный случай вероятности.

(Применение к тавтологии и противоречию.)

5.153. Предложение само по себе ни вероятно, ни невероятно. Событие наступает или не наступает; среднего не дано.

5.154. В урне было одинаковое количество белых и черных шаров (и только их). Я вытаскиваю один шар за другим и кладу их в урну обратно. Тогда я могу установить опытом, что число вынутых черных и белых шаров приближается друг к другу при постоянном вынимании.

Это, следовательно, не математический факт.

Если я теперь- говорю: одинаково вероятно, что я вытяну-как белый шар, так и черный, то это означает: все известные мне обстоятельства (включая и гипотетически принимаемые естественные законы) придают наступлению одного события не большие вероятности, чем наступлению другого. Это означает, что они дают - как легко понять из вышеприведенных разъяснений - каждому событию вероятность, равную $1/2$.

Проверить я могу только то, что наступление этих двух событий не зависит от обстоятельств, которых я не знаю более подробно.

5.155. Единица вероятностного предложения такова: обстоятельства - о которых я больше ничего не знаю - дают наступлению определенного события такую-то и такую-то степень вероятности.

5.156. Таким образом, вероятность есть обобщение. Она включает общее описание формы предложения. Только за неимением достоверности мы нуждаемся в вероятности. Когда мы знаем факт не полностью, но, однако, знаем что-то о его форме.

(Хотя предложение, действительно, может быть не полным образом определенного положения вещей, но оно всегда какой-нибудь полный образ.)

Вероятностное предложение является как бы извлечением из других предложений.

5.2. Структуры предложениям стоят друг к другу во внутренних отношениях.

5.21. Мы можем подчеркнуть эти внутренние отношения в нашем способе выражения, изображая предложение как результат операции, которая образует его из других предложений (оснований (Basen) операций).

5.22. Операция есть выражение отношения между структурами их результатов и их оснований.

5.23. Операция есть то, что должно произойти с предложением, чтобы образовать из него другие.

5.231. И это, естественно, зависит от их формальных свойств, от внутреннего подобия их форм.

5.232. Внутреннее отношение, упорядочивающее ряд, эквивалентно операции, благодаря которой один член возникает из другого.

5.233. Операция впервые может выступить там, где одно предложение возникает из другого логически значимым способом, т. е. там, где начинается логическая конструкция предложения.

5.234. Функции истинности элементарных предложений являются результатами операций, которые имеют своими основаниями элементарные предложения. (Эти операции я называю операциями истинности.)

5.2341. Смысл функции истинности p есть функция смысла p .

Отрицание, логическое сложение, логическое умножение и т. д. - суть операции.

(Отрицание делает противоположным смысл предложения.)

5.24. Операция проявляется в переменной; она показывает, как из одной формы предложения можно получить другую.

Она дает выражение различию форм.

И общим между основаниями и результатом операции как раз и являются сами основания.

5.241. Операция характеризует не форму, а только различие форм.

5.242. Та же самая операция, которая выводит "q" из "p", выводит из "q" из "p" и так далее. Это может быть выражено только тем, что "p", "q", "r" и т. д. Являются переменными, которые дают общее выражение определенным формальным отношениям.

5.25. Наличие операции не характеризует смысла предложения.

Операция ведь ничего не утверждает, утверждает только ее результат, а это зависит от оснований операции.

(Операцию и функцию не следует путать друг с другом.)

5.251. Функция не может быть своим собственным аргументом, а результат операции может быть ее собственным основанием.

5.252. Только так возможен переход от члена к члену в формальном ряду (от типа к типу в иерархии Рассела и Уайтхеда). (Рассел и Уайтхед не признавали возможности этого перехода, но всегда его употребляли.)

5.2521. Повторное применение операции к своему собственному результату я называю ее последовательным применением ("0' 0' 0' , a") есть результат трехразового последовательного применения "0' " к "a").

В подобном же смысле я говорю о последовательном применении многих операций к определенному количеству предложений.

5.2522. Общий член формального ряда a, 0', a, 0' 0' a... я пишу поэтому так: "[a, x, 0' , x]". Это выражение в скобках есть переменная. Первый член выражения в скобках есть начало формального ряда, второй - форма произвольного члена x ряда и третий - форма того члена ряда, который непосредственно следует за x.

5.2523. Понятие последовательного применения операции эквивалентно понятию "и так далее".

5.253. Одна операция может аннулировать результат другой. Операции могут друг друга аннулировать.

5.254. Операция может исчезать (например, отрицание в "~ ~ p". ~ ~ p=p).

5.3. Все предложения представляют результат операций -истинности с элементарными предложениями.

Операция истинности есть способ возникновения функции истинности из элементарных предложений.

Согласно природе операции истинности, таким же образом как из элементарных предложений возникают их (дикции истинности, из функций истинности возникают новые. Каждая операция истинности создает из функций истинности элементарных предложений новую функцию истинности элементарных предложений, т. е. предложение. Результат каждой операции истинности над результатами операций истинности над элементарными предложениями является снова результатом одной операции истинности над элементарными предложениями.

Каждое предложение есть результат операции истинности над элементарными предложениями.

5.31. Схемы № 4.31 имеют значение также тогда, когда "p", "q", "r" и т. д. не

являются элементарными предложениями.

И легко увидеть, что пропозициональный знак в № 4.42 выражает одну функцию истинности элементарных предложений, даже если "р" и "q" являются функциями истинности элементарных предложений.

5.32. Все функции истинности являются результатами последовательного применения конечного количества операций истинности к элементарным предложениям.

5.4. Здесь становится ясным, что нет "логических объектов", "логических констант" (в смысле Фреге и Рассела).

5.41. Ибо все те результаты операций истинности над функциями истинности, которые являются одной и той же функцией истинности элементарных предложений, тождественны.

5.42. Очевидно, что V , \acute{E} и т. д. не являются отношениями в смысле правого и левого.

Возможность перекрестного определения логических "первичных знаков" Фреге и Рассела уже показывает, что они не являются "первичными знаками" и не обозначают никаких отношений.

И очевидно, что " \acute{E} ", которое мы определяем через " \sim " и " V " тождественно тому, посредством чего мы определяем " V " с помощью " \sim ", и что это " V " тождественно с первым, и так далее.

5.43. Заранее, однако, довольно трудно поверить в то, что из факта p должно следовать бесконечно много других фактов, а именно $\sim \sim p$, $\sim \sim \sim p$ и т. д. И не менее удивительно, что бесконечное количество предложений логики (математики) следует из полдюжины "исходных предложений" (Grundgesetze).

Но все предложения логики говорят одно и то же. А именно ничего.

5.44. Функции истинности не являются материальными функциями.

Если можно, например, получить утверждение через двойное отрицание, то содержится ли тогда отрицание в каком-либо смысле - в утверждении?

Отрицает ли " $\sim \sim p$ " $\sim p$ или оно утверждает p ? Или то и другое?

Предложение " $\sim p$ " не трактует отрицание как объект; возможность отрицания, пожалуй, предпринимается уже в утверждении.

И если бы существовал объект, называемый " \sim ", то " $\sim \sim p$ " должно было бы говорить нечто другое, чем " p ".

Так как одно предложение говорило бы о \sim , другое - нет.

5.441. Это исчезновение мнимых логических констант выступает и в том случае, если " $\sim(\$x)$. $\sim fx$ " говорит то же самое, что и " (x) . fx ", или если " $\sim(\$x)$. $\sim fxx = a$ " говорит то же самое, что и " fa ".

5.442. Если нам дано предложение, то вместе с ним уже даны результаты всех операций истинности, основанием которых оно является.

5.45. Если есть логические первичные знаки, то правильная логика должна уяснить их место по отношению друг к другу и оправдать их существование. Конструкция логики из ее первичных знаков должна стать ясной.

5.451. Если логика имеет исходные понятия, то они должны быть независимыми друг от друга. Если введено исходное понятие, то оно должно быть введено во всех связях, в которых оно вообще имеет место. Следовательно, нельзя вводить понятие сначала для одной связи, а потом для другой. Например: если введено отрицание, то мы должны его понимать в предложениях формы " $\sim p$ " так же, как в предложениях вида " $\sim p \vee q$ ", " $(\$x)$. $\sim fx$ " и других. Мы не можем вводить его сначала для одного класса случаев, потом для другого, потому что тогда оставалось бы сомнительным, является ли его значение в обоих случаях

одинаковым, и не было бы основания для у потребления в обоих случаях одного и того же способа символизации.

(Короче, для введения первичных знаков имеет значение *mutatis mutandis*, то же самое, что Фреге в работе "Основные законы арифметики" ("Grundgesetze der Arith-metik") говорил относительно введения знаков через определения.)

5.452. Введение нового знака в символизм логики должно быть всегда чревато последствиями. Ни один новый знак не должен вводиться в логику - так сказать, с совершенно невинной миной - в скобках или в сноске.

(Так, в "Principia Mathematical Рассела и Уайтхеда встречаются словесные определения и исходные предложения. Почему здесь внезапно появляются слова? Это нуждается в оправдании. Но оправдания нет и не может быть, так как этот процесс (внезапное появление слов. - Перев.) фактически не дозволен.)

Но если введение нового знака является необходимо доказанным в каком-либо месте, то должны тотчас же спросить: где должен этот знак постоянно применяться? Отныне его место в логике должно быть выяснено.

5.453. Все числа в логике должны допускать оправдание.

Или - скорее - должно выясниться, что в логике нет никаких чисел.

Нет никаких привилегированных чисел.

5.454. В логике нет соседства, нельзя дать никакой классификации.

В логике не может быть более общего- и более особенного.

5.4541. Решения логических проблем должны быть простыми, так как они устанавливают стандарт простоты.

Люди всегда догадывались, что должна быть дана область вопросов, ответы на которые априори симметричны и объединяются в законченные регулярные структуры.

Область, в которой предложение достоверно: *simplex sigillum veri*.

5.46. Если логические знаки вводятся правильно, то тем самым вводится смысл всех их комбинаций, следовательно, не только " pVq ", но также и " $\sim(pV\sim q)$ " и т. д. Тем самым вводится результат всех возможных комбинаций скобок. И благодаря этому становится ясным, что собственно общими первичными знаками являются не " pVq ", " $(\$ x) f(x)$ " и т. д., а самая общая форма их комбинаций.

5.461. Большое значение имеет тот кажущийся неважным факт, что логические псеодоотношения, как V и \dot{E} , нуждаются в скобках, в отличие от действительных отношений.

Употребление, скобок при этих псевдопервичных знаках уже Указывает на то, что они не являются в действительности первичными знаками. Все-таки, по-видимому, никто не верит, что скобки имеют самостоятельное значение.

5.4611. Логические знаки операций являются пунктуациями.

5.47. Ясно, что все то, что может быть сказано заранее о форме всех предложений вообще, может быть сказано за один раз (*aufeinmal*).

Ведь все логические операции уже содержатся в элементарном предложении. Потому что "о" говорит то же самое, что и " $(\$ x)fx.x. == a$ ".

Где есть композиция, там есть аргумент и функция, а где есть они, там есть уже все логические константы.

Можно было бы сказать: одна логическая константа есть то, что все предложения, по своей природе, имеют общим друг с другом.

Но это есть общая форма предложения.

5.471. Общая форма предложения есть сущность предложения.

5.4711. Дать сущность предложения значит дать сущность всех описаний, следовательно, дать сущность мира.

5.472. Описание самой общей формы предложения есть описание одного и единственного общего первичного знака в логике.

5.473. Логика должна сама о себе заботиться. Возможный знак тоже должен быть способен обозначать.

Все то, что в логике возможно, является также дозволенным. ("Сократ тождествен" ничего не означает потому, что нет свойства, называемого "тождественный". Предложение бессмысленно потому, что мы не дали некоторого произвольного определения, а не потому, что символ сам по себе не дозволен.)

В некотором смысле мы не можем делать ошибок в логике.

5.4731. Самоочевидность, о которой так много говорил Рассел, в логике может стать лишней только благодаря тому, что язык сам предотвращает каждую логическую ошибку. Априорность логики заключается в том, что нельзя нелогически мыслить.

5.4732. Мы не можем дать знаку неправильный смысл.

5.47321. "Бритва" Оккама не является, конечно, произвольным правилом или правилом, оправданным своим практическим успехом: она просто говорит, что не необходимый элемент символики ничего не значит.

Знаки, служащие для одной цели, логически эквивалентны; знаки, не служащие ни для какой цели, логически незначимы.

5.4733. Фреге говорит: каждое законно образованное предложение должно иметь некоторый смысл; и я говорю: каждое возможное предложение образовано законно, и если оно не имеет смысла, то это может быть только потому, что мы не дали некоторым его составным частям никакого значения.

(Даже если мы верим, что это сделано.) Так, предложение "Сократ тождествен" ничего не говорит потому, что мы не дали никакого значения слову "тождественный" как прилагательному. Потому что, когда оно выступает как знак равенства, оно символизирует совсем другим образом-отношение-обозначения другое,-следовательно, символ в обоих случаях также совершенно разный; оба символа только случайно имеют общий знак.

5.474. Количество необходимых основных операций зависит только от нашего способа записи.

5.475. Это только вопрос построения системы знаков с определенным числом измерений-с определенной математической множественностью.

5.476. Ясно, что здесь речь идет не о количестве исходных понятий, которые должны обозначаться, но только о выражении правила.

5.5. Каждая функция истинности есть результат последовательного применения операций (- - - -И) к элементарным предложениям. Эта операция отрицает все предложения в правых скобках, и я называю ее отрицанием этих предложений.

5.501. Выражение в скобках, члены которого являются предложениями, я обозначаю-если последовательность членов в скобках безразлична-знаком вида "x". "x" есть переменная, значения которой являются членами выражения, заключенного в скобки; и черточка над переменной означает, что она заменяет все свои значения в скобках.

(Если, например, "x" имеет три значения: P, W, R, то, следовательно, $(x) = (P, W, R)$)

Значения переменных устанавливаются. Установление есть описание предложений, заменяемых переменной. Как происходит описание членов выражения, заключенного в скобки, не существенно.

Мы можем различать три вида описаний:

I. Прямое перечисление. В этом случае мы можем просто вместо переменной поставить ее постоянное значение.

II. Указание функции f_x , значения которой для всех значений x являются описываемыми предложениями.

III. Указание формального закона, по которому образованы эти предложения. В этом случае члены выражения, заключенного в скобки, суть все члены формального ряда.

5.502. Я, следовательно, пишу вместо "(- - - -И) (x...)", $N(x)$.

$N(x)$ есть отрицание всех значений пропозициональной переменной.

5.503. Так как, очевидно, легко выразить, как посредством этой операции могут образовываться предложения и как посредством ее они не должны образовываться, то поэтому данное обстоятельство также должно допускать точное выражение.

5.51. Если x имеет только одно значение, то $N(x) = \sim p$ (не p), и если x имеет два значения, то $N(x) = \sim p \cdot \sim q$ (ни p , ни q).

5.511. Как может всеобъемлющая, отражающая мир логика употреблять такие специальные трюки и манипуляции? Только связывая все это в бесконечно тонкую сеть, в огромное зеркало.

5.512. " $\sim p$ " истинно, если " p " ложно. Следовательно, в истинном предложении " $\sim p$ " " p " есть ложное предложение. Как может теперь штрих " \sim " привести его в соответствие с действительностью?

Но то, что отрицает в " $\sim p$ ", есть, однако, не " \sim ", но то, что является общим для всех знаков этого способа записи, отрицающих p .

Отсюда общее правило, по которому образуются " $\sim p$ ", " $\sim \sim p$ ", " $\sim p \vee \sim p$ ", " $\sim p \sim p$ " и т. д. (до бесконечности). И это общее вновь отражает отрицание.

5.513. Можно было бы сказать: общее всех символов, которые утверждают как p , так и q , есть предложение " $p \vee q$ ". Общее всех символов, которые утверждают или p , или q , есть предложение " $p \vee q$ ".

Итак, можно сказать: два предложения друг другу противоречат, когда они не имеют ничего общего друг с другом; и каждое предложение имеет **ТОЛЬКО** одно отрицание, так как имеется только одно предложение, которое полностью лежит вне его.

Таким же образом в расселовском способе записи обнаруживается, что " $q: p \vee \sim p$ " говорит то же самое, что и " q "; что " $p \vee \sim p$ " ничего не говорит.

5.514. Если установлен способ записи, то в нем имеется правило, по которому образуются все предложения, отрицающие p , правило, по которому образуются все предложения, утверждающие p , правило, по которому образуются все предложения, утверждающие p или q , и т. д.

Эти правила эквивалентны символам, и в них снова отражается их смысл.

5.515. Следует показать в наших символах, что то, что связывается посредством " \vee ", " \cdot " и т. д., должно быть предложениями.

Именно это имеет место, так как символы " p " и " q " ведь сами предполагают " \vee ", " \sim " и т. д. Если знак " p " в " $p \vee q$ " не замещает комплексного знака, то он сам по себе не может иметь смысла, но тогда знаки " $p \vee p$ ", " $p \cdot p$ " и т. д., имеющие тот же смысл, что и " p ", также не имеют смысла. Но если " $p \vee p$ " не имеет смысла, то " $p \vee q$ " также не может иметь смысла.

5.5151. Должен ли знак отрицательного предложения образовываться с помощью знака положительного? Почему нельзя выразить отрицательное предложение посредством отрицательного факта? (Например, если " a " не стоит

в определенном отношении к "b", то это можно было выразить тем, что aRb не имеет места.)

Но ведь здесь отрицательное предложение также косвенно образовано через положительное.

Положительное предложение предполагает существование отрицательного предложения и наоборот.

5.52. Если значения S являются всеми значениями функции fx для всех значений x , то $N(x) = \sim(\$x).fx$

5.521. Я отделяю понятие "все" от функции истинности.

Фреге и Рассел вводили общность в связи с логическим произведением или логической суммой. Так было труднее понять предложения " $(\$x).fx$ " и " $(x)fx$ ", в которых скрыты обе эти идеи.

5.522. Своеобразие "символики общности", во-первых, в том, что она ссылается на логический первообраз, и, во-вторых, что она подчеркивает константы.

5.523. Символ общности выступает как аргумент.

5.524. Если даны объекты, то тем самым уже даны все объекты.

Если даны элементарные предложения, то тем самым также даны все элементарные предложения.

5.525. Неправильно передавать предложение " $(\$x).fx$ " словами " fx возможно", как это делает Рассел.

Несомненность, возможность или невозможность положения вещей выражаются не предложением, но тем, что выражение есть тавтология, осмысленное предложение или противоречие.

Тот прецедент, на который постоянно могли бы ссылаться, должен наличествовать уже в самом символе.

5.526. Можно полностью описать мир при помощи вполне обобщенных предложений, т. е. не согласовывая заранее какое-либо имя с определенным объектом.

Чтобы затем перейти к обычному способу выражения, нужно просто к выражению "имеется один и только один x , который..." прибавлять: "и этот x есть a ".

5.5261. Вполне обобщенное предложение является составным, как и любое другое предложение. (Это проявляется в том, что мы в " $(\$x, \Phi).\Phi x$ " должны упоминать " Φ " и " x " раздельно. Оба независимо стоят в отношениях обозначения к миру, как и в необобщенном предложении.)

Охарактеризуем составной символ: он имеет нечто общее с другими символами.

5.5262. Ведь истинность или ложность каждого предложения меняет нечто в общей структуре мира. И пространство, которое оставляется его структуре совокупностью элементарных предложений, есть как раз то, которое ограничивается вполне общими предложениями.

(Если истинно какое-либо элементарное предложение, то тем самым во всяком случае истинно еще одно элементарное предложение.)

5.53. Тожество объектов я выражаю тождеством знаков, а не с помощью знака тождества. Различие объектов - различием знаков.

5.5301. Очевидно, что тождество не есть отношение между объектами. Это становится совершенно ясным, если, например, рассмотрим предложение: " $(x) : fx. \acute{E}.x = a$ ". Это предложение говорит просто то, что только a удовлетворяет функцию f , а не то, что только такие вещи удовлетворяют функцию f , которые имеют определенное отношение к a .

Можно, конечно, теперь сказать, что как раз только a имеет это отношение к a , но, чтобы выразить это, мы нуждаемся в самом знаке тождества.

5.5302. Расселовское определение " $=$ " не годится, так как согласно ему нельзя сказать, что два объекта имеют общими все свойства. (Даже если это предложение никогда не верно, оно все же имеет смысл.)

5.5303. Между прочим: сказать о двух предметах, что они тождественны, бессмысленно, а сказать об одном предмете, что он тождествен сам себе, значит ничего не сказать.

5.531. Следовательно, я не пишу " $f(a, b). a = b$ ", но " $f(a, a)$ " (или " $f(b, b)$ "). И не " $f(a, b). \sim a = b$ ", но " $f(a, b)$ ".

5.532. И аналогично: не " $(\exists x, y). f(x, y). x = y$ ", но " $(\exists x). f(x, x)$ "; и не " $(\exists x, y). f(x, y). \sim x = y$ ", но " $(\exists x, y). f(x, y)$ ".

(Следовательно, вместо расселовского " $(\exists x, y). f(x, y)$ " : " $(\exists x, y). f(x, y)$ ". $\forall (\exists x). f(x, x)$ ".)

5.5321. Вместо " $(x) : fx x = a$ " мы, следовательно, пишем, например, " $(\exists x). f(x, y)$ ". : $\sim(\exists x, y). fx fy$ ".

А предложение "только один x удовлетворяет $f()$ " гласит: " $(\exists x). fx : \sim(\exists x, y). fx fy$ ".

5.533. Следовательно, знак тождества не является существенной составной частью логической символики

5.534. И теперь Мы видим, что псевдопредложения, как " $a = a$ ", " $a = B. B = c. \acute{E} a = c$ ", " $(\exists x). x = x$ ", " $(\exists x). x = o$ " и т. д., в правильной логической символике даже не могут быть написаны.

5.535. Тем самым исчезают и все проблемы, связанные с подобными псевдопредложениями.

Здесь уже решаются все проблемы, связанные с расселовской "аксиомой бесконечности".

То, что должна высказать аксиома бесконечности, могло бы выразиться в языке тем, что имеется бесконечно много имен с различным значением.

5.5351. Существуют определенные случаи, когда возникает искушение употребить выражение вида " $a = a$ " или " $r\acute{E}r$ " и тому подобные. Это происходит именно тогда, когда хотят говорить о прообразе: предложение, вещь и т. д. Так, Рассел передал в "Принципах математики" ("Principles of Mathematics") бессмыслицу " r есть предложение" в символах посредством " $r\acute{E}r$ " и принял ее как гипотезу для определенных предложений, чтобы показать, что места их аргументов могут быть заняты только предложениями.

(Ставить гипотезу $r\acute{E}r$ перед предложением, чтобы его аргументам обеспечить правильную форму, уже потому бессмысленно, что эта гипотеза для непредложения как аргумента является не ложной, "о бессмысленной, и потому, что само предложение с аргументами неправильного вида является бессмысленным и, следовательно, предохраняет себя от неправильных аргументов столь же хорошо или столь же плохо, как и бессмысленная гипотеза, предназначенная для этой цели.)

5.5352. Также-хотели выразить "предметов не существует" через " $\sim(\exists x, y). x = x$ ". Но даже если это было бы предложением, разве оно не было бы истинным, даже если бы действительно "предметы существовали", но при этом не были бы тождественны самим себе?

5.54. В общей пропозициональной форме предложение входит в предложение только как основание операций истинности.

5.541. На первый взгляд, кажется, будто предложение может также входить

в другое и другим способом.

В особенности в определенных формах предложений психологии, как "А думает, что р имеет место" или "А мыслит р".

Здесь на первый взгляд кажется, что предложение р как будто стоит к объекту А в каком-то отношении.

(Так понимались эти предложения и в современной теории познания (Рассел, Мур и т. д.).)

5.542. Но ясно, что "Доверит, что р", "А мыслит р", "А говорит р" являются предложениями формы: "р говорит р"; и здесь мы имеем не координацию факта и объекта, а координацию фактов посредством координации их объектов.

5.5421. Это также показывает, что душа-субъект и т. д., - как она понимается в современной поверхностной психологии, есть небылица.

Составная душа больше не была бы собственно душой.

5.5422. Правильное объяснение формы предложения "А судит о р" должно показать, что невозможно судить о бессмыслице (расселовская теория этому условию не удовлетворяет).

5.5423. Воспринимать комплекс значит воспринимать, что его составные части относятся друг к другу так-то и так-то.

Этим, возможно, объясняется и то, что фигуру можно видеть как куб двояким образом; возможно, этим объясняются и все подобные явления. Ибо мы действительно видим два различных факта.

(Если я смотрю сначала на углы "а" и только мельком на "b", то "а" кажется спереди, а "b" - сзади, и наоборот.)

5.55. Мы теперь априори должны ответить на вопрос о всех возможных формах элементарных предложений.

Элементарное предложение состоит из имен. По так как мы не можем указать количество имен с различными значениями, то мы не можем также указать состав элементарного предложения.

5.551. Нашим основным принципом является то, что каждый вопрос, который вообще может решаться логикой, должен быть решен ею тотчас же.

(И если мы оказываемся в такой ситуации, что должны решать подобную проблему с помощью созерцания мира, то это показывает, что наш путь ложен в своей основе.)

5.552. "Опыт", в котором мы нуждаемся для понимания логики, заключается не в том, что нечто обстоит так-то и так-то, но в том, что нечто есть, но это как раз не опыт.

Логика есть до всякого опыта - что нечто есть так.

Она есть до Как, но не до Что.

5.5521. И если бы это было не так, то как могли бы мы применять - логику? Можно было бы сказать: если бы была логика, даже если не было бы мира, как тогда могла бы быть логика, поскольку есть мир?

5.553. Рассел говорил, что имеются простые отношения между различными количествами предметов (индивидов). Но между какими количествами? И как должно это решаться? опытом?

(Нет привилегированных чисел.)

5.554. Перечисление любых особых форм было бы совершенно искусственным.

5.5541. Должна априори иметься возможность устанавливать, могу ли я, например, попасть в такую ситуацию, чтобы я должен был обозначить знаком 27 местное отношение.

5.5542. Но можно ли вообще так спрашивать? Можем ли мы установить

знаковую форму, не зная, может ли ей нечто соответствовать?

Имеет ли смысл вопрос: что должно быть, чтобы что-то другое могло иметь место?

5.555. *Ясно, что мы имеем понятие элементарного предложения, помимо его особых логических форм.*

Но где можно строить символы согласно системе, там логически важна эта система, а не отдельные символы.

И как было бы возможно, чтобы я в логике имел дело с формами, которые я могу изобрести? Но я должен иметь дело с тем, что дает мне возможность изобретать их.

5.556. *Не может быть иерархии форм элементарных предложений. Мы - можем предвидеть только то, что мы сами конструируем.*

5.5561. *Эмпирическая реальность ограничена совокупностью всех объектов. Граница снова появляется в совокупности всех элементарных предложений. Иерархии независимы от действительности и должны быть независимы от нее.*

5.5562. *Если мы знаем по чисто логическим основаниям, что должны быть элементарные предложения, то это должен знать каждый, кто понимает предложения в их неанализированной форме.*

5.5563. *Все предложения нашего разговорного языка являются фактически, так как (so wie) они есть, логически полностью упорядоченными. Всякое простейшее, которое мы должны здесь дать, не является подобием истины, но есть сама полная истина.*

(Наши проблемы не абстрактные, а, пожалуй, самые конкретные из всех.)

5.557. *Применение логики решает, какие элементарные предложения имеются. Логика не может заранее предвидеть того, что заключено в ее применении.*

Ясно: логика не должна противоречить своему применению.

Но логика должна соприкоснуться со своим применением.

Следовательно, логика и ее применение не должны перекрещиваться друг с другом.

5.5571. *Если я не могу априори дать элементарных предложений, то желание их дать должно вести к явной бессмыслице.*

5.6. *Границы моего языка означают границы моего мира.*

5.61. *Логика наполняет мир; границы мира являются также ее границами.*

Поэтому мы не можем говорить - в логике: это и это существует в мире, а то - нет.

Ибо это, по-видимому, предполагало бы, что мы исключаем определенные возможности, а этого не может быть, так как для этого логика должна была бы выйти за границы мира: чтобы она могла рассматривать эти границы также с другой стороны.

То, чего мы не можем мыслить, того мы мыслить не можем; мы, следовательно, не можем и сказать того, чего мы не можем мыслить.

5.62. *Это замечание дает нам ключ к решению вопроса о том, а какой мере солипсизм является истиной.*

То, что в действительности подразумевает солипсизм, вполне правильно, только это не может быть сказано, а лишь показывает себя.

Тот факт, что мир есть мой мир, проявляется в том, что границы языка (единственного языка, который понимаю я) означают границы моего мира.

5.621. *Мир - и жизнь едины.*

5.63. *Я есть мой мир (микрокосм).*

5.631. *Мыслящего, представляющего субъекта нет. Если я пишу книгу "Мир, как я его нахожу", в ней должно быть также сообщено о моем теле и сказано,*

какие члены подчиняются моей воле и какие - нет и т. д. Это есть, собственно, метод изоляции субъекта, или скорее, показа, что в некотором важном смысле субъекта нет, т. е. о нем одном не может идти речь в этой книге.

5.632. Субъект не принадлежит миру, но он есть граница мира.

5.633. Где в мире можно заметить метафизический субъект?

Вы говорите, что здесь дело обстоит точно так же, как с глазом и полем зрения. Но в действительности вы сами не видите глаза.

И не из чего в поле зрения нельзя заключить, что оно видится глазом.

5.6331. Ибо поле зрения не имеет такой формы.

5.634. Это связано с тем, что ни одна часть нашего опыта не является также априорной.

Все, что мы видим, может быть также другим.

Все, что мы можем вообще описать, может также быть другим.

Нет никакого априорного порядка вещей.

5.64. Здесь видно, что строго проведенный солипсизм совпадает с чистым реализмом. Я солипсизма сокращается до непротяженной точки, и остается соотношенная с ним реальность.

5.641. Следовательно, действительно имеется смысл, в котором в философии можно не психологически говорить о Я.

Я выступает в философии благодаря тому, что "мир есть мой мир".

Философское Я есть не человек, человеческое тело и человеческая душа, о которой говорится в психологии, но метафизический субъект, граница - а не часть мира.

6. Общая форма функции истинности есть: $[p, x, N(x)]$.

Это есть общая форма предложения.

6.001. Это означает только, что каждое предложение есть результат последовательного применения операций $N'(x)$ к элементарным предложениям.

6.002. Если дана общая форма того, как построено предложение, то тем самым дана общая форма того, как можно посредством операции из одного предложения создать другое.

6.01. Следовательно, общая форма операции. $W'(h)$ есть: $[x, N(x), h]$ ($=[h, x, N(x)]$).

Это есть самая общая форма перехода от одного предложения к другому.

6.02. И таким образом мы приходим к числам: я определяю $x=W^0x$ Def и $W^v W^{v+1}x=W^{v+1}x$ Def.

Следовательно, согласно этим символическим правилам, мы ряд $x, W'x, W'W'x...$ напишем так: $W^0x, W^{0+1}x...$

Следовательно, вместо

" $[x, x, W'x]$ "

я пишу

" $[W^0x, W^v x, W^{v+1}x]$ "

и определяю

$0+1=1$ Def

$0+1+1=2$ Def

$0+1+1+1=3$ Def и так далее.

6.021. Число есть показатель операции.

6.022. Понятие числа есть не что иное, как общее всех чисел, общая форма числа.

Понятие числа есть переменное число.

А понятие равенства чисел есть общая форма всех особых числовых равенств. "

6.03. Общая форма целого числа есть:

"[0, x, x+1]".

6.031. Теория классов в математике совершенно излишня.

Это связано с тем, что общность, употребляемая в математике, - не случайная общность.

6.1. Предложения логики суть тавтологии.

6.11. Предложения логики, следовательно, ничего не говорят. (Они являются аналитическими предложениями.)

6.111. Теории, в которых предложение логики может казаться содержательным, всегда ложны. Можно, например, верить, что слова "истинно" и "ложно" обозначают два свойства среди других свойств, и тогда казалось бы удивительным фактом то, что всякое предложение обладает одним из этих свойств. Это кажется теперь далеко не самоочевидным, столь же мало самоочевидным, как, например, предложение "все розы или желтые, или красные", даже если оно истинно. Да, каждое такое предложение в таком случае получает полностью характер естественно-научного предложения, а это есть верный признак того, что оно было ложно понято.

6.112. Правильное объяснение логических предложений должно ставить их в исключительное положение среди всех предложений.

6.113. Специфическим признаком логических предложений является то, что их истинность узнается из символа самого по себе, и этот факт заключает в себе всю философию логики. И одной из важнейших фактов является также то, что истинность или ложность нелогических предложений не может быть познана из одних этих предложений.

6.12. Тот факт, что предложения логики-тавтологии, показывает формальные - логические - свойства языка, мира.

То, что их составные части, будучи так связаны, дают тавтологию, характеризует логику их составных частей.

Чтобы предложения, соединенные определенным образом, дали тавтологию, они должны иметь определенные свойства структуры. То, что, будучи так связаны, они дают тавтологию, показывает, следовательно, что они обладают этими свойствами структуры.

6.1201. То, что, например, предложения "p" и "~p" в связи $\sim (p * \sim p)$ дают тавтологию, показывает, что они противоречат друг другу. То, что предложения "p \dot{E} p", "p" и "q", связанные друг с другом в форме $(p \dot{E} q) * (p) : \dot{E} : (q)$, дают тавтологию, показывает, что q следует из p и $p \dot{E} q$. То, что $(x) fx : \dot{E} : fa$ есть тавтология, показывает, что fa следует из $(x) * fx$, и т. д.

6.1202. Ясно, что для этой же цели можно было бы применять вместо тавтологии противоречия.

6.1203. Для того чтобы опознать тавтологию как таковую, можно пользоваться в тех случаях, когда в тавтологии не входит знак общности, следующим наглядным методом: я пишу вместо "p", "q", "r" и т. д. "ИрЛ". "ИqЛ", "ИrЛ" и т. д. Комбинации истинности я выражаю скобками, например:

а координацию истинности или ложности всего предложения с комбинациями истинности аргументов истинности-линиями следующим образом:

Этот знак изображал бы, например, предложение $p \dot{E} q$. Теперь я хочу исследовать на основании этого, является ли, например, предложение $\sim (p * \sim p)$ (закон противоречия) тавтологией. Форма "~x" в нашем способе записи напишется: И -

"ИхЛ" - Л.

Форма " $\sim xh$ " напишется так.

Поэтому предложение $\sim (p.\sim q)$ гласит следующее.

Если мы поставим здесь вместо "q" - "p" и исследуем сочетание самых крайних Я и Л с самыми внутренними, то получится, что истинность всего предложения согласовывается со всеми комбинациями истинности его аргументов, а его ложность не согласовывается ни с одной комбинацией истинности.

6.121. Предложения логики демонстрируют логические свойства предложений, связывая их в ничего не говорящие предложения.

Этот метод можно было бы назвать также методом нуля. В логическом предложении предложения уравниваются друг с другом, и тогда состояние равновесия указывает, как должны логически строиться эти предложения.

6.122. Из этого следует, что мы можем обходиться без логических предложений, так как мы ведь можем узнавать в соответствующей записи формальные свойства предложений простым наблюдением их.

6.1221. Если, например, два предложения "p" и "q" в связи " $p\acute{E}q$ " дают тавтологию, то ясно, что q следует из p.

Например, то, что " следует из " $p\acute{E} q*p$ ", мы видим из самих этих двух предложений, -но это мы можем также показать, связывая их в " $p\acute{E} q * p : \acute{E}: q$ " и показывая затем, что это тавтология.

6.1222. Это проливает свет на вопрос, почему логические предложения могут подтверждаться, опытом не более, чем они могут опровергаться опытом. Предложение логики не только не должно опровергаться никаким возможным опытом, но оно также не может им подтверждаться.

6.1223. Теперь ясно, почему мы нередко чувствуем, будто "логические истины" должны "требоваться" нами. Мы можем фактически требовать их постольку, поскольку мы можем требовать удовлетворительного способа записи.

6.1224. Теперь также ясно, почему логика была названа учением о формах и выводе.

6.123. Ясно, что логические законы сами не могут в свою очередь подчиняться логическим законам.

(Для каждого "типа" нет своего особого закона противоречия, как полагал Рассел, но достаточно одного, так как он ведь не применяется к самому себе.)

6.1231. Признаком логического предложения не является общезначимость. Быть общим - это ведь только значит: случайно иметь значение для всех предметов. Необобщенное предложение может быть тавтологичным точно так же, как и обобщенное.

6.1232. Логическую общезначимость можно было бы назвать существенной, в противоположность случайной общезначимости, которая выражается, например, в предложении "все люди смертны". Предложения типа расселовской "аксиомы сводимости" не являются логическими предложениями, и этим объясняется то, что мы чувствуем: подобные предложения, даже если они истинны, могут быть истинными только благодаря счастливой случайности.

6.1233. Можно представить себе мир, в котором "аксиома сводимости" недействительна. Но ясно, что логика не имеет никакого отношения к вопросу о том, таков ли наш мир в действительности или нет.

6.124. Логические предложения описывают строительные леса (das Gerüst) мира, или, скорее, изображают их. Они ни о чем не "трактуют". Они предполагают, что имена имеют значение, а элементарные предложения - смысл; это и есть их связь с миром. Ясно, что должен показывать нечто о мире тот

факт, что некоторые связи символов, имеющие, по существу, определенный характер, являются тавтологиями. В этом - решающее. Мы сказали, что в символах, которые мы употребляем, кое-что является произвольным, а кое-что - нет. В логике выражается только это; но это означает, что в логике не мы выражаем с помощью знаков то, что мы хотим, а в логике высказывает себя природа естественно-необходимых знаков. Иными словами, если мы знаем логический синтаксис какого-либо знакового языка, то уже даны все предложения логики.

6.125. Можно-также и по старому пониманию логики-дать заранее описание всех "истинных" логических предложений.

6.1251. Следовательно, в логике не может быть ничего неожиданного.

6.126. Принадлежит ли предложение к логике, можно вычислить вычислением логических свойств символа.

И это мы делаем при "доказательстве" логического предложения. Потому что, не заботясь о смысле и значении, мы образуем логическое предложение из другого по простым символическим правилам.

Доказательство логических предложений состоит в том, что мы можем их образовывать из других логических предложений последовательным применением определенных операций, которые постоянно создают из первых предложений опять тавтологии. (А именно: из тавтологии следуют только тавтологии.)

Естественно, что для логики совершенно не важен способ показа того, что ее предложения суть тавтологии. Уже потому, что предложения, из которых исходит доказательство, должны без доказательства показывать, что они - тавтологии.

6.1261. В логике процесс и результат эквивалентны. (Поэтому нет никаких неожиданностей.)

6.1262. Доказательство в логике есть только механическое средство облегчить распознавание тавтологии там, где она усложнена.

6.1263. Также было бы чересчур хорошо, если бы можно было логически доказать одно осмысленное предложение из другого, а также доказать логическое предложение. Заранее ясно, что логическое доказательство осмысленного предложения и доказательство в логике должны быть совершенно различными вещами.

6.1264. Осмысленное предложение нечто высказывает, а его доказательство показывает, что это так и есть; в логике каждое предложение является формой доказательства.

Каждое предложение логики есть изображенный в знаках *modus ponens* (*a modus ponens* нельзя выразить предложением).

6.1265. Всегда можно так понять логику, что каждое предложение есть свое собственное доказательство.

6.127. Все предложения логики равноправны, среди них нет существенно исходных и выводимых из них предложений.

Всякая тавтология сама показывает, что она - тавтология.

6.1271. Ясно, что число "логических исходных предложений" произвольно, так как ведь можно было бы вывести логику из одного исходного Предложения, образуя, например, просто логическое произведение исходных предложений Фреге. (Фреге, **ВОЗМОЖНО**, сказал бы, что это положение не было бы непосредственно очевидным. Но удивительно, что такой строгий мыслитель, как Фреге, принимал степень очевидности в качестве критерия логического предложения.)

6.13. Логика не теория, а отражение мира.

Логика трансцендентальна.

6.2. Математика есть логический метод.

Предложения математики являются уравнениями, а потому - псевдопредложениями.

6.21. Предложение математики не выражает никакой мысли.

6.211. В жизни ведь нет таких математических предложений, в которых мы бы нуждались, но математические предложения мы употребляем только для того, чтобы из предложений, не принадлежащих математике, выводить другие, равным образом не принадлежащие математике.

(В философии вопрос "Для чего мы, собственно, употребляем данное слово, данное предложение" всегда приводил к ценным результатам.)

6.22. Логику мира, которую предложения логики показывают в тавтологиях, математика показывает в уравнениях. .

6.23. Если два выражения связаны знаком" равенства, то это означает, что они взаимозаменяемы. Но имеет ли это место-должно быть видно из самих этих двух выражений.

Взаимозаменяемость двух выражений характеризует их логическую форму.

6.231. Свойством утверждения является то, что оно может пониматься как двойное отрицание.

Свойством " $1+1+1+1$ " является то, что оно может пониматься как " $(1 + 1) + 1 + 1$ ".

6.232. Фреге говорит, что эти выражения имеют, одинаковое значение, но различный смысл.

Но в уравнении существенно то, что оно не необходимо для того, чтобы показать, что оба выражения, связываемые знаком равенства, имеют одинаковое значение, так как это может быть понято из самих этих двух выражений.

6.2321. И то обстоятельство, что предложения математики могут доказываться, означает не что иное, как их правильность можно усмотреть, не сравнивая то, что они выражают, с фактами относительно их правильности.

6.2322. Тождество значений двух выражений не может утверждаться. Ибо для того, чтобы иметь возможность что-либо утверждать об их значении, я должен знать их значение; а зная эти значения, я знаю, означают ли они одно и то же или нечто различное.

6.2323. Уравнение характеризует только точку зрения, с которой я рассматриваю оба выражения, иными словами - точку зрения тождества их значений.

6.233. На вопрос, нужна ли для решения математических проблем интуиция, следует отвечать, что сам язык доставляет здесь необходимую интуицию.

6.2331. Процесс счета (*Rechnens*) как раз способствует этой интуиции.

Расчет не есть эксперимент.

6.234. Математика есть метод логики.

6.2341. Существо математического метода-работа с уравнениями. На этом методе основывается, собственно говоря, то обстоятельство, что всякое предложение математики должно быть понятно само собой.

6.24. Метод, с помощью которого математика приходит к своим уравнениям, есть метод подстановки.

Ибо уравнения выражают заместимость двух выражений, и мы переходим от одного количества уравнений к новым уравнениям, заменяя соответственно уравнениям одни выражения другими.

6.3. Исследование логики означает исследование всей закономерности. А вне

логики все случайно.

6.31. Так называемый закон индукции ни в каком случае не может быть логическим законом, так как очевидно, что он является осмысленным предложением, и поэтому также он не может быть априорным законом.

6.32. Закон причинности не закон, а форма закона.

6.321. "Закон причинности" - это родовое имя. И, как в механике, мы говорим, что имеется закон минимума, например закон наименьшего действия, так и в физике имеются причинные законы, законы причинностной формы.

6.3211. Ведь о том, что должен быть "закон наименьшего действия", догадывались еще прежде, чем узнали, как он формулируется. (Здесь, как всегда, априорно достоверное оказывается чем-то чисто логическим.)

6.33. Мы не верим априори в закон сохранения, но мы априори знаем возможность логической формы.

6.34. Все такие предложения, как закон основания (*der Satz vom Grunde*), непрерывности природе, наименьшей затраты в природе и т. д., все они представляют априорные умозрения возможных форм предложений науки.

6.341. Например, ньютоновская механика приводит описание мира к единой форме. Представим себе белую поверхность, на которой в беспорядке расположены черные пятна. Теперь мы говорим: какую бы картину они ни образовывали, я всегда могу сделать ее описание сколь угодно точным, покрывая эту поверхность достаточно частой сеткой, составленной из квадратных ячеек, и говоря о каждом квадрате, белый он или черный. Таким образом я буду приводить описание поверхности к единой форме. Эта форма произвольна, поскольку я мог бы с таким же успехом применить сетку из треугольных или шестиугольных ячеек. Может пучиться, что описание с помощью треугольной сетки было бы проще, то есть мы могли бы точнее описать поверхность с помощью более редкой (*groberen*) треугольной сетки, чем с помощью более частой, составленной из квадратных ячеек (или наоборот), и т. д. Различным сеткам соответствуют различные системы описания мира. Механика определяет форму описания мира, говоря: все предложения в описании-мира должны быть получены данным способом из некоторого числа данных предложений-механических аксиом. Этим самым она закладывает кирпичи в фундамент здания науки и говорит: какое бы здание ты ни захотел воздвигнуть, ты должен его сложить каким-либо способом из этих и только из этих кирпичей. (Как система чисел дает возможность написать любое произвольное число, так и система механики должна давать возможность написать любое произвольное предложение физики.)

6.342. И теперь мы видим взаимоотношение логики и механики. (Можно было бы образовать сетку и из различного вида фигур, например из треугольников и шестиугольников.) Тот факт, что картина, подобная вышеупомянутой, может описываться сеткой данной формы, ничего не говорит о картине. (Ибо это относится к любой картине этого рода.) Но картину характеризует то, что она может полностью описываться определенной сеткой определенной частоты. Также ничего не говорит о мире тот факт, что он может быть описан ньютоновской механикой, но, однако, о мире нечто говорит то обстоятельство, что он может быть описан ею так, как это фактически имеет место. О мире также что-то говорит и тот факт, что одной механикой он может описываться проще, чем другой.

6.343. Механика есть попытка построить по единому плану все истинные предложения, в которых мы нуждаемся для описания мира.

6.3431. Всем своим логическим аппаратом физические законы все же говорят об объектах мира.

6.3432. Мы не должны забывать, что описание мира механикой всегда является совершенно общим. В механике, например, речь никогда не идет об определенных материальных точках, но всегда только о каких-нибудь.

6.35. Хотя пятна на нашей картине являются геометрическими фигурами, геометрия сама по себе не может решительно ничего сказать об их действительной форме и положении. Но сетка является чисто геометрической, все ее свойства могут быть даны априори.

Законы, как закон основания (*der Satz vom Grunde*) и т. д., говорят о сетке, но не о том, что описывает сетка.

6.36. Если бы был дан закон причинности, то он бы гласил: "есть естественные законы".

Но, конечно, это не может быть сказано; это показывает себя.

6.361. Употребляя способ выражения Герца, можно сказать: только закономерные связи мыслимы.

6.3611. Ни один процесс мы не можем сравнивать с "течением времени" - этого не существует, мы только можем сравнивать один процесс с другим (например, с ходом хронометра).

Поэтому описание течения времени возможно только в том случае, если мы основываемо на другом процессе.

Аналогично и для пространства.

Там, где, например говорят, что не может наступить ни одно из двух событий (которые взаимно исключают друг друга), поскольку нет причины, по которой одно должно наступить скорее другого, там в действительности дело в том, что невозможно описать даже одного из этих двух событий, если только нет; какой-либо асимметрии. А если такая асимметрия есть, то мы можем рассматривать ее как причину наступления одного и ненаступления другого события.

6.36111. Кантовская проблема правой и левой руки, которые не могут совпасть при наложении, существует уже в плоскости и даже в одномерном пространстве, где две конгруэнтные фигуры *a* и *b* также не могут совпасть при наложении, не выходя из этого пространства.

Правая и левая рука фактически полностью конгруэнтны. И то, что они не могут совпасть при наложении, не имеет к этому никакого отношения.

Правую перчатку можно было бы надеть на левую руку, если бы ее можно было повернуть в четырехмерном пространстве.

6.362. То, что может быть описано, может и случиться, и то, что должно исключаться законом причинности, то не может быть описано.

6.363. Процесс индукции состоит в том, что мы принимаем простейший закон, согласующийся с нашим опытом.

6.3631. Но этот процесс имеет не логическое, а только психологическое основание.

Ясно, что нет никакого основания верить, что в действительности наступит только простейший случай.

6.36311. То, что завтра взойдет солнцем - гипотеза а это означает, что мы не знаем, взойдет ли оно.

6.37. Не существует необходимости, по которой одно должно произойти потому, что произошло другое. Имеется только логическая необходимость.

6.371. В основе всего современного мировоззрения лежит иллюзия, что так называемые законы природы являются объяснениями природных явлений.

6.372. Таким образом, люди . останавливаются перед естественными законами как перед чем-то неприкосновенным, как древние останавливались перед богом и судьбой.

И они одновременно правы и не правы. Но древние были яснее, поскольку они признавали один ясный предел, в то время как новые системы представляют дело так, как будто все объяснено.

6.373. Мир не зависит от моей воли.

6.374. Даже если бы все, чего мы желаем, произошло, все же это было бы только, так сказать, милостью судьбы, так как нет никакой логической связи между волей и миром, которая гарантировала бы это, и мы сами все-таки не могли бы опять желать принятой физической связи.

6.375. Поскольку существует только логическая необходимость, постольку также существует только логическая невозможность.

6.3751. Например, для двух цветов невозможно находиться одновременно в одном и том же месте в поле зрения, и именно логически невозможно, так как это исключается логической структурой цвета.

Рассмотрим, как изображается это противоречие в физике. Примерно так: частица не может в одно и то же время обладать двумя скоростями, то есть она не может быть в двух местах в одно и то же время, то есть частицы в разных местах в одно и то же время не могут быть тождественными.

(Ясно, что логическое произведение двух элементарных предложений не может быть ни тавтологией, ни противоречием. Утверждение, что точка в поле зрения в одно и то же время имеет два различных цвета, есть противоречие.)

6.4. Все предложения равноценны.

6.41. Смысл мира должен лежать вне его. В мире все есть, как оно есть, и все происходит так, как происходит. В нем нет никакой ценности, а если бы она там и была, то она не имела бы никакой ценности.

Если есть ценность, имеющая ценность, то она должна лежать вне всего происходящего и вне Такого (So - Sein). Ибо все происходящее и Такое - случайно.

То, что делает это не случайным, не может находиться в мире, ибо в противном случае оно снова было бы случайным.

Оно должно находиться вне мира.

6.42. Поэтому не может быть никаких предложений этики.

Предложения не могут выражать ничего высшего.

6.421. Ясно, что этика не может быть высказана. Этика трансцендентальна. (Этика и эстетика едины.)

6.422. Первой мыслью при установлении этического закона формы "ты должен..." является: "а что, если я не сделаю?" Но ясно, что этика не имеет ничего общего с наказанием и вознаграждением в обычном смысле. Поэтому данный вопрос о последствиях действия должен быть вопросом, не относящимся к делу. По крайней мере эти последствия не должны быть событиями, ибо все же нечто в этой постановке вопроса должно быть правильным. Должно иметься некоторого рода этическое наказание и этическое вознаграждение, но они должны лежать в самом действии.

(И ясно также, что- вознаграждение должно быть чем-то приятным, а наказание - чем-то неприятным.)

6.423. Нельзя говорить о воле, как о носителе этического.

Воля как феномен интересуется только психологию.

6.43. Если добрая и злая воля изменяет мир, то она может изменить только границу мира, а не факты, не то, что может выражаться в языке.

Короче говоря, при этом условии мир должен вообще стать совсем другим. Он должен, так сказать, уменьшаться или возрастать как целое.

Мир счастливого совершенно другой, чем мир несчастного.

6.431. Так же как при смерти мир не изменяется, но прекращается.

6.4311. Смерть не событие жизни. Смерть не переживается.

Если под вечностью понимают не бесконечную временную длительность, а безвременность, то вечно живет тот, кто живет в настоящем.

Наша жизнь так же бесконечна, как наше поле зрения безгранично.

6.4312. Временное бессмертие человеческой души, означающее, следовательно, ее вечную жизнь даже после смерти, не только ничем не гарантировано, но прежде всего это предположение не выполняет даже того, чего с его помощью всегда хотели достичь. Решается ли какая-либо загадка тем, что я вечно продолжаю жить? Не является ли поэтому эта вечная жизнь настолько же загадочной, как и настоящая? Решение загадки жизни в пространстве и времени лежит вне пространства и времени.

(Здесь должны решаться не естественно - научные проблемы.)

6.432. Как есть мир для высшего совершенно безразлично. Бог не проявляется в мире.

6.4321. Все факты принадлежат только к задаче, а не к решению.

6.44. Мистическое не то, как мир есть, но то, что он есть.

6.45. Созерцание мира *sub specie aeterni* есть его созерцание как ограниченного целого.

Чувствование мира как ограниченного целого есть мистическое.

6.5. Для ответа, который не может быть высказан, не может быть высказан вопрос.

Загадки не существуют.

Если вопрос вообще может быть поставлен, то на него можно также и ответить.

6.51. Скептицизм не непроверяем, но, очевидно, бессмыслен, если он хочет сомневаться там, где нельзя спрашивать.

Потому что сомнение может существовать только там, где существует вопрос, вопрос-только там, где существует ответ, а ответ - только там, где что-нибудь может быть сказано.

6.52. Мы чувствуем, что, если бы и существовал ответ на все возможные научные вопросы, проблемы жизни не были бы при этом даже затронуты. Тогда, конечно, больше не остается никаких вопросов; это как раз и есть ответ.

6.521. Решение проблемы жизни состоит в исчезновении этой проблемы.

(Не это ли причина того, что люди, которым после долгих сомнений стал ясным смысл жизни, все же не могут сказать, в чем этот смысл состоит.)

6.522. Есть, конечно, нечто невыразимое. Оно показывает себя; это - мистическое.

6.53. Правильным методом философии был бы следующий: не говорить ничего, кроме того, что может быть сказано, - следовательно, кроме предложений естествознания, т. е. того, что не имеет ничего общего с философией, и затем всегда, когда кто-нибудь захочет сказать нечто метафизическое, показать ему, что он не дал никакого значения некоторым знакам в своих предложениях. Этот метод был бы неудовлетворителен для нашего собеседника - он не чувствовал бы, что мы учим его философии, но все же это был бы единственный строго правильный метод.

6.54. Мои предложения поясняются тем фактом, что тот, кто меня понял, .в

конце концов уясняет их бессмысленность, если он поднялся с их помощью - на них - выше их (он должен, так сказать, отбросить лестницу, после того как он взберется по ней наверх).

Он должен преодолеть эти предложения, лишь тогда он правильно увидит мир.

7. О чем невозможно говорить, о том следует молчать.

Библиотека

Перейти

Л.ВИТГЕНШТЕЙН

ФИЛОСОФСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Кембридж
Январь 1945

ПРЕДИСЛОВИЕ

Публикуемые здесь мысли концентрат философских исследований, занимавших меня последние шестнадцать лет. Они касаются многих вопросов: понятия "значение", понимания, предложения, логики, оснований математики, состояний сознания и многого другого. Я записал все эти мысли в форме заметок, коротких абзацев. Иногда они образуют относительно длинные цепи рассуждений об одном и том же предмете, иногда же их содержание быстро меняется, перескакивая от одной области к другой. Я с самого начала намеревался объединить все эти мысли в одной книге, форма которой в разное время представлялась мне разной. Но мне казалось существенным, чтобы мысли в ней переходили от одного предмета к другому в естественной и непрерывной последовательности.

После нескольких неудачных попыток увязать мои результаты в такую целостность я понял, что это мне никогда не удастся. Что лучшее из того, что я мог бы написать, все равно осталось бы лишь философскими заметками. Что, как только я пытался принудить мои мысли идти в одном направлении вопреки их естественной склонности, они вскоре оскудевали. И это было, безусловно, связано с природой самого исследования. Именно оно принуждает нас странствовать по обширному полю мысли, пересекая его вдоль и поперек в самых различных направлениях. Философские заметки в этой книге это как бы множество пейзажных набросков, созданных в ходе этих долгих и запутанных странствий.

Причем с приближением к тем же или почти тем же пунктам с разных направлений, как бы заново, делались все новые зарисовки. Многие из них неправильно нарисованы или нехарактерны, полны огрехов слабого рисовальщика. Но после их отбраковки остается некоторое число довольно сносных эскизов, которые следует упорядочить, а часто и подрезать, чтобы они могли дать зримую картину ландшафта. Итак, эта моя книга, в сущности, только альбом.

Собственно, до недавнего времени я отказывался от мысли опубликовать свою работу при жизни. Правда, время от времени эта мысль во мне шевелилась. И прежде всего потому, что мне приходилось убеждать себя: выводы, излагавшиеся

мною в лекциях, рукописях, обсуждениях, входили в широкое обращение в сильно искаженном, более или менее разбавленном или урезанном виде. Это задевало мое самолюбие, и мне стоило больших трудов его успокоить.

Четыре года назад у меня был повод перечитать мою первую книгу (Логико-философский трактат) и пояснять ее идеи. Тут мне вдруг показалось, что следовало бы опубликовать те мои старые и новые мысли вместе; что только в противопоставлении такого рода и на фоне моего прежнего образа мыслей эти новые идеи могли получить правильное освещение.

Ибо, вновь занявшись философией шестнадцать лет назад, я был вынужден признать, что моя первая книга содержит серьезные ошибки. Понять эти ошибки в той мере, в какой я сам едва ли смог бы это сделать, мне помогла критика моих идей Фрэнком Рамсеем, в бесчисленных беседах с которым я обсуждал их множество раз в течение двух последних лет его жизни. В еще большей мере, чем эта всегда мощная и решительная критика, на меня повлияли замечания преподавателя университета г-на П.Сраффа, в течение многих лет неустанно занимавшегося анализом моих мыслей. Этому стимулирующему воздействию я обязан наиболее последовательными идеями моего сочинения.

То, что я публикую здесь, перекликается на то есть не одна причина с тем, что сегодня пишут другие. Коль скоро на моих заметках нет штемпеля, удостоверяющего мое авторство, то мне в дальнейшем никак не предьявить права на них как на свою собственность.

Я представляю их к публикации с противоречивыми чувствами. Не исключено, что этой работе, при всем ее несовершенстве и при том, что мы живем в мрачное время, будет суждено внести ясность в ту или иную голову; но, конечно, это не столь уж и вероятно.

Своим сочинением я не стремился избавить других от усилий мысли. Мне хотелось иного: побудить кого-нибудь, если это возможно, к самостоятельному мышлению.

Я был бы счастлив создать хорошую книгу. Так не случилось; но время, когда я мог бы ее улучшить, ушло.

ЧАСТЬ I

1. Августин в Исповеди (I/8) говорит: *"Cum ipsi (maiores homines) appellabant rem aliquam, et cum secundum eam vocem corpus ad aliquid movebant, videbam, et tenebam hoc ab eis vocari rem illam, quod sonabant, cum eam vellent ostendere. Hoc autem eos velle ex motu corporis aperiebatur: tamquam verbis naturalibus omnium gentium, quae fiunt vultu et nutu oculorum, ceterorumque membrorum actu, et sonitu vocis indicante affectionem animi in petendis, habendis, rejiciendis, fugiendisque rebus. Ita verba in variis sententiis locis suis posita, et crebro audita, quarum rerum signa essent, paulatim colligebam, measque jam voluntates, edomito in eis signis ore, per haec enuntiabam"*

В этих словах заключена, мне кажется, особая картина действия человеческого языка. Она такова: слова языка именуют предметы предложения суть связь таких наименований.

В этой картине языка мы усматриваем корни такого представления: каждое слово имеет какое-то значение. Это значение соотнесено с данным словом. Оно соответствующий данному слову объект.

Августин не говорит о различии типов слов. Тот, кто описывает обучение

языку таким образом, думает прежде всего, по-видимому, о таких существительных, как "стол", "стул", "хлеб", и именах лиц, затем о наименованиях определенных действий и свойств, прочие же типы слов считая чем-то таким, что не требует особой заботы.

Ну, а представь себе такое употребление языка: я посылаю кого-нибудь за покупками. Я даю ему записку, в которой написано: "Пять красных яблок". Он несет эту записку к продавцу, тот открывает ящик с надписью "яблоки", после чего находит в таблице цветов слово "красный", против которого расположен образец этого цвета, затем он произносит ряд слов, обозначающих простые числительные до слова "пять" я полагаю, что наш продавец знает их наизусть, и при каждом слове он вынимает из ящика яблоко, цвет которого соответствует образцу. Так или примерно так люди оперируют словами. Но как он узнает, где и каким образом положено наводить справки о слове "красный" и что ему делать со словом "пять"? Ну, я предполагаю, что он действует так, как я описал. Объяснениям где-то наступает конец. Но каково же значение слова "пять"? Речь здесь совсем не об этом, а только о том, как употребляется слово "пять".

2. Приведенное выше философское понятие значения коренится в примитивном представлении о способе функционирования языка. Или же, можно сказать, в представлении о более примитивном языке, чем наш.

Представим себе язык, для которого верно описание, данное Августинном. Этот язык должен обеспечить взаимопонимание между строителем А и его помощником В. А возводит здание из строительных камней блоков, колонн, плит и балок. В должен подавать камни в том порядке, в каком они нужны А. Для этого они пользуются языком, состоящим из слов: "блок", "колонна", "плита", "балка". А выкрикивает эти слова, В доставляет тот камень, который его научили подавать при соответствующей команде. Рассматривай это как завершённый примитивный язык.

3. Можно сказать, что Августин действительно описывает некоторую систему коммуникации, но только не все, что мы называем языком, охватывается этой системой. Причем говорить так следует в тех случаях, когда возникает вопрос: "Годится или не годится данное изображение?" В таком случае дается ответ: "Да, годится, но только для этой, узко очерченной области, а не для того целого, на изображение коего ты притяжал".

Это похоже на то, как если бы кто-то объяснял: "Игра состоит в передвижении фигур по некой поверхности согласно определенным правилам..." а мы бы ответили на это: "Ты, по-видимому, думаешь об играх на досках, но ведь имеются и другие игры. Твое определение может стать правильным, если ты четко ограничишь его играми первого рода".

4. Представь себе письменность, в которой буквы использовались бы для обозначения не только звуков, но и как знаки ударений и пунктуации. (Письменность можно понимать как язык для описания звуковых образцов.) Теперь представь себе, что кто-то толкует это письмо просто как соответствие каждой буквы какому-то звуку, как если бы у букв не было к тому же и совершенно иных функций. Такое слишком упрощенное понимание письменности напоминает понимание языка у Августина.

5. Вдумываясь в пример из "1, видимо, можно почувствовать, насколько эта общая концепция значения слова затемняет функционирование языка, делая невозможным ясное видение. Туман рассеивается, если изучать явления языка в примитивных формах его употребления, где четко прослеживается назначение слов и то, как они функционируют.

Такие примитивные формы языка использует ребенок, когда учится говорить. Обучение языку в этом случае состоит не в объяснении, а в тренировке.

6. Можно представить себе, что язык, описанный в "2", выступает для А и В как весь язык; даже как весь язык некоего племени. Дети воспитывались бы тогда так, чтобы они, пользуясь этими словами, совершали эти действия и таким образом реагировали на слова других.

Важная часть речевой тренировки будет тогда состоять в том, что обучающий указывает на предметы, привлекая к ним внимание ребенка и произнося при этом некоторое слово, например слово "плита", с одновременным указанием на эту форму. (Я не хочу называть это "указательным разъяснением" или "определением", поскольку ребенок еще не способен спрашивать о названии предмета. Я назову этот процесс "указательным обучением словам". Я утверждаю, что оно является важной частью речевой тренировки, ибо именно так обстоит дело у людей, а не потому, что нельзя представить себе иную картину.) Можно сказать, что это указательное обучение словам проторгает ассоциативную связь между словом и предметом. Но что это значит? Да, это может означать разное, но прежде всего люди склонны считать, что в душе ребенка возникает картина предмета, когда он слышит соответствующее слово. А если такое действительно происходит, то в этом ли целевое назначение слова? Да, это может быть целью. Я могу себе представить такое употребление слов (сочетаний звуков). (Произнесение слова подобно нажатию клавиши на клавиатуре представлений.) Но в языке, описанном в "2", цель слов совсем не в том, чтобы пробуждать представления. (Хотя, конечно, при этом может оказаться, что такие представления содействуют достижению действительной цели.)

Но если указательное обучение и содействует этому, то надо ли утверждать, что оно способствует пониманию слов? Разве тот, кто по команде "плита!" действует соответствующим образом, не понимает этой команды? Да, конечно, указательное обучение помогает пониманию, но только в сочетании с определенной тренировкой. Изменишь характер тренировки, то же самое указательное обучение привело бы к совсем иному пониманию этих слов.

"Соединяя стержень с рычагом, я привожу в действие тормоз". Да, если дан весь остальной механизм. Лишь в связи с ним это тормозной рычаг; вне такой опоры это совсем не рычаг, а все, что угодно, либо ничто.

7. В практике употребления языка (2) один выкрикивает слова, другой действует в соответствии с ними; при обучении же языку происходит следующее: обучаемый называет предметы; то есть, когда учитель указывает ему камень, он произносит слово. А вот и еще более простое упражнение: учащийся произносит слово вслед за учителем. Оба процесса похожи на язык.

К тому же весь процесс употребления слов в языке (2) можно представить и в качестве одной из тех игр, с помощью которых дети овладевают родным языком. Я буду называть эти игры "языковыми играми" и говорить иногда о некоем примитивном языке как о языковой игре.

Процессы наименования камней и повторения слов за кем-то также можно назвать языковыми играми. Вспомни о многократных употреблениях слов в приговорах к играм-хороводам.

"Языковой игрой" я буду называть также единое целое: язык и действия, с которыми он переплетен.

8. Рассмотрим один из расширенных вариантов языка (2). Пусть в нем наряду с четырьмя словами "блок", "колонна" и т.д. содержится ряд слов, употребляемых так же, как продавец (1) употреблял числительные (это может быть ряд букв

алфавита); пусть далее в него войдут два слова, означающие, скажем, "туда" и "это" (примерно таково их целевое назначение), которые будут использоваться в сочетании с указательным жестом; и наконец, пусть в этот язык войдет некоторое число цветовых образцов. А отдает приказ типа: "d плит туда". При этом он демонстрирует помощнику образец цвета и при слове "туда" указывает какое-то место на строительной площадке. Из запаса плит В берет по одной плите на каждую букву алфавита вплоть до d в соответствии с цветовым образцом и доставляет их на место, указанное А. В других случаях А отдает приказ: "Это туда". При слове "это" он указывает на какой-то строительный камень. И так далее.

9. Когда ребенок учится такому языку, он должен выучить наизусть ряд "числительных" a, b, c, и научиться их применять. Войдет ли в занятия такого рода и указательное обучение словам? Ну, например, люди будут указывать на плиты и считать: "a, b, c плит". С указательным обучением словам "блок", "колонна" и т.д., пожалуй, более сходно указательное обучение числительным, которые служат не для счета, а для обозначения групп предметов, охватываемых одним взглядом. Именно так дети учатся употреблению первых пяти-шести количественных числительных.

А слова "туда" и "этот" также осваиваются указательно? Представь себе, например, как можно было бы научить их употреблению! Указывая при этом на места и вещи, но ведь в данном случае этот жест включен и в употребление этих слов, а не только в обучение их употреблению.

10. Так что же обозначают слова этого языка? Как выявить, что они обозначают, если не по способу их употребления? А его мы уже описали. Следовательно, выражение "данное слово обозначает это" должно стать частью такого описания. Иначе говоря: такое описание следовало бы привести к форме: "Слово... обозначает..."

Что же, описание употребления слова "плита", конечно, можно сократить до утверждения, что данное слово обозначает этот предмет. Именно так и поступают, например, когда требуется лишь устранить ошибочное отнесение слова "плита" к строительному камню, который в действительности называется "блоком", но при этом способ "отнесения", то есть употребления, этого слова в остальном нам уже известен.

Равным образом можно сказать, что знаки "a", "b" и т.д. означают числа, чтобы устранить ошибочное представление, будто "a", "b", "c", играют в языке такую же роль, какую действительно играют слова "блок", "плита", "колонна". И можно также сказать, что "c" обозначает это число, а не вот то, чтобы пояснить: буквы следует употреблять в последовательности a, b, c, d и т.д., а не a, b, d, c.

Но, уподобляя таким образом одно описание употребления слов другому, мы все-таки не можем сделать более сходными эти употребления! Ибо, как мы видим, они совершенно не схожи.

11. Представь себе инструменты, лежащие в специальном ящике. Здесь есть молоток, клещи, пила, отвертка, масштабная линейка, банка с клеем, гвозди и винты. Насколько различны функции этих предметов, настолько различны и функции слов. (Но и там и здесь имеются также сходства.)

Конечно, нас вводит в заблуждение внешнее подобие слов, когда мы сталкиваемся с ними в произнесенном, письменном или печатном виде. Ибо их применение не явлено нам столь ясно. В особенности когда мы философствуем!

12. Это похоже на то, как, заглянув в кабину локомотива, мы бы увидели там

рукоятки, более или менее схожие по виду. (Что вполне понятно, ибо все они предназначены для того, чтобы братья за них рукой.) Но одна из них пусковая ручка, которую можно поворачивать плавно (она регулирует степень открытия клапана); другая рукоятка переключателя, имеющая только две рабочие позиции, он либо включен, либо выключен; третья рукоятка тормозного рычага, чем сильнее ее тянуть, тем резче торможение; четвертая рукоятка насоса, она действует только тогда, когда ее двигают туда"сюда.

13. Когда мы говорим: "Каждое слово в языке что-то означает", то этим еще совсем ничего не сказано; до тех пор пока мы точно не разъясним, какое различие при этом хотим установить. (Ведь возможно, что мы хотим отличить слова языка (8) от слов, "лишенных значения", вроде тех, какие встречаются в стихотворениях Льюиса Кэрролла, или слов, подобных "ювиваллера" в песне.

14. Представь себе, что кто-то говорит: "Все инструменты служат преобразованию чего-то. Так, молоток меняет положение гвоздя, пила форму доски и т.д.". А что видоизменяют линейка, банка с клеем, гвозди? "Нашу осведомленность о длине вещи, температуре клея, прочности ящика". Разве подобным истолкованием выражения достигался бы какой-то эффект?

15. Слово "обозначать" употребляется наиболее прямым образом, по-видимому, тогда, когда на обозначаемом предмете проставляется знак. Представь себе, что на инструментах, применяемых А в строительстве, проставлены определенные знаки. Когда А показывает помощнику один из таких знаков, тот приносит ему инструмент, помеченный этим знаком.

Так или примерно так имя обозначает некоторую вещь, имя дается вещи. Занимаясь философией, часто бывает полезно напоминать себе: наименование чего-то подобно прикреплению ярлыка к вещи.

16. А как быть с цветовыми образцами, которые А показывает В, принадлежат ли они языку? А это уж как угодно. Они не относятся к словам языка; но скажи я кому-нибудь: "Произнеси слово "это"", и он сочтет "это" частью предложения. А между тем оно играет роль, совершенно аналогичную той, которая отведена образу цвета в языковой игре (8); то есть оно образец того, что должен сказать другой.

Причисление образцов к инструментам языка наиболее естественно и ведет к наименьшей путанице.

((Замечание по поводу рефлексивного местоимения "это предложение".))

17. Можно было бы сказать: "В языке (8) мы сталкиваемся с различными типами слов. Ведь функции слова "плита" и слова "блок" более близки, чем функции слов "плита" и d. Но то, как мы сгруппируем слова по типам, будет зависеть от цели такой классификации и от нашего предпочтения.

Подумай о различных точках зрения, исходя из которых можно сгруппировать инструменты по их типам. Или шахматные фигуры по типам фигур.

18. Тебя не должно смущать, что языки (2) и (8) состоят только из приказов. Если ты хочешь сказать, что именно поэтому они неполны, то спроси себя, полон ли наш язык; был ли он полон до того, как мы ввели в него химическую символику и обозначения для исчисления бесконечно малых; ведь они как бы пригороды нашего языка. (И с какого числа домов или улиц город начинает быть городом?) Наш язык можно рассматривать как старинный город: лабиринт маленьких улочек и площадей, старых и новых домов, домов с пристройками разных эпох; и все это окружено множеством новых районов с прямыми улицами регулярной планировки и стандартными домами.

19. Легко представить себе язык, состоящий только из приказов и донесений в

сражении. Или язык, состоящий только из вопросов и выражений подтверждения и отрицания. И бесчисленное множество других языков. Представить же себе какой-нибудь язык значит представить некоторую форму жизни.

А как тогда ответить на вопрос: является ли возглас "Плита!" в примере (2) предложением или же словом? Если это слово, то ведь оно имеет не то же самое значение, что и аналогично звучащее слово нашего обычного языка, ибо в "2 оно сигнал. Если же оно предложение, то все же это не эллиптическое предложение "Плита!" из нашего языка. Что касается первого вопроса, то выражение "Плита!" можно назвать и словом, и предложением; пожалуй, наиболее уместно здесь говорить о "выродившемся предложении" (как говорят о выродившейся гиперболе); а это как раз и есть наше "эллиптическое" предложение. Но ведь оно есть просто сокращенная форма предложения "Принеси мне плиту!", а между тем в примере (2) такого предложения нет. Однако почему бы мне, идя от противоположного, не назвать предложение "Принеси мне плиту!" удлинением предложения "Плита!"? Потому что, выкрикивая слово "Плита!", в действительности подразумевают "Принеси мне плиту!". Но как ты это делаешь: как ты подразумеваешь это, произнося слово "плита"? Разве внутренне ты произносишь несокращенное предложение? Почему же я должен переводить возглас "плита!" в другое выражение для того, чтобы сказать, что подразумевал под этим некто? А если оба эти выражения означают одно и то же, то почему нельзя сказать: "Говоря "Плита!", он подразумевал "Плита!""? Или: почему ты не мог бы подразумевать "Плита!", если можешь подразумевать: "Принеси мне плиту!"? Но, восклицая "плита!", я хочу, чтобы он принес мне плиту! Безусловно. А заключается ли "это хотение" в том, что ты мыслишь предложение, так или иначе отличное по форме от произнесенного тобой?

20. Но когда кто-то говорит: "Принеси мне плиту!", в тот момент действительно кажется, что он мог бы осмысливать это выражение как одно длинное слово, соответствующее слову "Плита!". Что же, в одних случаях его можно осмысливать как одно слово, а в других как три? А как его осмысливают обычно? Полагаю, это склоняет к ответу: мы понимаем это предложение как состоящее из трех слов, когда употребляем его в противопоставлении другим предложениям, таким, как "Поддай мне плиту", "Принеси плиту ему!", "Принеси две плиты!" и т.д., то есть в противопоставлении предложениям, содержащим слова нашего приказа, взятые в других комбинациях. Но в чем заключается использование одного предложения в противопоставлении другим? Присутствуют ли при этом в сознании говорящего эти предложения? Все? В то время, когда произносят предложение, либо же до того или после? Нет! Если мы и испытываем некий соблазн в таком объяснении, все же достаточно хоть на миг задуматься о том, что при этом реально происходит, чтобы понять, что мы здесь на ложном пути. Мы говорим, что применяем данный приказ в противопоставлении другим предложениям, поскольку наш язык включает в себе возможность этих других предложений. Тот, кто не понимает нашего языка, какой-нибудь иностранец, часто слышавший чей-то приказ "Принеси мне плиту!", мог бы счесть весь этот ряд звуков за одно слово, приблизительно соответствующее в его языке слову, обозначающему "строительный камень". Если бы затем он сам отдал этот приказ, он, вероятно, произнес бы его иначе, чем мы. Мы же могли бы тогда сказать: он произносит его так странно, потому что воспринимает его как одно слово. А в таком случае не происходит ли нечто

иное, когда он отдает этот приказ, и в его сознании соответственно тому, что он принимает предложение за одно слово? В его сознании может происходить то же самое, а может и нечто другое. Ну, а что происходит в тебе, когда ты отдаешь подобный приказ? Сознаешь ли ты в то время, как отдаешь его, что он состоит из трех слов? Конечно, ты владеешь этим языком в котором имеются и те другие предложения, но является ли это "владение" чем-то, что "совершается", пока ты произносишь данное предложение? И я бы даже признал: "Иностранец, понимающий предложение иначе, чем мы, вероятно, и выскажет его иначе". Но то, что мы называем ложным пониманием, не обязательно заключается в чем-то сопутствующем произнесению приказа.

Предложение "эллиплично" не потому, что оно опускает нечто, о чем мы думаем, произнося его, а потому, что оно сокращено по сравнению с определенным образом нашей грамматики. Конечно, здесь можно было бы возразить: "Ты признаешь, что сокращенное и несокращенное предложения имеют одинаковый смысл. Так каков же тогда этот смысл? Имеется ли тогда для этого смысла какое-либо словесное выражение?" Но разве одинаковый смысл предложений не заключается в их одинаковом применении? (В русском языке вместо "Камень есть красный" говорится "Камень красный"; ощущают ли говорящие на этом языке отсутствие глагола "связки" "есть" или же мысленно добавляют ее к смыслу предложения?)

21. Представь себе языковую игру, в которой В в ответ на вопросы А сообщает ему о количестве плит или блоков в штабеле или же о цвете и форме строительных камней, лежащих там-то. Так сообщение могло бы звучать: "Пять плит". В чем же разница между сообщением или утверждением "Пять плит" и приказом "Пять плит!?" Ну, в той роли, какую играет произнесение этих слов в языковой игре. Да, пожалуй, разным будет и тон, каким их произносят, и выражение лица, и многое другое. Но можно было бы представить, что тон одинаковый ведь приказ и сообщение могут высказываться в разной тональности, с разным выражением лица и что различие будет состоять только в применении. (Безусловно, слова "утверждение" и "приказ" можно было бы использовать для обозначения грамматических форм предложений и интонаций; ведь называем же мы предложение "Не правда ли, сегодня великолепная погода?" вопросом, хотя употребляем его как утверждение.) Мы могли бы представить себе язык, в котором все утверждения имеют форму и тональность риторических вопросов, а каждый приказ форму вопроса: "А не хочешь ли ты это сделать?" Тогда, возможно, утверждали бы: "Сказанное им имеет форму вопроса, но в действительности это приказ", то есть выполняет функцию приказа в практике использования языка. (Аналогичным образом "Ты сделаешь это" высказывают не как предвидение, а как приказ. Что же делает их тем или другим?)

22. Точка зрения Фреге, будто в каждом утверждении заложено предположение о существовании того, что утверждается, по сути, основывается на имеющейся в нашем языке возможности записать каждое утвердительное предложение в следующей форме: "Утверждается, что происходит то-то". Но выражение "Что происходит то-то" ведь не является предложением нашего языка оно еще не ход в языковой игре. И если вместо "Утверждается, что..." я пишу "Утверждается: происходит то-то", то слово "утверждается" просто излишне.

С таким же успехом можно было бы записывать каждое утверждение в форме вопроса с последующим подтверждением; например, "Идет дождь? Да!". Разве этим доказывалось бы, что в каждом утверждении скрывается вопрос?

Конечно, человек вправе пользоваться знаком утверждения в отличие, например, от вопросительного знака; или же с целью отграничить утверждение от вымысла или предположения. Только неверно полагать, будто утверждение состоит из двух актов обдумывания мысли и ее утверждения (приписывания определенного истинного значения и тому подобного), и что мы исполняем эти действия по знакам предложения, подобно тому как поем по нотам. С пением по нотам, конечно, можно сравнить громкое или тихое чтение написанного предложения, но не "обдумывание" ("Meinen") (осмысление) прочитанного предложения.

Знак утверждения Фреге акцентирует начало предложения. Следовательно, он имеет функцию, сходную с функцией точки. Он отличает период в целом от предложения внутри периода. Когда я слышу, что кто-то говорит "идет дождь", но не знаю, услышал ли я начало или конец периода, то это предложение еще ни о чем меня не уведомляет.

23. Сколько же существует типов предложения? Скажем, утверждение, вопрос, повеление? Имеется бесчисленное множество таких типов бесконечно разнообразны виды употребления всего того, что мы называем "знаками", "словами", "предложениями". И эта множественность не представляет собой чего-то устойчивого, раз и навсегда данного, наоборот, возникают новые типы языка, или, можно сказать, новые языковые игры, а другие устаревают и забываются. (Приблизительную картину этого процесса способны дать нам изменения в математике.)

Термин "языковая игра", призван подчеркнуть, что говорить на языке компонент деятельности или форма жизни.

Представь себе многообразие языковых игр на таких вот и других примерах:

Отдавать приказы или выполнять их

Описывать внешний вид объекта или его размеры

Изготавливать объект по его описанию (чертежу)

Информировать о событии

Размышлять о событии

Выдвигать и проверять гипотезу

Представлять результаты некоторого эксперимента в таблицах и диаграммах

Сочинять рассказ и читать его

Играть в театре

Распевать хороводные песни

Разгадывать загадки

Остричь; рассказывать забавные истории

Решать арифметические задачи

Переводить с одного языка на другой

Просить, благодарить, проклинать, приветствовать, молить.

Интересно сравнить многообразие инструментов языка и их способов применения, многообразие типов слов и предложений с тем, что высказано о структуре языка логиками (включая автора Логико "философского трактата).

24. Не принимая во внимание многообразие языковых игр, ты вероятно, будешь склонен задавать вопросы типа: "Что такое вопрос?" Является ли он констатацией моего незнания того-то или же констатацией моего желания, чтобы другой человек сообщил мне о...? Или же это описание моего душевного состояния неуверенности? А призыв "Помогите!" тоже такое описание?

Подумай над тем, сколь различные вещи называются "описанием": описание

положения тела в пространственных координатах, описание выражения лица, описание тактильных ощущений, описание настроения.

Конечно, можно заменить обычную форму вопроса утверждением или описанием типа "Я хочу узнать..." или же "Я сомневаюсь, что..." но от этого не сближаются друг с другом различные языковые игры.

Значение таких возможных преобразований, скажем превращения всех утвердительных предложений в предложения, начинающиеся словами "Я думаю" или "Я полагаю" (то есть как бы в описание моей внутренней жизни), станет яснее в другом месте. (Солипсизм.)

25. Иногда утверждают: животные не говорят потому, что у них отсутствуют умственные способности. Это равносильно утверждению: "Они не мыслят, поэтому не говорят". Но они именно не говорят. Или, точнее, они не употребляют языка за исключением его самых примитивных форм. Приказывать, спрашивать, рассказывать, болтать в той же мере часть нашей натуральной истории, как ходьба, еда, питье, игра.

26. Считается, что обучение языку состоит в наименовании предметов. То есть: людей, форм, цветов, болезненных состояний, настроений, чисел и т.д. Как уже было сказано, наименование в какой-то мере напоминает прикрепление ярлыка к вещи. Это можно назвать подготовкой к употреблению слова. Но к чему это подготавливает?

27. "Мы называем вещи и затем можем о них говорить, беседуя, можем ссылаться на них". Слово в акте наименования уже было заложено то, что мы делаем в дальнейшем. Как если бы все сводилось лишь к одному "говорить о вещах". В то время как способы действия с нашими предложениями многообразны. Подумай только об одних восклицаниях с их совершенно различными функциями.

Воды!

Прочь!

Ой!

На помощь!

Прекрасно!

Нет!

Неужели ты все еще склонен называть эти слова "наименованиями предметов"?

В языках (2) и (8) не вставал вопрос о наименовании чего-то. Можно было бы сказать, что именование в сочетании с его коррелятом, указательным определением, и является настоящей языковой игрой. Это, по сути, означает: мы воспитаны, натренированы так, чтобы спрашивать: "Как это называется?" после чего следует название. Существует и такая языковая игра: изобретать имя для чего-нибудь. А стало быть, и говорить: "Это называется..." и затем употреблять это новое имя. (Так, например, дети дают имена своим куклам и потом говорят о них и с ними. Подумай в этой связи, насколько своеобразно употребление собственного имени человека, с помощью которого мы обращаемся к нему!)

28. Ну, а имена лиц, названия цветов, материалов, чисел, стран света и т.д. можно определять указательно. Определение числа два "Это называется два" с указанием при этом на два ореха совершенно точно. Но как можно определить таким образом "два" как таковое? Ведь человек, которому дают такую дефиницию, не знает, к чему хотят отнести название "два"; он сочтет, что словом "два" ты называешь эту группу орехов! Он может это предположить, но,

возможно, он так не подумает. Ведь он мог бы впасть и в противоположную ошибку, приняв имя, которым я бы хотел наделить эту группу орехов, за название числа. И с тем же успехом он мог бы понять имя человека, при его указательном определении, как имя цвета, наименование расы, даже название страны света. Это значит, что в каждом случае указательное определение может быть истолковано и так, и этак.

29. Может быть, скажут: "два" как таковое можно определить указательно только таким образом: "Это число называется "два"". Ибо слово "число" показывает в данном случае, какое место в языке, в грамматике мы отводим этому слову. А это значит: чтобы можно было понять указательное определение, уже требуется объяснить слово "число". Правда, слово "число" в данном определении указывает то место, роль, которые мы отводим данному слову. Так что можно предотвратить непонимание, говоря: "Этот цвет называется вот как", "Эта длина называется так-то" и т.д. Но разве только таким способом понимают слова "цвет" или "длина"? Ну, их как раз требуется объяснить. То есть объяснить их другими словами! А как быть с последним объяснением в этой цепи? (Не говори ""Последнего" объяснения не существует". Это равноценно тому, что ты захотел бы сказать: "На этой улице нет последнего дома; к нему всегда можно пристроить еще один".)

Необходимо ли слово "число" в указательном определении слова "два", зависит от того, понимают ли его без этого слова не так, как я того хочу. А это зависит от обстоятельств, при которых дается определение, и от человека, которому я его даю.

А как он "понимает" это разъяснение, проявляется в том, как он пользуется разъясненным словом.

30. Итак, можно сказать: указательное определение объясняет употребление значения слова, когда роль, которую это слово призвано играть в языке, в общем уже достаточно ясна. Так, если я знаю, что кто-то намерен объяснить мне слово, обозначающее цвет, то указательное определение "Это называется "сепия"" поможет мне понять данное слово. А говорить это можно, если не забывает при этом, что со словами "знать", "быть понятым" также связаны многочисленные проблемы.

Нужно уже что-то знать (или уметь), чтобы быть способным спрашивать о названии. Что же нужно знать?

31. Если кому-нибудь показывают фигуру шахматного короля и говорят "Это король", то этим ему не разъясняют применения данной фигуры разве что он уже знает правила игры. Кроме вот этого последнего момента: формы фигуры короля. Можно представить себе, что он изучил правила игры, но ему никогда не показывали реальной игровой фигуры. В этом случае форма шахматной фигуры соответствует звучанию или визуальному образу некоторого слова.

Можно также представить себе, что кто-то освоил игру, не изучая или не формулируя ее правил. Он мог бы, например путем наблюдения, усвоить сначала совсем простые игры на досках и продвигаться ко все более сложным. Ему можно было бы дать пояснение "Это король", показывая, например, шахматную фигуру непривычной для него формы. И опять-таки это объяснение учит его пользоваться данной фигурой лишь потому, что предназначенное ей место, можно сказать, уже подготовлено. Иначе говоря: мы только тогда скажем, что объяснение обучает его применению, когда почва для этого уже подготовлена. И в данном случае подготовленность состоит не в том, что человек, которому мы даем пояснение, уже знает правила игры, а в том, что он уже овладел игрой в

другом смысле.

Рассмотрим еще и такой случай. Я поясняю кому-нибудь шахматную игру и начинаю с того, что, показывая фигуру, говорю: "Это король. Он может ходить вот так и так и т.д." В этом случае мы скажем: слова "Это король" (или "Это называется королем") лишь тогда будут дефиницией слова, когда обучаемый уже "знает, что такое фигура в игре". То есть когда он уже играл в другие игры или же "с пониманием" следил за играми других и тому подобное. И лишь в этом случае при обучении игре может быть уместен его вопрос: "Как это называется?" именно эта фигура в игре.

Можно сказать: о названии осмысленно спрашивает лишь тот, кто уже так или иначе знает, как к нему подступиться.

Можно даже представить себе, что человек, которого спрашивают, отвечает: "Установи название сам" и тогда спрашивающий должен был бы до всего дойти сам.

32. Посетив чужую страну, человек иногда осваивает язык ее жителей, основываясь на указательных определениях, которые они ему дают. И ему часто приходится угадывать значение этих определений, угадывать то верно, то неверно.

И тут, полагаю, мы можем сказать: Августин описывает усвоение человеческого языка так, словно ребенок прибыл в чужую страну и не понимал языка этой страны; то есть как если бы он уже владел каким-нибудь языком, только не этим. Или же: словно ребенок уже умел бы думать, но просто еще не мог говорить. А "думать" при этом означало бы нечто вроде: говорить с самим собой.

33. Но допустим, кто-то возражает: "Неверно, будто человек должен уже владеть языковой игрой, чтобы понять указательное определение; ему нужно безусловно просто знать или догадываться, на что указывает человек, дающий разъяснение! То есть указывается ли при этом, например, на форму предмета, или на его цвет, или же на число и т.д.". В чем же тогда заключается это "указание на форму", "указание на цвет"? Укажи на лист бумаги! А теперь укажи на его форму, теперь на его цвет, теперь на его число (последнее звучит странно)! Ну и как же ты это делал? Ты скажешь, что, указывая, всякий раз "имел в виду" разное. А спроси я, как это делается, ты ответишь, что концентрируешь свое внимание на цвете, форме и т.д. Ну, а я снова спрошу, как это делается.

Представь, кто-то показывает на вазу и говорит: "Взгляни на эту великолепную синеву! Форма здесь не имеет значения". Или: "Взгляни на эту великолепную форму! Здесь несуществен цвет". Вне всякого сомнения, в ответ на эти призывы ты сделаешь нечто разное. Ну, а всегда ли ты делаешь нечто одинаковое, обращая внимание на цвет? Представь же себе различные случаи такого рода! Я приведу лишь несколько:

"Похожа ли эта синева на ту? Видишь ли ты какую-нибудь разницу?"

Ты смешиваешь краски и говоришь: "Трудно добиться синевы этого неба".

"Ну, превосходно, вновь видна синева неба!"

"Посмотри, какой разный эффект дают эти два синих цвета!"

"Ты видишь там синюю книгу? Принеси ее сюда".

"Этот синий световой сигнал означает..."

"Как называется вот этот синий цвет? Это "индиго"?"

Чтобы направить внимание на цвет, иногда прикрывают рукой очертания формы, или же не смотрят на контуры вещи, или же пристально вглядываются в предмет, пытаясь вспомнить, где уже видели этот цвет.

Обращая внимание на форму, иногда очерчивают ее контуры, иногда прищуривают глаза, чтобы ослабить восприятие цвета, и т.д. и т.д. Я хочу сказать: так или примерно так действуют в тех случаях, когда "направляют внимание на то или иное". Но само по себе это не позволяет нам сказать, привлекла ли чье-либо внимание форма, цвет и т.д. Так и шахматный ход состоит не только в том или ином передвижении пешки по доске и не только в мыслях или чувствах шахматиста, делающего ход; а в обстоятельствах, которые мы называем: "играть шахматную партию", "решать шахматную задачу" и т.п.

34. Но предположим, кто-то говорит: "Направляя внимание на форму, я всегда делаю одно и то же обвожу контуры предмета глазами и чувствую при этом..." И допустим, указывая на круглый предмет и испытывая все эти ощущения, этот человек предлагает кому-то другому вот такое указательное определение: "Это называется "круг"". Разве не может другой человек иначе истолковать его разъяснение, даже если он видит, что поясняющий обводит форму глазами и даже если он сам испытывает такие же чувства, что и тот? Иными словами: такая "интерпретация" может состоять и в том, как он теперь применяет разъясненное слово; например, на что указывает по команде "Покажи круг". Ибо ни выражение "определение подразумевает вот это", ни выражение "определение истолковывается вот так" не обозначают какого-то процесса, сопровождающего дефиницию и ее восприятие на слух.

35. Конечно, существует то, что можно назвать "характерными переживаниями", скажем, при указании на форму. Например, такие, как обведение контура указываемого предмета пальцем или же взглядом. Но это происходит далеко не во всех случаях, когда я "подразумеваю форму", и далеко не во всех случаях встречается какой-нибудь иной характерный процесс. Но если бы даже что-то в этом роде и повторялось во всех этих случаях, то все равно мы говорили бы "Он указал на форму, а не на цвет" в зависимости от обстоятельств то есть от того, что происходит до и после указания.

Дело в том, что слова "указывать на форму", "иметь в виду форму" и т.д. употребляются не так, как слова "указывать на эту книгу" (а не на ту), "указывать на стул, а не на стол" и т.д. Подумай только, как по-разному мы обучаемся, с одной стороны, употреблению слов "указывать на эту вещь", "указывать на ту вещь", а с другой стороны, "указывать на цвет, а не на форму", "иметь в виду цвет" и т.д.

Как уже было сказано, в определенных случаях, в особенности при указании "на форму" и "на число", имеются характерные переживания и виды указаний "характерные" потому, что они часто (но не всегда) повторяются, когда "подразумевают" форму или число. Но известно ли тебе также некое переживание, характерное для указания на игровую фигуру именно как на фигуру в игре? А между тем можно сказать: "Я имею в виду, что "королем" называется не конкретный кусок дерева, на который я показываю", а эта игровая фигура"_. (Узнавать, желать, вспоминать и т.д.)

36. При этом мы поступаем так же, как в тысяче подобных случаев: поскольку нам не удастся привести какое-то одно телесное действие, которое бы называлось указанием на форму (в отличие, скажем, от цвета), то мы говорим, что этим словам соответствует некая духовная деятельность.

Там, где наш язык подразумевает существование тела, между тем как его нет, там склонны говорить о существовании духа.

37. Каково же отношение между именем и именуемым? Ну, так чем же оно является? Приглядишься к языковой игре (2) или к любой другой! Там следует искать,

в чем состоит это отношение. Это отношение может состоять, между прочим, и в том, что при звуке имени у нас в душе возникает определенная картина названного, и в том, что имя написано на именуемом предмете, или же в том, что его произносят, указывая на этот предмет.

38. А что именуется, например, слово "этот" в языковой игре (8) или слово "это" в указательном определении "Это называется..."? Во избежание путаницы лучше вообще не считать такие слова именами чего бы то ни было. Как ни странно, о слове "этот" некогда говорили, что оно-то и есть подлинное имя. Все же остальное, что мы называем "именем", стало быть, является таковым лишь в неточном, приблизительном смысле.

Эта странная точка зрения проистекает можно сказать из стремления сублимировать логику нашего языка. Подходящий ответ на поставленный вопрос таков: "именем" мы называем самые разные вещи; слово "имя" характеризует множество различных, многообразно родственных между собой способов употребления слова; но среди этих видов употребления отсутствует употребление слова "этот".

В самом деле, мы часто, например при указательном определении, демонстрируем именуемый предмет, произнося его имя. И с тем же успехом в таких случаях, указывая на некий предмет, произносят слово "это". И слово "это", и имя часто занимают в предложении одинаковое положение. Но для имени характерно как раз то, что оно определяется путем указания "Это N" (или "Это называется N"). Но разве определишь что-нибудь с помощью слов: "Это называется "это"" или же "Это называется "этот""?

Это связано с пониманием именованного как некоего, так сказать, таинственного процесса. Именованное кажется какой-то необычной связью слова с объектом. И такая странная связь действительно возникает, например, когда философ пытается выявить особое отношение между именем и именуемым, устремляя взор на некий предмет перед собой и без конца повторяя его имя или же слово "этот". Дело в том, что философские проблемы возникают, когда язык пребывает в праздности. Вот тут-то и в самом деле можно вообразить, будто именованное представляет собой какой-то удивительный душевный акт, как бы крещение объекта. И, мы также можем сказать сово "этот" по отношению к предмету, обращаясь к предмету как к "этому" странное употребление данного слова, встречающееся, пожалуй, лишь в процессе философствования.

39. Но почему приходит на ум сама мысль употреблять в качестве имени как раз то слово, которое именем очевидно не является? Вот почему. Здесь возникает искушение выдвинуть против того, что обычно называют именем, одно возражение; его можно сформулировать так: имя в собственном смысле (*eigentlich*) должно обозначать нечто простое. А обосновать это можно было бы примерно так: именем собственным в подлинном смысле, допустим, является слово "Нотунг". Меч Нотунг состоит из частей, соотносящихся определенным образом. Стоит изменить их расположение, и Нотунг больше не существует. Но очевидно, что предложение "У Нотунга острое лезвие" имеет смысл безотносительно к тому, цел ли меч или уже сломан. Будь же Нотунг именем некоторого предмета, в случае его расчленения на части этого предмета уже бы не существовало; в качестве же имени, которому не соответствует никакой предмет, это слово было бы лишено значения. Но тогда предложение "У Нотунга острое лезвие" включало бы слово, лишённое значения, и отсюда это предложение не имело бы смысла. Однако оно имеет смысл; выходит, что словам, из которых оно состоит, должно постоянно что-то соответствовать. Следовательно, слово

"Нотунг" при анализе смысла должно исчезать, а его место должны занимать слова, именующие нечто простое. Эти слова по праву будут называться именами в собственном смысле слова.

40. Обсудим прежде всего такой момент данного аргумента: слово не имеет значения, если ему ничего не соответствует. Важно отметить, что слово "значение" употребляется в противоречии с нормами языка, если

им обозначают вещь, "соответствующую" данному слову. То есть значение имени смешивают с носителем имени. Когда умирает господин N, то говорят, что умирает носитель данного имени, но не его значение. Ведь говорить так было бы бессмысленно, ибо, утратить имя свое значение, не имело бы смысла говорить "господин N умер".

41. В "15 мы ввели в язык (8) собственные имена. Предположим, что инструмент под именем "N" сломан. Не зная этого, A показывает B знак "N". Есть ли в таком случае у этого знака значение или же нет? Что должен делать B, когда ему предъявят этот знак? Мы не пришли к решению этого вопроса. Можно было бы спросить: что он будет делать? Ну, скорее всего он растеряется или же покажет A обломки. Тут можно было бы сказать: знак "N" в такой ситуации утратил значение; и этим выражением утверждалось бы, что знак "N" больше не употребляется в нашей языковой игре (если мы не найдем ему нового употребления). "N" мог бы потерять значение и потому, что по каким-то причинам инструмент стали теперь обозначать иначе и знак "N" не употребляется более в данной языковой игре. Но можно было бы представить себе и некое соглашение, по которому B должен отрицательно покачать головой, если A предъявляет ему знак сломанного инструмента. Тогда можно было бы сказать, что команда "N" принята в языковой игре, даже если этот инструмент больше не существует и что знак "N" имеет значение, даже если его носитель перестал существовать.

42. Ну, а имя, никогда не употреблявшееся для обозначения инструмента, также имело бы значение в этой игре? Предположим, что "X" такой знак и A показывает этот знак B. Что ж, и такие знаки могли бы быть приняты в данной языковой игре, и B полагалось бы отвечать на них, скажем, покачиванием головы. (Можно было бы представить себе это своего рода шуткой между ними.)

43. Для большого класса случаев хотя и не для всех, где употребляется слово "значение", можно дать следующее его определение: значение слова это его употребление в языке.

А значение имени иногда объясняют, указывая на его носителя.

44. Мы сказали: предложение "У Нотунга острое лезвие" имеет смысл даже тогда, когда Нотунг сломан. И это так, ибо в данной языковой игре имя употребляется и в отсутствие его носителя. Но можно представить себе и языковую игру с именами (то есть со знаками, которые мы, безусловно, назвали бы именами), где имена будут употребляться лишь при наличии носителя; так что здесь их всегда можно заменить указательным местоимением вкупе с указательным жестом.

45. Указательное "этот" не может остаться без носителя. Можно было бы утверждать: "Коль скоро имеется некий этот, имеет значение и слово "этот", равно, является ли этот простым или сложным". Но это обстоятельство само по себе не превращает данное слово в имя. Напротив, ведь имя не употребляется вместе с указательным жестом, а только поясняется с его помощью.

46. Ну, а при каких же обстоятельствах имена действительно обозначали бы

только нечто простое?

Сократ (в *Тезете*) говорит: "Если не ошибаюсь, я слышал от кого-то: праэлементы выражусь так, из которых состоим и мы, и все остальное, не поддаются никаким объяснениям; ибо все, что существует в себе и для себя, можно только обозначить именами; невозможно какое-нибудь дальнейшее определение: ни того, что это является... ни что это не является... Но что существует в себе и для себя должно... наделяться именем безо всяких дальнейших определений. Следовательно, невозможно говорить о каком-нибудь праэлементе объясняющим образом, ибо он не располагает ничем, кроме наименования как такового, имя это все, чем он обладает. Но поскольку то, что получается при сочетании этих праэлементов даже в неотчетливой форме, является сложным, то имена этих элементов в их комбинациях друг с другом становятся языком описания. Ибо сущность речи сочетание имен".

Этими праэлементами были и расселовские "индивидуалии", а также мои "объекты" ("*Gegenstnde*") (Лог."фил. тр.).

47. Опять же: состоит ли из частей мой зрительный образ этого дерева, этого стула? И каковы его простые составные части? Многоцветность один из видов сложности; другим видом можно считать, например, ломаный контур из прямых отрезков. Можно назвать составным и отрезок кривой с его восходящей и нисходящей ветвями.

Если я говорю кому-нибудь без дальнейших пояснений-то, что я сейчас вижу перед собой, является составным", то он вправе спросить меня: "Что ты понимаешь под составным? Оно ведь может означать все, что угодно!" Вопрос "Является ли составным то, что ты видишь?" имеет смысл, если уже установлено, о сложности какого рода то есть о каком особом употреблении этого слова должна идти речь. Если бы было установлено, что зрительный образ дерева следует называть "составным" в тех случаях, когда виден не только его ствол, но и ветви, то вопрос "Прост или сложен зрительный образ этого дерева?" и вопрос "Каковы его простые составные части?" имели бы ясный смысл ясное употребление. Причем второму вопросу, конечно, соответствует не ответ: "Ветви" (это был бы ответ на грамматический вопрос "Что называют в данном случае "простыми составными частями"?"), а, скажем, какое-то описание отдельных ветвей.

А разве шахматная доска, например, не является составной в очевидном и буквальном смысле? Ты, по-видимому, думаешь о соединении в ней 32 белых и 32 черных квадратов. Но разве мы вместе с тем не могли бы сказать, что она, например, составлена из черного и белого цветов и схемы сетки квадратов? А если на этот счет имеются совершенно разные точки зрения, то разве же ты станешь утверждать, что шахматная доска является просто-напросто "составной"? Спрашивать вне конкретной игры "Является ли данный объект составным?" это уподобиться мальчику, получившему задание определить, в активной или пассивной форме употребляются глаголы в данных ему примерах, и ломавшему голову над тем, означает ли, например, глагол "спать" нечто активное или пассивное.

Слово "составной" (а значит, и слово "простой") используется нами весьма многообразными, в разной степени родственными друг другу способами. (Является ли цвет шахматного поля на доске простым или состоит из чисто белого и чисто желтого? А является ли простым этот белый цвет или же он состоит из цветов радуги? Является ли простым отрезок в 2 см или же он состоит из двух частей по 1 см? И почему бы не считать его составленным из двух отрезков: длиной в 3 см, и

в 1 см, отмеренного в направлении, противоположном первому?)

На философский вопрос: "Является ли зрительный образ этого дерева сложным и каковы его составные части?" правильным ответом будет: "Это зависит от того, что ты понимаешь под "сложным"". (А это, конечно, не ответ, а отклонение вопроса.)

48. Применим метод "2 к отрывку из Теэтета. Рассмотрим языковую игру, для которой действительно имеет силу изложенное в этом отрывке. Язык предназначен здесь для того, чтобы изображать комбинации цветных квадратов на какой-то поверхности. Квадраты образуют некоторый комплекс, напоминающий шахматную доску. Имеются красные, зеленые, белые и черные квадраты. Словами языка служат (соответственно): "К", "З", "Б" и "Ч", а предложением ряд этих слов. Они описывают набор квадратов в следующем порядке:

Так, например, предложение "ККЧЗЗЗКББ" описывает вот такой набор квадратов:

Здесь предложение комплекс имен, которому соответствует комплекс элементов. Праэлементами выступают цветные квадраты. "Но просты ли они?" Я бы не знал, что естественнее всего назвать "простым" в этой языковой игре. При других же обстоятельствах я назвал бы одноцветный квадрат "составленным", скажем, из двух прямоугольников или же из элементов цвета и формы. Но понятие составленности можно было бы расширить и так, что меньшую площадь называли бы "составленной" из большей площади и меньшей, вычитаемой из нее. Сравни "сложение" сил и "деление" отрезка с помощью точки, расположенной вне его; эти выражения показывают, что при некоторых обстоятельствах мы даже склонны понимать меньшее как результат соединения большего, а большее как результат деления меньшего.

Но я не знаю, следует ли в данном случае говорить, что фигура, описываемая нашим предложением, состоит из четырех элементов или же из девяти. Ну, а данное предложение состоит из четырех или девяти букв? И каковы его элементы: типы букв или же буквы? Да и не все ли равно, что мы говорим лишь бы при этом не возникало недоразумений в каждом конкретном случае!

49. Что же означает тот факт, что мы не в состоянии определить (то есть описать) эти элементы, а можем только именовать их? Это могло бы означать, например, что описание комплекса, в предельном случае состоящего лишь из одного квадрата, представляет собой просто наименование этого цветного квадрата.

Притом можно было бы сказать хотя это легко порождает всевозможные философские суеверия, что знак "К" или же знак "Ч" и т.д. в одних случаях может быть словом, в других предложением. А "является ли знак словом или предложением", зависит от ситуации, в которой он высказывается или пишется. Например, если некто А должен описать В комплексы цветных квадратов и пользуется при этом одним лишь словом "К", то можно утверждать, что это

слово является описанием предложением. Если же он запоминает слова или их значения или же обучает кого-то другому употреблению этих слов, произнося их в ходе указательного обучения, то мы не скажем, что они при этом являются предложениями. В этой ситуации слово "К", например, не описание; с его помощью именуют элемент но было бы странно на этом основании утверждать, что элемент может быть только назван! Ведь именование и описание находятся не на одном уровне: именование подготовка к описанию. Именование это еще не ход в языковой игре, как и расстановка фигур на шахматной доске еще не ход в шахматной партии. Можно сказать: именованием вещи еще ничего не сделано. Вне игры она не имеет и имени. Это подразумевал и Фреге, говоря: слово имеет значение только в составе предложения.

50. Что же означает утверждение: элементам нельзя приписать ни бытия, ни небытия? Можно было бы сказать: если все, что мы называем "бытием" и "небытием", держится на существовании и несуществовании связей между элементами, то нет смысла говорить о бытии (небытии) элемента; равным образом если все, что мы называем "разрушением", заключается в разделении элементов, то не имеет смысла говорить о разрушении элемента.

Но хочется сказать: элементу невозможно приписать бытие, ибо, не существуй он, его нельзя было бы даже именовать, а значит, и сказать о нем что бы то ни было. Рассмотрим же аналогичный случай! Об одном предмете, а именно об эталоне метра в Париже, нельзя сказать ни того, что его длина 1 метр, ни того, что его длина не 1 метр. Но этим мы, разумеется, не приписали ему какого-то диковинного свойства, а только признали его специфическую роль в игре измерения в метрах. Представим себе, что в Париже подобно эталону метра хранится и эталон цвета. В таком случае мы определяем: "сепией" называется цвет хранящегося там в вакууме сепии"образца. В этом случае не имело бы смысла говорить ни что такой образец имеет данный цвет, ни что он его не имеет.

Это можно выразить так: данный образец инструмент языка, с помощью которого мы формулируем высказывания о цвете. В этой игре он является не изображаемым предметом, а средством изображения. И так же обстоит дело с элементом в языковой игре (48), когда мы, именуя его, произносим слово "К": этим мы даем данной вещи некоторую роль в нашей языковой игре; она здесь выступает как средство изображения. Говорить же "Не будь ее, она не могла бы иметь и имени" равносильно утверждению: не существуй эта вещь, мы не могли бы использовать ее в нашей языковой игре. То, что кажется необходимо существующим, принадлежит языку. В нашей игре это парадигма; нечто, с помощью чего осуществляют сравнение. И установление этого можно считать важной констатацией; но констатацией, относящейся к нашей языковой игре нашим способом представления (*Darstellungsweise*).

51. При описании языковой игры (48) я говорил, что слова "К", "Ч" и т.д. соответствуют цветам квадратов. Но в чем состоит это соответствие, в каком смысле можно говорить, что этим знакам соответствуют определенные цвета квадратов? Ведь определение в (48) устанавливает только связь между этими "знаками" и соответствующими словами нашего языка (названиями цветов). И все же предполагалось, что употребление знаков в игре усваивалось бы иначе, именно указанием на образцы. Пожалуй; но что же тогда означает утверждение: определенные элементы соответствуют этим знакам в практике языка? В том ли состоит смысл этого утверждения, что при описании комплекса цветных квадратов человек при виде красного квадрата всегда говорит "К", при виде черного "Ч" и т.д.? Ну, а что, если он споткнется при описании и ошибочно

скажет "К" при виде черного квадрата каков в данном случае критерий того, что это ошибка? Или же обозначение знаком "К" красного квадрата состоит в том, что люди, пользующиеся этим языком, употребляя знак "К", всегда мысленно представляют себе красный квадрат?

Чтобы яснее разобраться в этом, мы должны здесь, как и в бесчисленном множестве подобных случаев, приглядеться к деталям процесса, вблизи рассмотреть происходящее.

52. Если я готов допустить, что мыши зарождаются из грязных тряпок и пыли, то было бы нехудо поточнее исследовать, не могли ли они когда-то спрятаться в них, как-то туда попасть и т.д. Если же я уверен, что от этих вещей мыши не могут появиться на свет, то такое исследование, пожалуй, будет излишним.

Но прежде мы должны научиться понимать, что противостоит в философии такому детальному исследованию.

53. В нашей языковой игре (48) имеются разные возможности, различные случаи, когда мы сказали бы, что некоторый знак именует в данной игре квадрат вот такого цвета. Мы, например, сказали бы это, если бы знали, что люди, пользующиеся данным языком, были обучены применять такой знак вот так. Или если бы было установлено письменно, скажем в форме некой таблицы, что данному знаку соответствует такой-то элемент, причем данной таблицей пользовались бы при обучении этому языку и прибегали бы к ней в спорных случаях.

Но можно также представить себе, что такая таблица выступает как инструмент в процессе применения данного языка. Описание комплекса тогда происходило бы так: человек, описывающий комплекс, имеет с собою таблицу и отыскивает в ней каждый элемент комплекса, а затем соотносит его с соответствующим ему знаком (и тот, кому дается описание, тоже может пользоваться таблицей, переводя слова этого описания в образцы цветных квадратов). Можно было бы сказать, что здесь таблица принимает на себя ту роль, которую в других случаях играют память и ассоциации. (Выполняя приказ "Принеси мне красный цветок!", мы обычно не ищем сначала красный цвет в таблице, чтобы затем принести цветок того цвета, что найден в таблице. Когда же речь идет о том, чтобы выбрать определенный оттенок красного или же добиться нужного оттенка, смешав краски, тогда нам случается пользоваться образцом или таблицей.)

Если назвать такую таблицу выражением правила языковой игры, то можно сказать: то, что мы называем правилом игры, может играть в ней весьма разные роли.

54. Вспомним же, в каких случаях утверждают, что игра проводится по какому-то определенному правилу!

Правило может быть инструкцией при обучении игре. Его сообщают учащемуся и обучают его применению правила. Или же правило выступает как инструмент самой игры. Или же его не применяют ни при обучении игре, ни в самой игре; не входит оно и в перечень правил игры. Игре обучаются, глядя на игру других. Но мы говорим, что в игре соблюдаются те или иные правила, так как наблюдатель может "вычитать" эти правила из практики самой игры как некий закон природы, которому подчиняются действия играющих. Но как в этом случае наблюдатель отличает ошибку играющего от правильного игрового действия? Признаки этого имеются в поведении игрока. Подумай о таком характерном поведении, как исправление допущенной оговорки. Распознать, что некто делает это, можно даже не понимая его языка.

55. -то, что обозначают имена в языке, должно быть неразрушимым: ведь должно быть возможно описывать состояния, в которых все разрушаемое разрушено. И это описание будет тоже включать в себя слова; а то, что им соответствует, не может быть разрушаемым; ибо иначе эти слова потеряли бы значение". Не следует рубить сук, на котором сидишь.

На это, конечно, можно сразу же возразить, что должно быть исключено само это описание и разрушение. А то, что соответствует словам такого описания и, выходит, должно быть неразрушимо, если это описание истинно, является именно тем, что придает словам их значение, тем, без чего они не имели бы значения. Но ведь этот человек в некотором смысле и является как раз тем, что соответствует его имени. Однако он разрушим, а его имя не теряет своего значения, даже если носитель его разрушен. Тем, что соответствует определенному имени, без чего оно не имело бы значения, является, например, парадигма, употребляемая в языковой игре в связи с данным именем.

56. А что, если такой образец не принадлежит языку, если, например, цвет, обозначаемый словом, мы держим в памяти? "А если мы храним его в памяти, то, стало быть, он предстает нашему мысленному взору всякий раз при произнесении данного слова. Выходит, этот цвет должен быть сам по себе неразрушимым, если существует возможность всякий раз вспоминать его". Но в чем же тогда усматривается критерий того, что мы вспомним цвет правильно? Работая с образцом, а не с памятью, мы говорим при определенных обстоятельствах, что его цвет изменился, и судим об этом по памяти. А разве нельзя при некоторых обстоятельствах говорить и о помутнении образов нашей памяти? Разве мы полагаемся на свою память не в той же мере, что и на образец? (Ведь кто-то мог бы сказать: "Не будь у нас памяти, мы бы полагались на образец".) Или, например, возьмем какую-нибудь химическую реакцию. Представь, что ты должен передать определенный цвет Ц и что это цвет, наблюдаемый при смешении химических веществ X и Y. Предположим, что однажды эта краска показалась тебе более светлой, чем прежде. Неужели ты при этом не сказал бы: "Должно быть, я ошибся. Это наверняка такой же цвет, что и вчера?" Это показывает, что мы не всегда прибегаем к свидетельству памяти как к высшей и окончательной инстанции.

57. "Нечто красное может быть разрушено, но красное как таковое разрушено быть не может, и потому значение слова "красное" независимо от существования того или иного красного предмета". Конечно, не имеет смысла говорить, что разорван или истолчен в порошок красный цвет (цвет, а не красящее вещество). Но разве мы не говорим "Красное исчезло"? И не цепляйся за то, что мы способны вызвать его в нашем воображении, даже если ничего красного не осталось. Это все равно что ты захотел бы сказать: все еще существует химическая реакция, порождающая красное пламя. А как быть, если ты не можешь больше вспомнить цвет? Если мы забываем, какой цвет обозначен данным именем, оно утрачивает для нас значение, то есть мы уже не можем играть с ним в определенную языковую игру. И тогда данная ситуация сопоставима с той, в которой утрачена парадигма, входившая в качестве инструмента в наш язык.

58. "Я буду называть именем только то, что не может входить в словосочетание "X существует". Выходит, нельзя говорить "Красное существует", ибо, не существуя оно, о нем вообще нельзя было бы говорить". Вернее: если предполагается, что высказывание "X существует" означает всего лишь: "X" имеет значение, то оно не предложение, говорящее об X, а предложение

о нашем употреблении языка, то есть об употреблении слова "X".

Нам кажется, что, заявляя: слова "Красное существует" не имеют смысла, мы тем самым что-то утверждаем о природе красного. А именно что красное существует "в себе и для себя". Аналогичная идея что это высказывание представляет собой некое метафизическое утверждение о красном находит свое выражение и в том, что мы, например, говорим о красном как о вневременном, а возможно, и еще сильнее как о "неразрушимом".

Но по сути, мы просто хотим понять слова "красное существует" как высказывание: слово "красное" имеет значение. Или, может быть, вернее: высказывание "Красное не существует" как утверждение: "красное" не имеет значения. Только мы хотим сказать не о том, что данное высказывание это говорит, а что, если оно имеет смысл, оно должно утверждать это. Что, пытаясь это сказать, оно приходит в противоречие с самим собой именно потому, что красное существует "в себе и для себя". Между тем единственное противоречие состоит здесь лишь в том, что данное предложение выглядит так, будто оно говорит о цвете, в то время как оно призвано сообщить нечто об употреблении слова "красный". В действительности же мы не колеблясь говорим о существовании определенного цвета, а это равнозначно утверждению, что существует нечто, имеющее этот цвет. Причем первое высказывание не менее точно, чем второе; в особенности там, где -то, что имеет цвет" не является физическим объектом.

59. "Имена обозначают лишь то, что является элементом действительности. То, что неразрушаемо, что сохраняется при всех изменениях". Но что это такое? Да ведь оно витает перед нами при произнесении предложения! Мы выражаем словами какое-то вполне сложившееся представление, особую картину, которой хотим воспользоваться. Ведь опыт же не показывает нам этих элементов. Мы видим составные части чего-то сложного (например, стула). Мы говорим: спинка является частью стула, но и она в свою очередь составлена из различных кусков дерева; тогда как ножка стула его более простая составная часть. Мы также видим целое, которое изменяется (разрушается), в то время как его составные части остаются неизменными. Все это материалы, из которых мы конструируем такую картину реальности.

60. Когда я говорю: "Моя швабра стоит в углу", то о чем, собственно, это высказывание о палке и щетке? Во всяком случае, его можно было бы заменить другим высказыванием о положении палки и положении щетки. А ведь это высказывание более детально проанализированная форма первого. Но почему я называю его "более детально проанализированным"? Ну, если швабра находится там, то ведь это значит, что там же должны быть и составляющие ее палка и щетка, причем в определенном положении друг к другу. И смысл первого предложения предполагал это как бы в скрытом виде. В проанализированном же предложении это выражено явно. Так что же, тот, кто говорит, что швабра стоит в углу, по сути, имеет в виду следующее: там находятся палка и щетка и палка воткнута в щетку? Спроси мы кого-нибудь, действительно ли он так думал, он, по всей вероятности, ответил бы, что совсем не думал о палке и о щетке порознь. И это был бы верный ответ, ибо он не собирался говорить ни о палке, ни о щетке в отдельности. Представь, что вместо "Принеси мне швабру!" ты говоришь кому-то "Принеси мне палку и щетку, в которую она воткнута!". Не прозвучит ли в ответ на это: "Ты просишь швабру? Почему же ты так странно выражаешься?" Будет ли точнее понято детально проанализированное

предложение? Можно сказать, что это предложение достигает того же, что и обычное, но более обстоятельным образом. Представь себе языковую игру, в которой кому-то даются указания принести, подвинуть и т.д. предметы, состоящие из нескольких частей. И два способа игры: в одной (а) вещи, составленные из частей (швабра, стул, стол и т.д.) имеют имена, как в (15). Во второй (б) имена даны только частям, целое же описывается с их помощью. В какой мере тогда указание во второй игре является проанализированной формой указания в первой? Заключен ли второй приказ в первом и выявляется ли он с помощью анализа? Конечно, швабра будет сломана, если отделять палку от щетки; но следует ли из этого, что приказ принести швабру тоже состоит из соответствующих частей?

61. "Но ты же не будешь отрицать, что какое-то определенное указание в случае (а) говорит о том же самом, что и в случае (б); а как же ты назовешь тогда второе указание, как не проанализированной формой первого?" Конечно, и я бы сказал, что команда в (а) имеет такой же смысл, что и команда в (б); или, как я ранее выразил это: они приводят к одному и тому же. А это значит, что, если мне покажут приказ вида (а) и спросят "Какому приказу вида (б) он равнозначен?" или же "Какому приказу вида (б) он противоречит?", я отвечу на этот вопрос так-то. Однако этим еще не утверждается, что мы пришли к общему согласию относительно употребления выражения "иметь тот же смысл" или "приводить к тому же самому". Можно, скажем, спросить, в каких случаях мы говорим: "Это просто два разных вида одной и той же игры"?

62. Предположим, например, что тот, кому даются команды в форме (а) и (б), прежде чем он принесет требуемое, должен взглянуть на таблицу, соотносящую имена с изображениями. Делает ли он одно и то же, выполняя команду в случае (а) и соответствующую ей команду в случае (б)? И да, и нет. Ты можешь сказать: "Суть обоих указаний одна и та же". Я бы сказал тут то же самое. Но не всегда ясно, что следует называть "сутью" указания. (Так же как об определенных предметах можно сказать, что они имеют такое и такое назначение. Важно, чтобы то, что является лампой, служило освещению, а то, что она украшает комнату, заполняет пустое пространство и т.д., несущественно. Но не всегда четко различимо существенное и несущественное.)

63. Однако, называя предложение типа (б) "проанализированной" формой предложения типа (а), мы легко поддаемся искушению считать, будто первое более фундаментально; будто оно показывает, что подразумевает другое, и т.д. Мы рассуждаем примерно так: располагая лишь непроанализированной формой, испытываешь нехватку анализа. Зная же аналитическую форму, тем самым обладаешь всем. Но разве нельзя сказать, что и в этом, и в том случае теряется из виду та или иная сторона дела?

64. Представим себе игру (48), видоизмененную таким образом, что имена в ней обозначают не одноцветные квадраты, а прямоугольники, каждый из которых состоит из двух таких квадратов. Пусть прямоугольник, состоящий из красного и зеленого квадратов называется "у", полужелтый "полубелый" прямоугольник "ф" и т.д. Разве нельзя было бы представить себе людей, имеющих имена для таких комбинаций цветов и не имеющих их для отдельных цветов? Подумай о случаях, когда мы говорим "Это сочетание цветов (например, французское трехцветие) имеет совсем особый характер".

Насколько знаки этой языковой игры нуждаются в анализе? Да и в какой мере возможно заменить данную языковую игру игрой (48)? Ведь это же другая языковая игра, даже если и родственная игре (48).

65. Здесь мы наталкиваемся на большой вопрос, стоящий за всеми этими рассуждениями. Ведь мне могут возразить: "Ты ищешь легких путей! Ты говоришь о всех возможных языковых играх, но нигде не сказал, что существенно для языковой игры, а стало быть, и для языка. Что является общим для всех этих видов деятельности и что делает их языком или частью языка? Ты увилливаешь именно от той части исследования, которая у тебя самого в свое время вызвала сильнейшую головную боль, то есть от исследования общей формы предложения и языка".

И это правда. Вместо того чтобы выявлять то общее, что свойственно всему, называемому языком, я говорю: во всех этих явлениях нет какой-то одной общей черты, из-за которой мы применяли к ним всем одинаковое слово. Но они родственны друг другу многообразными способами. Именно в силу этого родства или же этих родственных связей мы и называем все их "языками". Я попытаюсь это объяснить.

66. Рассмотрим, например, процессы, которые мы называем "играми". Я имею в виду игры на доске, игры в карты, с мячом, борьбу и т.д. Что общего у них всех? Не говори "В них должно быть что-то общее, иначе их не называли бы "играми", но присмотришься, нет ли чего-нибудь общего для них всех. Ведь, глядя на них, ты не видишь чего-то общего, присущего им всем, но замечаешь подобия, родство, и притом целый ряд таких общих черт. Как уже говорилось: не думай, а смотри! Присмотришься, например, к играм на доске с многообразным их родством. Затем перейди к играм в карты: ты находишь здесь много соответствий с первой группой игр. Но многие общие черты исчезают, а другие появляются. Если теперь мы перейдем к играм в мяч, то много общего сохранится, но многое и исчезнет. Все ли они "развлекательны"? Сравни шахматы с игрой в крестики и нолики. Во всех ли играх есть выигрыш и проигрыш, всегда ли присутствует элемент соревновательности между игроками? Подумай о пасьянсах. В играх с мячом есть победа и поражение. Но в игре ребенка, бросающего мяч в стену и ловящего его, этот признак отсутствует. Посмотри, какую роль играет искусство и везение. И как различны искусность в шахматах и в теннисе. А подумай о хороводах! Здесь, конечно, есть элемент развлекательности, но как много других характерных черт исчезает. И так мы могли бы перебрать многие, многие виды игр, наблюдая, как появляется и исчезает сходство между ними.

А результат этого рассмотрения таков: мы видим сложную сеть подобий, накладывающихся друг на друга и переплетающихся друг с другом, сходств в большом и малом.

67. Я не могу охарактеризовать эти подобия лучше, чем назвав их "семейными сходствами", ибо так же накладываются и переплетаются сходства, существующие у членов одной семьи: рост, черты лица, цвет глаз, походка, темперамент и т.д. и т.п. И я скажу, что "игры" образуют семью.

И так же образуют семью, например, виды чисел. Почему мы называем нечто "числом"? Ну, видимо, потому, что оно обладает неким прямым родством со многим, что до этого уже называлось числом; и этим оно, можно сказать, обретает косвенное родство с чем-то другим, что мы тоже называем так. И мы расширяем наше понятие числа подобно тому, как при прядении нити сплетаем волокно с волокном. И прочность нити создается не тем, что какое-нибудь одно волокно проходит через нее по всей ее длине, а тем, что в ней переплетается друг с другом много волокон.

Если же кто-то захотел бы сказать: "Во всех этих конструкциях общее одно а именно дизъюнкция всех этих совокупностей", я ответил бы: ты тут просто

обыгрываешь слово. Вполне можно было бы также сказать: нечто проходит через всю нить а именно непрерывное наложение ее волокон друг на друга.

68. "Прекрасно! Выходит, число определяется для тебя как логическая сумма таких отдельных, родственных друг другу понятий: кардинальное число, рациональное число, действительное число и т.д.; и таким же образом понятие игры понимается как логическая сумма соответствующих более частных понятий". Это необязательно. Ведь я могу придать понятию числа строгие границы, то есть использовать слово "число" для обозначения строго ограниченного понятия. Однако я могу пользоваться им и таким образом, что объем понятия не будет заключен в какие-то границы. Именно так мы и употребляем слово "игра". Ибо как ограничить понятие игры? Что еще остается игрой, а что перестает ею быть? Можно ли здесь указать четкие границы? Нет. Ты можешь провести какую-то границу, поскольку она еще не проведена. (Но это никогда не мешало тебе пользоваться словом "игра".)

"Но тогда использование данного слова не регулируется; "игра", в которую мы с ним играем, не имеет правил". Да, употребление этого слова не всецело определяется правилами, но ведь нет, например, и правил, на какую высоту и с какой силой можно бросить теннисный мяч, а теннис это все-таки игра, и игра по правилам.

69. Как же тогда объяснить кому-нибудь, что такое игра? Я полагаю, что следует описать ему игры, добавив к этому: "Вот это и подобное ему называют "играми". А знаем ли мы сами больше этого? Разве мы только другим людям не можем точно сказать, что такое игра? Но это не неведение. Мы не знаем границ понятия игры, потому что они не установлены. Как уже говорилось, мы могли бы для каких-то специальных целей провести некую границу. Значило бы это, что только теперь можно пользоваться данным понятием? Совсем нет! Разве что для данной особой цели. В такой же степени, в какой дефиниция "1 шаг = 75 см", вводила бы в употребление меру длины "1 шаг". Если же ты попытаешься мне возразить: "Но ведь раньше это не было точной мерой длины", я отвечу: ну и что, значит, она была неточной. Хотя ты еще задолжал мне определение точности.

70. "Но если понятие "игры" столь расплывчато, то ведь ты, собственно, и не знаешь, что понимаешь под "игрой"". Допустим, я даю следующее описание: "Земля была сплошь покрыта растениями". Хочешь ли ты сказать, что я не знаю, о чем говорю, до тех пор пока не сумею дать определения растению?

Что я имею в виду, могли бы пояснить, например, рисунок и слова: "Так приблизительно выглядела Земля". Я, может быть, даже говорю: "Она выглядела точно так". Что же, выходит, там были именно эта трава и эти листья, притом точно в таком положении? Нет, не значит. В этом смысле я не признал бы точной ни одну картину.

71. Можно сказать, что понятие "игры" понятие с расплывчатыми границами. "Но является ли расплывчатое понятие понятием вообще?" Является ли нечеткая фотография вообще изображением человека? Всегда ли целесообразно заменять нечеткое изображение четким? Разве неотчетливое не является часто как раз тем, что нам нужно?

Фреге сравнивает понятие с некоторой очерченной областью и говорит, что при неясных очертаниях ее вообще нельзя назвать областью. Это означает, пожалуй, что от нее мало толку. Но разве бессмысленно сказать: "Стань приблизительно там!""? Представь, что я говорю это кому-то, стоящему вместе со мной на городской площади. При этом я не очерчиваю какие-то границы, а всего лишь делаю указательное движение рукой, показывая ему на определенное место.

Вот так же можно объяснить кому-нибудь что такое игра. Ему предлагают примеры и стараются, чтобы они были поняты в определенном смысле. Однако под сказанным я вовсе не имею в виду: в этих примерах ему следует увидеть то общее, что я по каким-то причинам не смог выразить словами. Подразумевалось другое: он должен теперь применять эти примеры соответствующим образом. Приведение примеров здесь не косвенное средство пояснения, к которому мы прибегаем за неимением лучшего. Ведь любое общее определение тоже может быть неверно понято. Именно так мы играем в эту игру. (Я имею в виду языковую игру со словом "игра".)

72. Видение общего. Представь, что я показываю кому-нибудь разноцветные картинки и говорю: "Цвет, который ты видишь на всех этих картинках, называется "охра"". Это определение, и другой человек поймет его, отыскав и увидев то общее, что есть в этих картинках. Тогда он может взглянуть на это общее, указать на него.

Сравни этот пример с таким: Я показываю ему фигуры разной формы, но окрашенные одним цветом и говорю: -то общее, что в них имеется, называется "охра"".

А сравни с этим другой случай: я показываю ему образцы разных оттенков синего и говорю: "Цвет, общий им всем, я называю "синим"".

73. Когда кто-то объясняет мне наименование цветов, показывая образцы и говоря "Этот цвет называется "синим", этот "зеленым"...", то такой способ объяснения во многих отношениях можно сравнить с тем, когда у меня в руках таблица, где под образцами цвета стоят соответствующие слова. Хотя и данное сравнение во многих отношениях может вводить в заблуждение. Ну, а кто-то склонен расширить сравнение: понятие определение значит иметь в сознании понятие определяемой вещи, то есть образец или картину. Так, если мне показывают различные листья и говорят "Это называется "листом"", то у меня в сознании возникает представление о форме листа, его картина. Но как выглядит образ листа, не имеющего особой формы, образ -того, что общо листьям любой формы"? Какой цветовой оттенок имеет "мыслимый образец" зеленого цвета образец того, что присуще всем оттенкам зеленого?

"Но разве не могли бы существовать такие "всеобщие" образцы? Скажем, какая-нибудь схема листа, или образец чисто зеленого цвета?" Конечно, могли бы! Но от способа применения этих образцов зависит, будет ли эта схема понята как схема, а не как форма определенного листа, а полоска чисто зеленого цвета как образец всего зеленого, а не как образец этого чисто зеленого цвета.

Задай себе вопрос, какую форму должен иметь образец зеленого цвета? Должен ли он быть четырехугольным? Или он стал бы тогда образцом зеленого четырехугольника? Так что же, его форма должна быть "неправильной"? А что помешает нам тогда считать его образцом неправильной формы, то есть употреблять его таким образом?

74. К этому же относится и такая мысль: тот, кто рассматривает данный лист как образец "формы листа вообще", видит его иначе, чем тот, кто смотрит на него как на образец данной определенной формы. Ну, хоть это и не так, опыт свидетельствует: такое, конечно, возможно ибо это говорило бы лишь о том, что человек, видящий лист определенным образом, и использует его тем или иным способом, в соответствии с тем или иным правилом. Конечно, существуют те или иные способы видения; существуют и случаи, когда тот, кто видит образец так, как правило, и применяет его таким образом, а тот, кто видит его иначе, и обращается с ним по-иному. Например, тот, кто видит в схематическом

изображении куба плоскую фигуру, состоящую из квадрата и двух ромбов, пожалуй, выполнит команду "Принеси мне такой же!" иначе, чем тот, кто воспринимает это изображение объемно.

75. Что же тогда означает: знать, что такое игра? Что значит: знать это и быть не в состоянии это сказать? Не эквивалентно ли такое знание несформулированному определению, в котором, передай я его словами, я признаю выражение моего знания? Разве мое знание, мое понятие об игре не выражается полностью в тех объяснениях, которые я мог бы привести? То есть в том, как я описываю примеры разного рода игр, показываю, как по аналогии с ними могут быть сконструированы всевозможные типы других игр, говорю, что то или это вряд ли может называться игрою, и т.д.

76. Проведи здесь кто-нибудь четкие границы, я мог бы и не признать их границами, которые мне всегда хотелось провести или которые я уже мысленно провел. Ибо я вообще не хотел проводить границ. В таком случае можно было бы сказать: его понятие не тождественно, но родственно моему. Таково родство двух изображений, одно из которых состоит из расплывчатых цветковых пятен, а другое из пятен подобной же формы, в таком же соотношении, но с четкими контурами. Сходство здесь столь же бесспорно, как различие.

И если мы продолжим это сравнение еще дальше, станет ясно, что степень возможного сходства отчетливого и размытого изображений зависит от степени неопределенности последнего. Ибо представь, что тебе нужно расплывчатое изображение передать через "соответствующее" ему отчетливое. В первом случае просматривается размытый красный прямоугольник; ты заменяешь его четким изображением. Безусловно, можно начертить несколько таких прямоугольников с четкими контурами, которые соответствовали бы одному нечеткому. Но если в оригинале нет резких границ при переходе одного цвета в другой, то разве не становится невыполнимой задача передать расплывчатое изображение четким? Не должен ли ты в таком случае сказать: "Я мог бы здесь с тем же успехом, что и прямоугольник, изобразить круг или сердце; ведь все краски сливаются друг с другом. Изображение соответствует всему и ничему". Именно в этом положении находится тот, кто в эстетике или этике ищет определений, соответствующих нашим понятиям.

Всякий раз, столкнувшись с такой трудностью, задай себе вопрос: как мы усвоили значение этого слова (например, "хорошо")? На каких примерах, в каких языковых играх? И тогда тебе станет легче понять, что данное слово должно иметь целое семейство значений.

78. Сравни знание и речевое выражение:

какова высота Монблана
как применяется слово "игра"
как звучит кларнет.

Удивляясь, что можно знать нечто и быть не в состоянии это выразить, вероятно, думают о первом случае. И уж, конечно, не о таком случае, как третий.

79. Рассмотрим следующий пример: Если говорят "Моисей не существовал", это может означать разное: у израильтян при исходе из Египта не было одного вождя или их вождя звали не Моисей или вообще не было человека, совершившего все, что Библия приписывает Моисею, и т.д. и т.п. Вслед за Расселом мы могли бы сказать: имя "Моисей" можно определить с помощью разных описаний. Например, таких: "человек, проводивший израильтян через пустыню"; "человек, живший в такое-то время и в таком-то месте и называвшийся тогда Моисеем", "человек, который в младенческом возрасте был вытасчен из Нила дочерью фараона" и т.д.

И в зависимости от того, примем ли мы одно или другое определение, предложение "Моисей не существовал" приобретает разный смысл, как и любое иное предложение о Моисее. И если нам говорят "N не существовал", то ведь мы спрашиваем: "Что ты имеешь в виду? Не хочешь ли ты сказать, что... или что...?" и т.д.

Ну, а всегда ли я готов, высказывая нечто о Моисее, заменить имя "Моисей" одним из этих описаний? Пожалуй, я скажу: под "Моисеем" я подразумеваю человека, содежавшего то, что Библия приписывает Моисею, или же многое из того. Но сколь многое? Решил ли я, сколь многое должно оказаться ложным, чтобы я признал мое предложение ложным? Иными словами, имеет ли для меня имя "Моисей" твердо установленное и однозначное употребление во всех возможных случаях? Не обстоит ли дело так, что у меня в распоряжении как бы целый набор подпорок, так что, лишившись одной из них, я готов опереться на другую, и наоборот? Рассмотрим еще и другой случай. Когда я говорю "N умер", то в качестве значения имени N может быть принято следующее: я верю, что жил некий человек, которого я (1) лицезрел там-то, который (2) выглядел вот так (изображения), (3) совершил то-то и (4) в гражданской жизни носил имя N. Если бы меня спросили, что я понимаю под N, я полностью или частично перечислил бы вышесказанное, притом в разных случаях разное. Отсюда мое определение имени N могло бы звучать приблизительно так: "Человек, к которому все это относится". Ну, а как быть, если что-то из сказанного окажется ложным? Буду ли я готов объявить предложение "N умер" ложным даже если ложными окажутся лишь кое-какие, с моей точки зрения второстепенные, детали? Где же границы второстепенного? Уже располагай я в таком случае дефиницией имени, я был бы теперь готов изменить ее.

Это можно выразить и так: я пользуюсь именем "N" без фиксированного значения. (Но его применению это наносит столь же малый ущерб, как столу то, что он стоит на четырех, а не трех ножках и потому иногда пошатывается.)

Стоит ли говорить, что, пользуясь словом, не зная его значения, я, стало быть, говорю бессмыслицу? Говори что хочешь, до тех пор пока это не мешает тебе видеть происходящее. (А если ты это видишь, то кое-чего уже не скажешь.)

(Неустойчивость научных дефиниций: то, что сегодня считается эмпирически сопутствующим признаком феномена А, завтра может быть использовано как определение "А".)

80. Я говорю: "Там стоит стул". А что, если я подхожу к нему, собираюсь его взять, а он вдруг исчезает из виду? "Значит, это был не стул, а некая иллюзия". Но через две секунды мы снова видим его и можем потрогать его рукой и т.д. - тогда все-таки это был стул, а обманчивым было его исчезновение". Но допустим, что спустя какое-то время он исчезает снова или же кажется исчезнувшим. Что тут скажешь? Есть ли у тебя готовые правила для подобных случаев, правила, говорящие, можно ли все еще называть нечто "стулом"? Или же мы обходимся при употреблении слова "стул" без них; и должны говорить, что, по сути, не связываем с этим словом никакого значения, так как не располагаем правилами всех его возможных применений?

81. Ф.П.Рамсей в разговоре со мной однажды подчеркнул, что логика "нормативная наука". Не знаю точно, что он под этим подразумевал, но это, бесспорно, было тесно связано с тем, что позднее осенило меня; что именно в философии мы часто сравниваем употребление слов с играми, вычислениями по строгим правилам, но не можем утверждать, что употребляющий данный язык

должен играть в такую игру. Если же говорить, что наше речевое выражение только приближается к подобным исчислениям, то это граничит с непониманием. Ведь при этом может показаться, будто в логике идет речь о некоем идеальном языке. Будто наша логика является логикой как бы безвоздушного пространства. Между тем логика рассматривает язык или мышление не в том плане, в каком естествознание изучает некое явление природы, и в крайнем случае можно сказать, что мы конструируем идеальные языки. Но при этом слово "идеальное" вводило бы в заблуждение, создавая впечатление, будто эти языки лучше, совершеннее, чем наш повседневный язык; будто задача логики показать наконец людям, как выглядит правильное предложение.

Но все это может предстать в верном свете лишь тогда, когда удастся добиться большей ясности в отношении понятий понимания, осмысления и мышления. Ибо тогда прояснится также, что может подталкивать (и прежде подталкивало меня) к мысли, что, произнося предложение и осмысливая или понимая его, человек тем самым якобы проводит исчисление по определенным правилам.

82. Что я называю "правилом, по которому он действует"? Гипотезу, удовлетворительно описывающую наблюдаемое нами его употребление слов; или правило, которым он руководствуется при употреблении знаков; или же то, что он говорит нам в ответ на наш вопрос о его правиле? Но что, если наблюдение не позволяет четко установить правило и не способствует прояснению вопроса? Ведь, дав мне, например, на мой вопрос, что он понимает под N, ту или иную дефиницию, он тотчас же был готов взять ее обратно и как-то изменить. Ну, а как же определить правило, по которому он играет? Он сам его не знает. Или вернее: что же в данном случае должна означать фраза "Правило, по которому он действует"?

83. А не проясняет ли здесь что-то аналогия между языком и игрой? Легко представить себе людей, развлекающихся на лужайке игрой в мяч. Начиная разные известные им игры, часть из них они не доводят до конца, бесцельно подбрасывают мяч, гоняются в шутку друг за другом с мячом, бросают его друг другу и т.д. И вот кто-то говорит: все это время они играли в мяч, при каждом броске следуя определенным правилам.

А не случается ли, что и мы иногда играем, "устанавливая правила по ходу игры"? И даже меняя их "по ходу игры".

84. Я говорил об употреблении слова: оно не всецело очерчено правилами. Но как выглядит игра, полностью ограниченная правилами, не допускающими ни тени сомнения, игра, которую всякое отклонение заклинивает? Разве нельзя представить себе правило, регулирующее применение данного правила? А также сомнение, снимающие это правило, и так далее?

Но это не говорит о том, что мы сомневаемся, потому что способны представить себе сомнение. Я вполне могу представить себе, что кто-то, отворяя дверь своего дома, всякий раз опасается, не развернется ли за нею пропасть и не свалится ли он в нее, переступив порог (и может статься, что когда-нибудь он окажется прав). Но из-за этого я ведь не стану сомневаться в подобных же случаях.

85. Правило выступает здесь как дорожный указатель. Разве последний не оставляет никаких сомнений относительно пути, который я должен избрать? Разве он указывает, когда я прохожу мимо него, в каком направлении мне идти по дороге ли, тропинкой или прямо через поле? А где обозначено, в каком смысле нужно следовать ему: в направлении ли его стрелки или же (например) в

противоположном? А если бы вместо одного дорожного указателя имелась замкнутая цепь путевых знаков или меловых меток на земле, разве в этом случае проигрывалась лишь одна их интерпретация? Итак, можно говорить, что дорожный знак все-таки не оставляет места сомнению. Или вернее: он иногда оставляет место сомнению, а иногда нет. Ну, а это уже не философское, а эмпирическое предложение.

86. Такая языковая игра, как (2), играет с помощью таблицы. Знаки, которые А дает В, в данном случае письменные. У В имеется таблица. В первом ее столбце стоят используемые в игре письменные знаки, во втором изображения видов строительных камней. А показывает В такой письменный знак; В ищет его в таблице, смотрит на соотнесенный с ним рисунок и т.д. Выходит, таблица и служит правилом, подчиняясь которому он выполняет приказ. Поиску рисунка в таблице учатся путем тренировки, причем частично такая тренировка состоит, например, в том, что ученик обучается горизонтально водить пальцем в таблице слева направо; то есть как бы учиться проводить ряд горизонтальных линий.

Представь"ка себе, что введены различные способы чтения таблицы.

Один из них описан выше и соответствует данной схеме:

а другой осуществляется по такой схеме:

или еще по какой-то иной. Такая схема прилагается к таблице в качестве правила ее использования.

Ну, а разве нельзя представить себе и другие правила для объяснения этого правила? А с другой стороны, разве первая таблица без схемы стрелок была не полна? И разве не полны без таких схем другие таблицы?

87. Допустим, я поясняю: под "Моисеем" я понимаю человека, если только таковой был, который вывел израильтян из Египта, как бы его тогда ни называли и что бы еще, кроме этого, он, возможно, ни совершил. Усомниться же можно не только в имени "Моисей", но и в других словах этого пояснения (что называть "Египтом", кого "израильтянами", и т.д.?). Да, эти вопросы не иссякнут и при обращении к таким словам, как "красное", "темное", "сладкое". "А тогда как такое объяснение способствует пониманию, если оно не является окончательным? Ведь в таком случае объяснение никогда не завершается; и получается, что я все же не понимаю и никогда не пойму, что имеется в виду!" Объяснение как бы повисает в воздухе до тех пор, пока его не подкрепит другое. Между тем объяснение, хотя и может основываться на другом, располагай мы таковым, отнюдь не требует этого другого если мы не нуждаемся в нем во избежание непонимания. Можно сказать: объяснение служит устранению или предотвращению непонимания причем того непонимания, которое возникло бы без этого объяснения; не любого непонимания, какое только можно себе представить.

Вполне может показаться, будто каждое сомнение просто обнаруживает некий пробел в основаниях, так что достоверное понимание возможно лишь в том случае, если сперва усомниться во всем, в чем можно усомниться, а затем устранить все эти сомнения.

Дорожный знак в порядке, если он в нормальных условиях выполняет свою

задачу.

88. Я говорю кому-то: "Стань приблизительно там!" разве это разъяснение не может успешно сработать? И разве не может не сработать и любое другое?

"А не является ли это разъяснение неточным?" Ну почему бы и не назвать его "неточным"! Только разберемся, что означает слово "неточный". Ведь оно не означает "неприменимый". И подумаем над тем, что, наоборот, называется - точным" разъяснением! Что-то вроде очерченной мелом области? Тут сразу же приходит в голову, что проведенная мелом линия имеет толщину. Так что точнее была бы цветовая граница. Но сработает ли в данном случае большая точность, не будет ли это работой вхолостую? Да мы еще не определили и что считать выходом за пределы точно заданных границ, не установили, как, с помощью каких инструментов их следует фиксировать. И так далее.

Мы понимаем, что значит поставить точное время на карманных часах или же отрегулировать их, чтобы они шли точно. Ну, а если бы нас спросили: идеальна ли эта точность или насколько она приближается к идеальной? Конечно, можно говорить об измерении времени с иной, скажем большей, точностью, чем его измерение с помощью карманных часов. Тогда слова "Поставь часы на точное время" имели бы другое, хотя и сходное значение, а выражение "отсчитывать время" было бы связано с другим процессом и т.д. Ну, а если я говорю кому-нибудь: "Тебе следовало бы приходиться к обеду более пунктуально, ты знаешь, что он начинается ровно в час", разве при этом, по сути, не идет речь о точности? Ведь можно сказать: "Подумай об определении времени в лаборатории или в обсерватории: вот там ты увидишь, что означает -точность".

"Неточный" по сути дела, упрек, а -точный" похвала. То есть предполагается: неточное достигает своей цели с меньшим совершенством, чем более точное. Таким образом, здесь дело сводится к тому, что мы называем "целью". Значит ли, что я неточен, если указываю расстояние от нас до Солнца с допуском до 1 метра или заказываю столяру стол, ширина которого имеет допуск более 0,001 м.

Единый идеал точности не предусмотрен; мы не знаем, что нужно понимать под ним, пока сами не установим, что следует называть таковым. Но найти такое решение, которое бы тебя удовлетворяло, довольно трудная задача.

89. Эти рассуждения вплотную подводят нас к постановке проблемы: в каком смысле логика нечто сублимированное?

Ведь нам кажется, что логике присуща особая глубина универсальное значение. Представляется, что она лежит в основе всех наук. Ибо логическое исследование выявляет природу всех предметов. Оно призвано проникать в основания вещей, а не заботиться о тех или иных фактических событиях. Логика вырастает не из интереса к тому, что происходит в природе, не из потребности постичь причинные связи, а из стремления понять фундамент или сущность всего, что дано в опыте. А для этого не надо устремляться на поиски новых фактов: напротив, для нашего исследования существенно то, что мы не стремимся узнать с их помощью что-то новое. Мы хотим понять нечто такое, что уже открыто нашему взору. Ибо нам кажется, что как раз этого мы в каком-то смысле не понимаем.

Августин в Исповеди (XI/14) говорит: "quid est ergo tempus? si nemo ex te quaerat scio; si quaerenti explicare velim, nescio" [Что такое время? Если никто меня не спрашивает, знаю; если же хочу пояснить спрашивающему, не знаю".]

Этого нельзя было бы сказать о каком-нибудь вопросе естествознания (например, об удельном весе водорода). Что человек знает, когда никто его об этом не спрашивает, и не знает, когда должен объяснить это кому-то, и есть

то, о чем нужно напоминать себе. (А это явно то, о чем почему-то вспоминается с трудом.)

90. Нам представляется, будто мы должны проникнуть в глубь явлений, однако наше исследование направлено не на явления, а, можно сказать, на "возможности" явлений. То есть мы напоминаем себе о типе высказывания, повествующего о явлениях. Отсюда и Августин припоминает различные высказывания о длительности событий, об их прошлом, настоящем, будущем. (Конечно, это не философские высказывания о времени, о прошлом, настоящем и будущем.)

Поэтому наше исследование является грамматическим. И это исследование проливает свет на нашу проблему, устраняя недоразумения, связанные с употреблением слов в языке, непонимание, порождаемое в числе прочего и определенными аналогиями между формами выражения в различных сферах нашего языка. Некоторые из них можно устранить, заменив одну форму выражения другой, такую замену можно назвать "анализом" наших форм выражения, ибо этот процесс иногда напоминает разложение на составные элементы.

91. При этом может создаться впечатление, будто существует нечто подобное окончательному анализу наших языковых форм, следовательно, единственная полностью разобранный на элементы (*zerlegte*) форма выражения. То есть впечатление таково, будто наши общепринятые формы выражения, по сути, еще не проанализированы, будто в них скрывается нечто такое, что нам следует выявить. Кажется, сделай мы это выражение совершенно ясным, наша задача будет решенной.

Это можно сформулировать и так: мы устраняем недоразумения, делая наше выражение более точным. Но при этом может показаться, будто мы стремимся к особому состоянию, состоянию полной точности; и будто именно в этом состоит подлинная цель нашего исследования.

92. Это находит свое выражение в вопросе о сущности языка, предложения, мышления. Что касается наших исследований, в которых мы тоже пытаемся понять сущность языка его функцию, его структуру, то в них под сущностью все же имеется в виду не то, что в приведенном вопросе. Дело в том, что вышеозначенный вопрос не предполагает, что сущность нечто явленное открыто и делающееся обозримым при упорядочивании. Напротив, подразумевается, что сущность нечто скрытое, не лежащее на поверхности, нечто, заложенное внутри, видимое нами лишь тогда, когда мы проникаем в глубь вещи, нечто такое, до чего должен докопаться наш анализ.

"Сущность скрыта от нас" вот форма, которую тогда принимает наша проблема. Мы спрашиваем: "Что такое язык?", "Что такое предложение?". И ответ на эти вопросы нужно дать раз и навсегда; притом независимо от любого будущего опыта.

93. Один может сказать: "Предложение да ведь это самое обычное, что есть на свете!", а другой: "Предложение нечто весьма странное!". И этот второй просто не может проследить, как функционируют предложения. Потому что ему мешают формы наших высказываний о предложениях, мышлении.

Почему мы говорим, что предложение нечто удивительное? С одной стороны, из-за той огромной роли, какую оно играет. (И это верно.) С другой стороны, эта его роль плюс непонимание логики языка побуждают думать, будто предложению должны быть присущи какие-то необычайные, исключительные деяния. Впечатление, будто предложение совершает нечто необычайное, следствие

недопонимания.

94. "Предложение вещь странная!": уже в этом кроется сублимация речевого представления (*Darstellung*) в целом, склонность признавать наличие чистой сущности посредника между знаком предложения и фактом. Или даже стремление очистить, сублимировать сам знак предложения. Дело в том, что наши формы выражения всячески мешают видеть, что происходят обычные вещи, отправляя нас в погоню за химерами.

95. "Мышление должно быть чем-то уникальным". Говоря, полагая, что происходит то-то, мы с этим нашим полаганием не останавливаемся где-то перед фактом, но имеем в виду: это происходит так. А этот парадокс, конечно же, имеющий форму трюизма, можно выразить и так: "мыслимо и то, что не происходит".

96. К своеобразной иллюзии, о которой идет речь, с разных сторон примыкают и другие. Мышление, язык кажутся нам теперь единственным в своем роде коррелятом, картиной мира. Понятия "предложение", "язык", "мышление", "мир" представляются рядоположенными и эквивалентными. (Но для чего же тогда использовать эти слова? Недостает языковой игры, в которой их следует применять.)

97. Мышление окружено неким ореолом. Его сущность, логика, представляет (*darstellt*) порядок мира, притом порядок априорный, то есть порядок возможностей, который должен быть общим для мира и мышления. Но кажется, что этот порядок должен быть крайне прост. Предваряя всякий опыт, он должен всецело пронизывать его; сам же он не может быть подвластен смутности или неопределенности опыта. Напротив, он должен состоять из чистейшего кристалла. Но кристалла, явленного не в абстракции, а как нечто весьма конкретное, даже самое конкретное, как бы наиболее неизбежное (*Harteste*) из всего существующего. (ЛФТ, 5.5563.)

Нами владеет иллюзия, будто своеобразное, глубокое, существенное в нашем исследовании заключено в стремлении постичь ни с чем не сравнимую сущность языка, то есть понять порядок соотношения понятий: предложение, слово, умозаключение, истина, опыт и т.д. Этот порядок есть как бы сверх"порядок сверх"понятий. А между тем, если слова "язык", "опыт", "мир" находят применение, оно должно быть столь же непритязательным (*niedrige*), как и использование слов "стол", "лампа", "дверь".

98. С одной стороны, ясно, что каждое предложение нашего языка "уже в том виде, как оно есть, в порядке". То есть мы не стремимся к идеалу: как если бы наши обычные, расплывчатые предложения еще не имели своего вполне безупречного смысла и требовалось конструировать совершенный язык. С другой стороны, кажется очевидным: там, где есть смысл, должен быть совершенный порядок. Выходит, даже в самом расплывчатом предложении должен быть совершенный порядок.

99. Конечно, смысл предложения может скажем так оставлять открытым то или другое, однако предложение должно иметь какой-то определенный смысл. Неопределенный смысл, по сути, вообще не был бы смыслом. Так же как нечеткая граница, собственно говоря, вовсе не граница. Ведь, заяви я, что "крепко запер человека в комнате, оставив открытой только одну дверь", подумали бы: выходит, он его вообще не запер. Его закрыли в комнате лишь для виду. Мне в таком случае могли бы сказать: "Ты вообще ничего не сделал". Ограждение с дырью это то же самое, что и полное отсутствие ограды. Но так ли это?

100. "Но это же не игра, если в правилах есть какая-то неопределенность". А действительно ли это совсем не игра? "Может быть, ты и будешь называть ее игрой, но, во всяком случае, это же не совершенная игра". Это значит, что такая игра не может считаться вполне "чистой" игрой, меня же сейчас интересует данное явление в его "чистом виде". Но я хочу сказать: мы превратно понимаем роль, какую играет идеал в наших способах выражения. То есть: мы и это назвали бы игрой, только нас ослепляет идеал и поэтому мы неясно понимаем действительное употребление слова "игра".

101. Мы хотим сказать, что в логике не может быть неопределенности. Нами тут владеет представление: идеал должен обнаружиться в действительности. И в то же время мы не видим, каким образом он может там обнаружиться, и не понимаем природы этого "должен". Мы верим: идеал должен скрываться в реальности, ибо полагаем, что уже усматривали его там.

102. Строгие и ясные правила логической структуры предложения представляются нам чем-то скрывающимся в глубине, в сфере понимания. Я их уже вижу (хотя и через посредничество понимания): ведь я же понимаю знак, мыслю нечто с его помощью.

103. Этот идеал, по нашим представлениям, непоколебим. Ты не можешь выйти за его пределы. Ты всегда должен возвращаться к нему. Нет ничего вне его; в этом вне не хватает воздуха для дыхания. Откуда пришло к нам такое представление? Похоже, оно сидит в нас, как очки на носу, на что бы мы ни смотрели, мы смотрим через них. Нам никогда не приходит в голову снять эти очки.

104. Мы делаем предикатами вещей то, что заложено в наших способах их представления. Под впечатлением возможности сравнения мы принимаем эти способы за максимально всеобщее фактическое положение дел.

105. Когда мы считаем, что должны найти вышеуказанный порядок, идеал в действительном языке, нас перестает удовлетворять то, что в обыденной жизни называется "предложением", "словом", "знаком".

Предложение, слово с точки зрения логики должны быть чем-то чистым, четко очерченным. И мы тут ломаем голову над сущностью подлинного знака. Является ли она представлением о знаке как таковом или же представлением, связанным с данным моментом?

106. При этом, как бы витая в облаках, с трудом понимаешь, что надлежит оставаться в сфере предметов повседневного мышления, а не сбиваться с пути, воображая, будто требуется описать крайне тонкие вещи, не имея в своем распоряжении средств для такого описания. Нам как бы выпадает задача восстановить разорванную паутину с помощью собственных пальцев.

107. Чем более пристально мы приглядываемся к реальному языку, тем резче проявляется конфликт между ним и нашим требованием. (Ведь кристальная чистота логики оказывается для нас недостижимой, она остается всего лишь требованием.) Это противостояние делается невыносимым; требованию чистоты грозит превращение в нечто пустое. Оно заводит нас на гладкий лед, где отсутствует трение, стало быть, условия в каком-то смысле становятся идеальными, но именно поэтому мы не в состоянии двигаться. Мы хотим идти: тогда нам нужно трение. Назад, на грубую почву!

108. Мы узнаем: то, что называют "предложением", "языком", это не формальное единство, которое я вообразил, а семейство более или менее родственных образований. Как же тогда быть с логикой? Ведь ее строгость оказывается обманчивой. А не исчезает ли вместе с тем и сама логика? Ибо как

логика может поступиться своей строгостью? Ждать от нее послаблений в том, что касается строгости, понятно, не приходится. Предрассудок кристальной чистоты логики может быть устранен лишь в том случае, если развернуть все наше исследование в ином направлении. (Можно сказать: исследование должно быть переориентировано под углом зрения наших реальных потребностей_.)

Философия логики трактует о предложениях и словах в том же смысле, как это делают в повседневной жизни, когда мы говорим, например: "Вот предложение, написанное по-китайски"; "Нет, это лишь похоже на письмена, на самом же деле это орнамент".

Мы говорим о пространственном и временном феномене языка, а не о каком-то непространственном и невременном фантоме. [Замечание на полях рукописи: иное дело, что интересоваться неким феноменом можно по-разному.] Мы же говорим о нем так, как говорят о фигурах в шахматной игре, устанавливая правила игры с ними, а не описывая их физические свойства.

Вопрос "Чем реально является слово?" аналогичен вопросу "Что такое шахматная фигура?".

109. Что верно, то верно: нашим изысканиям не обязательно быть научными. У нас не вызывает интереса опытное знание о том, что "вопреки нашим предубеждениям нечто можно мыслить так или этак", что бы это ни означало. (Понимание мышления как особого духовного посредника.) И нам не надо развивать какую-либо теорию. В наших рассуждениях неправомерно что-то гипотетическое. Нам следует отказаться от всякого объяснения и заменить его только описанием. Причем это описание обретает свое целевое назначение способность прояснять в связи с философскими проблемами. Таковые, конечно, не являются эмпирическими проблемами, они решаются путем такого всматривания в работу нашего языка, которое позволяет осознать его действия вопреки склонности истолковать их превратно. Проблемы решаются не через приобретение нового опыта, а путем упорядочения уже давно известного. Философия есть борьба против зачаровывания нашего интеллекта средствами нашего языка.

110. Утверждение "Язык (или мышление) есть нечто уникальное" оказывается неким суеверием (а не ошибкой!), порождаемым грамматическими иллюзиями.

Его патетика отсвет именно этих иллюзий, этой проблемы.

111. Проблемы, возникающие в результате превратного толкования форм нашего языка, носят глубокий характер. Это глубокие беспокойства; они столь же глубоко укоренены в нас, как и формы нашего языка, и их значение столь же велико, сколь велика для нас важность языка. Зададимся вопросом, почему грамматическая шутка воспринимается нами как глубокая. (А это как раз и есть философская глубина.)

112. Обманчивое впечатление производит закрепившееся в формах нашего языка подобие облика [выражений]; оно нас беспокоит. "Это же не так!" говорим мы. "Но это должно быть так!"

113. "Однако это так", повторяю я себе вновь и вновь. Мне кажется: сумей я полностью сосредоточиться на этом факте, сфокусировать на нем все свое внимание, я понял бы суть дела.

114. (Логико"философский трактат 4.5): "Общая форма предложения такова: дело обстоит так". Предложение такого рода люди повторяют бесчисленное множество раз, полагая при этом, будто вновь и вновь исследуют природу. На самом же деле здесь просто очерчивается форма, через которую мы

воспринимаем ее.

115. Нас берет в плен картина. И мы не можем выйти за ее пределы, ибо она заключена в нашем языке и тот как бы нещадно повторяет ее нам.

116. Когда философы употребляют слово "знание", "бытие", "объект", "я", "предложение", "имя" и пытаются схватить сущность вещи, то всегда следует спрашивать: так ли фактически употребляется это слово в языке, откуда оно родом?

Мы возвращаем слова от метафизического к их повседневному употреблению.

117. Мне говорят: "Ты понимаешь это выражение, не так ли? Выходит, я использую его в том значении, которое тебе знакомо". Как будто значение это некая аура, присущая слову и привносимая им с собой в каждое его употребление.

Если, например, кто-то говорит, что предложение "Это здесь" (причем показывает на предмет перед собой) имеет для него смысл, то ему следует спросить себя, при каких особых обстоятельствах фактически пользуются этим предложением. При этих обстоятельствах оно и имеет смысл.

118. В чем же значимость нашего исследования, ведь оно, по-видимому, лишь разрушает все интересное, то есть все великое и важное. (Как если бы оно разрушало все строения, оставляя лишь обломки, камни и мусор.) Но разрушаются лишь воздушные замки, и расчищается почва языка, на которой они стоят.

119. Итог философии обнаружение тех или иных явных несуразниц и тех шишек, которые набивает рассудок, наталкиваясь на границы языка. Именно эти шишки и позволяют нам оценить значимость философских открытий.

120. Говоря о языке (слове, предложении и т.д.), я должен говорить о повседневном языке. Не слишком ли груб, материален этот язык для выражения того, что мы хотим сказать? Ну, а как тогда построить другой язык? И как странно в таком случае, что мы вообще можем что-то делать с этим своим языком!

В рассуждениях, касающихся языка, я уже вынужден был прибегать к полному (а не к какому-то предварительному, подготовительному) языку. Само это свидетельствует, что я в состоянии сообщить о языке лишь нечто внешнее [наружное] (*äußerliches*).

Да, но как могут удовлетворить нас подобные пояснения? Так ведь и твои вопросы сформулированы на этом же языке; и если у тебя было что спросить, то это следовало выразить именно этим языком!

А твои сомнения плод непонимания.

Твои вопросы относятся к словам; следовательно, я должен говорить о словах.

Говорят: речь идет не о слове, а о его значении; и при этом представляют себе значение как предмет того же рода, что и слово, хоть и отличный от него. Вот слово, а вот его значение. Деньги и корова, которую можно купить на них. (Но с другой стороны: деньги и их использование.)

121. Можно подумать: коли философия трактует об употреблении слова "философия", то должна существовать некая философия второго порядка. Но это как раз не так; данная ситуация скорее уж соответствует случаю с орфографией, которая должна заниматься и правописанием слова "орфография", не превращаясь при этом в нечто, относящееся ко второму порядку.

122. Главный источник нашего недопонимания в том, что мы не обзираем употребления наших слов. Нашей грамматике недостает такой наглядности. Именно наглядное действие (*bersichtliche Darstellung*) рождает то понимание, которое заключается в "усмотрении связей". Отсюда важность поисков и

изобретения промежуточных звеньев.

Понятие наглядного взору действия (*der bersichtlichen Darstellung*) имеет для нас принципиальное значение. Оно характеризует тип нашего представления, способ нашего рассмотрения вещей. (Разве это не "мировоззрение"?)

123. Философская проблема имеет форму: "Я в тупике".

124. Философия никоим образом не смеет посягать на действительное употребление языка, в конечном счете она может только описывать его.

Ведь дать ему вместе с тем и какое-то обоснование она не может.

Она оставляет все так, как оно есть.

И математику она оставляет такой, как она есть, не может продвинуть ни одно математическое открытие. "Ведущая проблема математической логики" остается для нас проблемой математики, как и любая другая.

125. Не дело философии разрешать противоречие посредством математического, логико-математического открытия. Она призвана ясно показать то состояние математики, которое беспокоит нас, состояние до разрешения противоречия. (И это не значит уйти от трудностей.)

Главное здесь вот что: мы устанавливаем правила и технику игры, а затем, следуя этим правилам, сталкиваемся с тем, что не все идет так, как было задумано нами. Что, следовательно, мы как бы запутались в наших собственных правилах.

Именно эту "запутанность в собственных правилах" мы и хотим понять, то есть ясно рассмотреть.

Это проливает свет на наше понятие полагания (*Meinens*). Ибо в таких случаях дело идет иначе, чем мы полагали, предвидели. Ведь говорим же мы, например, столкнувшись с противоречием: "Я этого не предполагал".

Гражданское положение противоречия, или его положение в гражданском обществе, вот философская проблема.

126. Философия просто все предъясняет нам, ничего не объясняя и не делая выводов. Так как все открыто взору, то нечего и объяснять. Ведь нас интересует не то, что скрыто.

"Философией" можно было бы назвать и то, что возможно до всех новых открытий и изобретений.

127. Труд философа это [осуществляемый] с особой целью подбор припоминаний.

128. Пожелай кто-нибудь сформулировать в философии тезисы, пожалуй, они никогда не смогли бы вызвать дискуссию, потому что все согласилось бы с ними.

129. Наиболее важные для нас аспекты вещей скрыты из-за своей простоты и повседневности. (Их не замечают, потому что они всегда перед глазами.) Подлинные основания исследования их совсем не привлекают внимания человека. До тех пор пока это не бросится ему в глаза. Иначе говоря: то, чего мы [до поры] не замечаем, будучи увидено однажды, оказывается самым захватывающим и сильным.

130. Наши ясные и простые языковые игры не являются подготовительными исследованиями для будущей регламентации языка, как бы первыми приближениями, не принимающими во внимание трение и сопротивление воздуха. Скорее, уже эти языковые игры выступают как некие модели, которые своими сходствами и несходствами призваны пролить свет на возможности нашего языка.

131. Избежать неправильности или пустоты наших утверждений можно, лишь представляя образец тем, что он есть, то есть в качестве модели как бы

некоего мерила, а не заведомо верной идеи, которой должна соответствовать действительность. (Догматизм, в который мы столь легко впадаем, занимаясь философией.)

132. Свои познания об употреблении языка мы стремимся привести в порядок: порядок, служащий определенной цели, один из множества возможных порядков, а не единственно возможный порядок как таковой. С этой целью мы вновь и вновь подчеркиваем различия, которые легко упускаются из виду в наших обычных языковых формах. При этом может сложиться впечатление, будто бы нашей задачей является реформа языка.

Подобная реформа, служащая определенным практическим целям усовершенствованию нашей терминологии во избежание недоразумений в практике словоупотребления, конечно, возможна. Но не такие случаи служат предметом нашего рассмотрения. Путаницы, занимающие нас, возникают тогда, когда язык находится на холостом ходу, а не тогда, когда он работает.

133. Мы не собираемся каким-то неслыханным образом очищать или дополнять систему правил употребления наших слов.

Ибо ясность, к которой мы стремимся, это, право же, исчерпывающая ясность. А это просто означает, что философские проблемы должны совершенно исчезнуть.

Подлинное открытие заключается в том, что, когда захочешь, обретаешь способность перестать философствовать. В том, что философия умиротворяется, так что ее больше не лихорадят вопросы, ставящие под сомнение ее самое. Вместо этого мы на примерах покажем действие того или иного метода, причем череду этих примеров можно прерывать. Решается не одна проблема, а проблемы (устраняются трудности).

Пожалуй, нет какого-то одного метода философии, а есть методы наподобие различных терапий.

134. Рассмотрим предложение: "Дело обстоит так-то". На каком основании о нем можно говорить как об общей форме предложения? Прежде всего, оно само является предложением, русским [в оригинале, соответственно немецким] предложением, в нем есть подлежащее и сказуемое. Но как применяется это предложение в нашем повседневном языке? Ведь я взял его именно оттуда.

Мы говорим, например: "Он объяснил мне свою ситуацию, сказал, что дело обстоит вот так, и поэтому он нуждается в задатке". В таком случае выходит, можно утверждать: вышеприведенное предложение соответствует любому высказыванию. Оно применяется как предложение "схема, но только потому, что имеет структуру немецкого предложения. Вместо него можно просто сказать: "Случилось то-то" или же "Ситуация такова" и т.д. И можно, как в символической логике, просто воспользоваться какой-то буквой, некой переменной. Однако букву *r* никто бы не назвал общей формой предложения. Как уже говорилось, предложение "Дело обстоит так-то" было признано такой формой лишь потому, что и оно само является тем, что называют предложением. Но, будучи предложением и само по себе, оно при всем том используется только как предложение "переменная". Утверждать, что это предложение соответствует (или не соответствует) действительности, было бы явной бессмыслицей. Тем самым иллюстрируется, что одним из признаков нашего понятия о предложении является звучание его как предложения.

135. Но разве у нас нет понятия о том, что такое предложение, что мы понимаем под "предложением"? Ну разумеется, есть, так же как есть и понятие о том, что понимается под "игрой". В ответ на вопрос, что такое предложение

отвечаем ли мы другим или самим себе, мы приведем примеры и включим в них то, что можно назвать индуктивным рядом предложений. Вот таким-то вот образом мы и имеем некое понятие предложения. (Сравни понятие предложения с понятием числа.)

136. Представить фразу: "Дело обстоит так-то" как общую форму предложения в принципе все равно что заявить: "Предложением является все то, что может быть истинным или ложным". Ведь вместо "Дело обстоит..." можно сказать: -то-то истинно". (А также сказать: -то-то ложно"). Но здесь имеет место следующая зависимость: p истинно = p

p ложно = не" p .

А значит, фраза: предложение есть все то, что может быть истинным или ложным, равносильна утверждению: предложением называется то, к чему в нашем языке применяется исчисление функций истинности.

При этом может показаться, будто данная дефиниция предложение есть то, что может быть либо истинным, либо ложным, устанавливает, что такое предложение, ибо она гласит: предложение это то, к чему применимо понятие "истинный" или что соответствует понятию "истинный". То есть у нас уже как бы имеется какое-то понятие истинного и ложного, позволяющее определять, что является, а что не является предложением. Предложение то, что сцеплено с понятием "истинный" (как зубчатое колесо).

Но это неудачная картина. Она как бы равносильна вот такому утверждению: "Король в шахматах это та фигура, которой можно объявить шах". А это всего лишь означает, что в нашей шахматной игре шах можно объявить только королю. Равным образом утверждение, что только предложение может быть истинным, говорит нам не более того, что предикаты "истинный" и "ложный" мы приписываем лишь тому, что называем предложением. А что есть предложение, определяется, с одной стороны, правилами его построения (скажем, правилами немецкого языка), а с другой употреблением знака в языковой игре. И применение слов "истинный" или "ложный" также может быть составной частью этой игры; и в этом случае такое употребление характеризует для нас предложение, но отнюдь не совпадает с ним. Точно так же можно сказать, что объявление шаха принадлежит нашему понятию шахматного короля (как бы является его составляющей). Сказать же, что объявление шаха не соответствует нашему понятию пешки, означало бы, что игра, где пешке объявляют шах, где проигрывает потерявший все пешки, была бы неинтересной, примитивной или слишком усложненной и т. п.

137. А как обстоит дело, когда мы учимся определять подлежащее в предложении с помощью вопроса: "Кто или что...?" Ведь тут есть некое соответствие ("Passen") подлежащего данному вопросу; иначе как с помощью этого вопроса можно было бы узнать, что в предложении служит подлежащим? Способ, каким мы узнаем это, весьма схож с тем, как отыскивают букву в алфавите, следующую за буквой "К", произнося про себя буквы алфавита вплоть до "К". Ну, а в каком смысле "Л" соответствует этому буквенному ряду? Именно в таком смысле можно было бы сказать, что "истинное" и "ложное" соответствуют предложению. Даже ребенка можно научить отличать предложение от других выражений, подсказав ему: "Спроси себя: можешь ли ты после фразы добавить: "Это истинно"? Если эти слова уместны, то ты имеешь дело с предложением".

(И точно так же можно было бы рекомендовать: "Спроси себя, можешь ли ты предпослать эту фразу словами: "Дело обстоит именно так"").

138. А не может ли тогда понятное мне значение слова соответствовать понятному для меня смыслу предложения? Или же значение одного слова соответствовать значению другого? Конечно, если значение слова и есть то употребление, каким мы его наделяем, то нет смысла говорить о соответствии. Но ведь мы понимаем значение слова, стоит нам его услышать или произнести, это значение схватывается мгновенно, и то, что мы таким образом схватываем, есть нечто иное, нежели развертываемое во времени "употребление"!_

139. Так, когда мне говорят слово "куб", я знаю, что оно означает. Но разве при этом, когда я так понимаю слово, в моем сознании возникает его употребление во всем объеме?

Ну, а с другой стороны, разве значение слова не определяется и этим его употреблением? Могут ли эти способы определения значения противоречить друг другу? Может ли "значение", схватываемое мгновенно, совпадать с употреблением, соответствовать или не соответствовать ему? И как может то, что дано нам в одно мгновение, что моментально возникает в нашем сознании, соответствовать его употреблению?

Что же, собственно, нам представляется при понимании слова? Не напоминает ли оно собою некую картину? Разве оно не может быть картиной?

Ну, предположим, что ты услышал слово "куб" и в твоём сознании возникла картина. Скажем, рисунок куба. Насколько это изображение соответствует или не соответствует употреблению слова куб? Возможно, ты мне возразишь: "Да это же очень просто: если у меня в сознании возникает эта картина, а я указываю, скажем, на трехугольную призму и заявляю, что это куб, то такое употребление слова не соответствует картине". А действительно ли не соответствует? Я сознательно подобрал такой пример, чтобы можно было легко представить себе метод проекции, согласно которому образ все-таки будет соответствовать реально видимому.

Образ куба, безусловно, предлагает нам определенное его употребление, но я могу употреблять его и иначе_.

140. Какого же рода ошибку я в таком случае допустил: ту ли, что склонен выразить так: я счел, что картина навязывает мне определенное использование? Как мог я это полагать? Что, собственно, я полагал? Если существует некая картина или нечто подобное картине, побуждающее к определенному употреблению, так не связана ли моя ошибка со смешением [картин]? Ведь, возможно, мы склонны выразиться и так: мы находимся самое большее под психологическим, а не логическим воздействием. При этом у нас возникает полная иллюзия, будто мы знали о случаях двоякого рода.

Что же дает тогда мой аргумент? Он привлек внимание к тому (напомнил о том), что при некоторых обстоятельствах мы вполне готовы назвать "применением образа куба" и иной процесс, отличный от того, о котором подумали первоначально. Итак, "мнение, что именно картина побудила нас к определенному применению" состояло в том, что мы обращали внимание лишь на этот случай, и ни на какой иной. Высказывание "имеется и другое решение" означает: имеется также еще что-то, что я готов назвать "решением", к чему готов применить такую-то картину, такую-то аналогию и т.д.

При этом важно понимать, что, хотя услышанное слово может вызывать один и тот же [образ] в нашем сознании, его применение, однако, может быть разным. Имеет ли слово одно и то же значение в обоих этих случаях? Я думаю, что следовало бы сказать нет.

141. А как быть, если в нашем сознании возникает не просто образ куба, но и метод проекции? Как можно себе это представить? Например, так: передо мной схема данного вида проекции скажем, изображение двух кубов, связанных линиями проекции. Но позволяет ли такой ответ существенно продвинуться вперед? А нельзя ли представить себе и различные применения такой схемы? Да разве возможно мысленно представлять себе и применение? Вполне, только нужно более отчетливо определиться с тем, как мы применяем это выражение. Допустим, я разъясняю кому-нибудь различные методы проекции, чтобы научить его применять их. Спрашивается, в каком случае мы бы сказали, что ему мысленно представляется именно тот метод, который я имел в виду.

Ну, мы узнаем об этом, пользуясь двумя разными критериями. С одной стороны, это определенная картина (любого рода), которая мысленно представляется ему в то или иное время. С другой же стороны, это применение данного представления, осуществляемое им с течением времени. (И разве не ясно, что в данном случае совершенно безразлично, представляется ли ему эта картина в его фантазии, а не в виде лежащего перед ним рисунка или модели; либо даже в виде модели, им самим сконструированной?)

Ну, а могут ли образ и его применение вступать в конфликт? Да, такой конфликт возможен, коль скоро от образа ожидают другого применения, потому что, как правило, люди применяют этот образ так.

Я хочу сказать: тут есть типичный случай и нетипичные случаи.

142. Лишь в типичных случаях нам четко предписано определенное употребление слова; мы знаем, у нас нет никаких сомнений, что сказать в том или ином случае. Чем менее типичен случай, тем более сомнительно, что при этом следует сказать. Если бы вещи вели себя совсем иначе, чем они ведут себя в действительности (не существуй, например, характерных выражений для страха, боли, радости; стань правило исключением, а исключение правилом; стань их частота приблизительно одинаковой), то наша привычная языковая игра потеряла бы свой смысл. Процедура взвешивания куска сыра: укладка его на весы, отклонение стрелки, указывающее его вес и, следовательно, цену, потеряла бы всякий смысл, если бы мы часто сталкивались с тем, что сыр внезапно и без всякой видимой причины разбухал бы или же усыхал. Это замечание станет яснее потом, когда речь пойдет о таких вещах, как отношение выражения к чувству и т.п. _

143. Рассмотрим теперь следующий вид языковой игры: Некто В по указанию А должен записывать знаковый ряд согласно определенному закону построения.

Пусть таким рядом прежде всего будет ряд натуральных чисел в десятичной системе. Как он учится понимать эту систему? Сначала ему предъявляют запись числового ряда, а затем велят скопировать ее. (Пусть не покажется тебе странным выражение "числовой ряд"; в таком его применении нет ошибки!) И уже здесь мы сталкиваемся с типичной и нетипичной реакцией обучаемого. Сначала при копировании ряда от 0 до 9 мы, может быть, водим его рукой. А далее возможность взаимопонимания сопряжена с тем, как он будет продолжать запись самостоятельно. Причем можно себе представить, например, что он, самостоятельно копируя цифры, располагает их не по порядку, не соблюдая правила: иногда записывает одну цифру, иногда же на ее место ставит другую. И тогда взаимопонимание в данном пункте нарушается. Или же он делает ошибки в последовательности записи цифр. Понятно, что этот случай отличает от предыдущего частотность [неверных записей]. Обучаемый может допускать систематическую ошибку, всегда записывая, например, лишь каждое второе

число, или копировать ряд 0, 1, 2, 3, 4, 5,... так: 1, 0, 3, 2, 5, 4,... В этом случае мы почти наверняка склонны будем сказать, что он неверно нас понял.

Но заметь: не существует резкой границы между нерегулярной и систематической ошибками, то есть между тем, что ты склонен называть "беспорядочной", а что "систематической ошибкой".

Ученика, пожалуй, можно отучить от систематической ошибки (как от дурной привычки). Или же можно что-то одобрить в его способе записи и попытаться научить его нормальному, как определенной разновидности, варианту его собственного. И в этом случае обучаемость нашего ученика может иметь предел.

144. Что я имею в виду, говоря "здесь может наступить предел обучаемости ученика"? Говорю ли я это на основании моего собственного опыта? Конечно, нет. (Даже если у меня и был такой опыт.) Тогда чего же я добиваюсь этим предложением? Ну допустим, что ты сказал: "Да, верно, это можно себе представить, это может случиться!" Но стремился ли я привлечь его внимание к тому, что он в состоянии себе это представить? Я хотел вызвать в его воображении определенную картину, признание же им этой картины заключается в его готовности рассматривать данный случай иначе: а именно в его сопоставлении с этим рядом картин. Я изменил его способ созерцания. (Индийский математик: "Посмотри на это!")

145. Теперь ученик записывает ряд цифр от 0 до 9 так, как положено. А это бывает лишь в том случае, если правильная запись у него получается часто, а не один раз из ста проб. Ну, а я продолжаю развертывать ряд и обращаю его внимание на воспроизведение первого ряда в единицах, затем на его повторение в десятках. (Что означает лишь, что я использую определенные акценты, подчеркиваю цифры, таким-то образом записываю их друг над другом и т.п.) И вот с какого-то момента он самостоятельно продолжает этот ряд или же этого не происходит. Но зачем ты все это говоришь; ведь это самоочевидно! Ну разумеется. Я хотел сказать всего лишь: эффект каждого последующего объяснения зависит от реакции ученика.

Допустим же, что после некоторых усилий учителя учащийся продолжает ряд чисел правильно, то есть так, как это делаем мы. Стало быть, теперь мы могли бы сказать, что он овладел системой. Но как далеко ему следует продолжать этот ряд, чтобы мы могли это утверждать с полным правом? Очевидно, здесь нельзя указать никаких пределов.

146. Ну, а если я спрошу: "Понял ли он систему, если ему удастся продолжить ряд до сотого члена?" Или (если в нашей элементарной языковой игре не обязательно говорить о "понимании") спрошу иначе: "Усвоил ли он эту систему, если он верно доводит запись до этого места?" На это ты, вероятно, ответишь: усвоение (или же понимание) системы не может состоять в том, чтобы продолжить ряд до того или иного числа; это лишь применение понимания. Само же это понимание некое состояние, из которого вытекает правильное применение.

А о чем же здесь, собственно, думают? Разве не о выведении некоторого ряда из его алгебраической формулы? Или же о чем-то подобном? Но тут мы возвращаемся к уже сказанному. Ведь мы в состоянии думать более чем об одном применении алгебраической формулы; и каждый тип применения может быть в свою очередь выражен алгебраически. Однако, само собой разумеется, это нас не продвигает далее. Применение все еще остается критерием понимания.

147. "Но как же это возможно? Когда я говорю, что понимаю закон

образования ряда, то ведь я утверждаю это не на основании накопленного мною к настоящему моменту опыта именно такого применения определенного алгебраического выражения! Во всяком случае, о самом-то себе я знаю, что имею в виду такой-то ряд, безотносительно к тому, как далеко продвинулся я в его фактическом построении".

Итак, тобою владеет мысль, что ты знаешь применение закона построения ряда совершенно независимо от каких бы то ни было воспоминаний о его фактическом применении к определенным числам. И ты, пожалуй, скажешь: "Само собой разумеется! Ибо ряд бесконечен, а отрезок ряда, который я мог бы построить, конечен".

148. Но в чем состоит это знание? Позволь спросить: когда ты знаешь это применение? Всегда? Днем и ночью? Или же только тогда, когда действительно думаешь о законе ряда? То есть знаешь ли ты его так же, как знаешь алфавит и таблицу умножения? Или ты называешь "знанием" некое состояние сознания либо процесс скажем, размышление о чем-то (*An "etwas" denken*) или нечто подобное?

149. Когда говорят, что знание алфавита душевное состояние, то думают при этом о состоянии нашего ментального аппарата (скажем, мозга), посредством которого мы объясняем определенные проявления этого знания. Такого рода состояние называется диспозицией [предрасположением]. Но в данном случае не вполне корректно говорить о душевном состоянии, поскольку для этого мы должны располагать двумя критериями такого состояния. А именно: знанием устройства мыслительного аппарата, не говоря уже о его действии. (Ничто не могло бы здесь сбить с толку больше, чем употребление слов "сознательное" и "бессознательное" для противопоставления состояния сознания и диспозиции. Ибо эти два слова затушевывают некое грамматическое различие.)

150. Грамматика слова "знать" явно родственна грамматике слов "мочь", "быть в состоянии", но она родственна и грамматике слова "понимать". ("Владеть" техникой.)

151. Однако имеется и такое употребление слова "знать": мы говорим "Теперь я знаю это!" и равным образом "Теперь я могу это!" и "Теперь я понимаю это!".

Представим себе следующий пример: А записывает ряд чисел; В смотрит на это и пытается найти в этой последовательности чисел некий закон. Если это ему удастся, он восклицает: "Теперь я могу продолжить!" Стало быть, эта способность, это понимание является чем-то таким, что наступает в некий момент. Итак, приглядимся к тому, что же это такое, что здесь наступило? А записывал числа 1, 5, 11, 19, 29. И тут В сказал: теперь он знает, что будет дальше. Что же здесь произошло? Тут могли произойти самые разные вещи. Например, когда А медленно записывал число за числом, В применял различные алгебраические формулы к написанным числам. Когда А записал число 19, В испытал формулу $an = n^2 + n - 1$; и следующее число подтвердило его предположение.

Или же В не думает о формулах. Он напряженно следит за тем, как А выписывает числа; самые разные смутные мысли при этом блуждают в его голове. Наконец он спрашивает себя: чем будет последовательность разностей этих же чисел? Он находит, что она такова: 4, 6, 8, 10, и говорит: теперь я могу продолжить этот ряд.

Или же он вглядывается и говорит: "Да, я знаю этот ряд" и продолжает его, так же как он делал бы это и в том случае, если бы А записал ряд 1, 3, 5, 7, 9. Или же он вообще не говорит ничего и просто продолжает записывать ряд. Повидимому, при этом он испытывает чувство, которое можно охарактеризовать

так: "О, это легко!" (Чувство, напоминающее внезапный вздох облегчения, наступающий после утихшего испуга.)

152. Но являются ли эти описанные мною процессы пониманием?

"В понимает принцип образования ряда" все же не означает буквально: "В пришла в голову формула $an = \dots$ ". Ибо вполне можно себе представить, что ему пришла бы в голову эта формула, а понимания все-таки не было бы. Выражение "он понимает" должно включать в себя нечто большее, чем то, что ему пришла в голову соответствующая формула. Так же как и нечто большее, чем любое более или менее характерное сопровождение или проявление понимания.

153. Мы пытаемся тут проникнуть в умственный процесс понимания, который как бы скрыт за этими более грубыми и потому легко бросающимися в глаза его сопровождениями. Но это нам не удается. Или, выражаясь точнее, до реального изыскания дело вовсе не доходит. Ибо если даже удалось бы выявить, что имеет место во всех тех случаях понимания, то все же почему обязательно это составляло бы искомое понимание? Да и как процесс понимания мог бы носить скрытый характер при том, что я ведь заявил "Теперь понимаю", потому что понял?! Если же я утверждаю, что этот процесс скрыт, то как мне узнать, что следует искать? Я в замешательстве.

154. Но погоди! Если слова "я теперь понимаю принцип" говорят не о том же самом, что и слова "мне пришла в голову формула..." (или же "я произношу формулу", "я записываю формулу" и т.д.), то вытекает ли из этого, что я употребляю предложение "я теперь понимаю..." или "теперь я могу продолжить" как описание некоего процесса, следующего за произнесением формулы или сопровождающего его?

Если что-то и должно стоять "за произнесением формулы", так это определенные обстоятельства, позволяющие мне сказать, что я могу продолжить начатое действие, ухватив формулу.

Не думай вовсе о понимании как об "умственном процессе"! Ибо это лишь оборот речи, который тебя сбивает с толку. А спроси себя, в каком случае, при каких обстоятельствах мы говорим: "Теперь я знаю, как продолжить", когда мне пришла в голову формула.

В том смысле, в каком существуют характерные для понимания процессы (включая душевные процессы), понимание не есть душевный процесс.

(Душевные процессы: ослабевающие или усиливающиеся болевые ощущения, слуховое восприятие мелодии, предложения и др.)

155. Итак, я хочу сказать: когда он вдруг сообразил, как продолжить ряд, понял принцип, то, может быть, при этом он и испытал какое-то особое переживание которое он, пожалуй, описал бы, спроси мы его: "Как это было, что произошло, когда ты вдруг постиг принцип?" подобно тому как мы попытались сделать это выше. Для нас же его слова о понимании, о том, что он знает, как продолжить ряд, оправдываются обстоятельствами, при которых он испытал это переживание.

156. Это станет яснее, если мы включим в сферу нашего рассмотрения другое слово, а именно слово "читать". Прежде всего нужно заметить, что я в данном случае не отношу к "чтению" понимание смысла читаемого. Чтение здесь выступает как деятельность озвучивания написанного или напечатанного; а также письма под диктовку, переписывания напечатанного, игры по нотам и т.п.

Конечно, нам хорошо знакомо употребление этого слова в обычных жизненных ситуациях. Роль же, которую оно играет в жизни, а тем самым ту языковую игру, в которой мы его используем, нелегко представить даже в самых общих

чертах. Человек, скажем немец, прошел в школе или дома обычный курс обучения. В процессе учебы он освоил навык чтения на своем родном языке. Впоследствии он читает книги, письма, газеты и т.д.

Что же происходит, когда он, например, читает газеты? Его глаза как мы говорим прослеживают напечатанные слова, он произносит их вслух или же выговаривает про себя. Причем определенные слова он прочитывает, схватывая их печатные формы в целом, в других ему достаточно узреть первый слог, некоторые читаются по слогам, а отдельные слова, может быть, и по буквам. Мы бы сказали, что он прочел предложение и в том случае, если бы по ходу чтения он не произносил его ни вслух, ни про себя, но после был бы в состоянии воспроизвести это предложение дословно или близко к тексту. Он может вникать в то, что читает, или же действовать, скажем, просто как читающая машина, то есть читать громко и правильно, не вникая в читаемое. Может быть, при этом его внимание будет направлено на что-то совсем другое (так что, спроси его кто-нибудь сразу же, он не сможет сказать, о чем читал).

Сравним теперь с этим читателем какого-нибудь новичка, только усваивающего навык чтения. Он читает слова, с трудом складывая их по буквам. Однако некоторые слова он угадывает по контексту; или же, может быть, уже частично знает отрывок наизусть. Учитель говорит ему тогда, что он на самом деле не читает слов (а в определенных случаях что он лишь притворяется читающим).

Если, имея в виду чтение такого рода, чтение начинающего, задаться вопросом, в чем состоит чтение, то мы будем склонны сказать: это особая сознательная умственная деятельность.

Мы также говорим об ученике: "Конечно, только он знает, действительно ли он читает или просто говорит слова наизусть". (Об этом предложении -только он знает..." нужно будет еще высказаться.)

Но я хочу сказать: приходится признать, что при произнесении какого-либо из напечатанных слов в сознании ученика, "притворяющегося", будто он читает слово, может происходить то же самое, что и в сознании опытного читателя, который его "читает". Говоря о новичке и об опытном читателе, мы по-разному применяем слово "читать". Конечно, так и хочется сказать: не может быть, чтобы в сознании опытного читателя и новичка, когда они произносят данное слово, происходило одно и то же. И если нет различия в том, что они сознают, то должно быть различие в бессознательной работе их умов, а то и мозга. Итак, нас тянет сказать, что тут во всяком случае имеется два различных механизма! И их действие должно отличать чтение от нечтения. Но ведь эти механизмы всего лишь гипотезы, модели для объяснения, обобщения того, что ты наблюдаешь.

157. Обдумай следующий случай: люди или иные существа используются нами в качестве читающих машин. Они обучены для этого. По словам тренера, одни из них уже могут читать, другие же еще нет. Представим себе еще не вышколенного ученика: если ему показывают написанное слово, он при этом иногда издаст какие-то звуки, и время от времени звучание "случайно" оказывается более или менее верным. Наблюдающий эту сцену слушает этого ученика и говорит: "Он читает". Но учитель отвечает: "Нет, он не читает; это чистая случайность". А представим себе, что далее этот ученик продолжает правильно реагировать на предлагаемые ему слова. Спустя какое-то время учитель говорит: "Теперь он может читать!" Ну, а как было дело с тем первым словом? Должен ли теперь учитель сказать: "Я ошибся, он все-таки прочел его" или же: "Он только позднее действительно начал читать"? Когда же он начал

читать? Какое первое слово он прочел? Этот вопрос здесь не имеет смысла. Он обретает смысл разве что при таком (или подобном ему) определении: "Первое слово, которое некто "читает" это первое слово первой группы из 50 слов, которые он читает правильно".

Если же мы не прочь применять слово "чтение" для обозначения особого переживания перехода от письменного знака к произнесенному звуку, то, конечно, имеет смысл говорить о первом слове, которое он прочел. При этом человек может, например, сказать: "На этом слове я впервые почувствовал: "Теперь я читаю"".

Но и в случае, отличном от вышеприведенного, в случае читающей машины, переводящей знаки в звуки наподобие пианолы, можно было бы сказать: -только после того, как в машине произошло то-то такие-то части соединились проводами, машина начала читать, и первыми знаками, прочтенными ею были..."

В случае же живой читающей машины слово "читать" означает: таким-то образом реагировать на письменные знаки. Это понятие, следовательно, совершенно независимо от понятия мыслительных и иных механизмов. И учитель не может здесь сказать об ученике: "Возможно, он и прочел то слово". Ибо здесь нет никакого сомнения относительно того, что было сделано. Изменение, происшедшее, когда обучаемый стал читать, было изменением его поведения; и говорить о "первом слове, прочитанном им в его новом состоянии" здесь не имеет смысла.

158. А может быть, дело в том, что мы просто очень мало знаем о процессах, происходящих в головном мозгу и нервной системе? Знай мы их более основательно, мы бы поняли, какие связи были выработаны обучением, и смогли бы тогда, заглянув в мозг учащегося, сказать: "Сейчас он прочел это слово, теперь пошло связное чтение". И предполагается, что дело должно обстоять таким образом, иначе как могли бы мы быть столь уверены в существовании такой связи? Но априорно или же только вероятно предположение, что это так? И насколько вероятно? Спроси"ка себя, что ты знаешь об этих вещах? Если же оно априорно, то значит, это очень убедительный для нас вид представления (Darstellungsform).

159. Но если вдуматься в это, испытываешь искушение сказать: единственным реальным критерием того, что кто-то читает, является сознательный акт чтения, акт считывания звуков по буквам. "Человек ведь знает, читает ли он или лишь притворяется, что читает!" Предположим, А хочет заставить В поверить в то, что он умеет читать кириллицу. Он выучил наизусть какое-то русское предложение и затем проговаривает его, глядя на напечатанные слова, как будто читая их. Здесь мы определенно скажем: А знает, что он не читает, и внутренне чувствует именно это, притворяясь читающим. Ибо, конечно, существует уйма более или менее характерных переживаний, возникающих при чтении напечатанного предложения; их нетрудно припомнить: подумай о переживаниях, связанных с неуверенностью, более пристальным разглядыванием знаков, ошибочным прочтением, более или менее беглым чтением и т.д. Существуют также характерные переживания воспроизведения чего-то, выученного наизусть. В нашем примере А не будет переживать ничего такого, что характерно для чтения, а, по-видимому, испытает целый ряд переживаний, присущих обману.

160. А представь себе такой случай. Человеку, умеющему свободно читать, мы даем для чтения никогда не встречавшийся ему до этого текст. Он читает его нам но с таким чувством, словно произносит что-то заученное наизусть (это

могло бы происходить под воздействием какого-то препарата). Сказали бы мы в этом случае, что на самом деле он не читает текст? То есть сочли бы мы его переживания критерием того, что он читает или не читает текст?

Или еще один случай. Человеку, находящемуся под действием какого-то лекарства, предлагается набор письменных знаков, которые не обязательно принадлежат какому бы то ни было из существующих алфавитов. И вот он, сочетая несколько таких знаков, произносит слово, как если бы знаки были буквами, притом произносит их со всеми внешними признаками и ощущениями, сопровождающими чтение. (Подобное нам случается испытать во сне. Проснувшись, человек в таком случае может, например, сказать: "Мне представилось, будто я читал какие-то знаки, хотя они вовсе и не были знаками".) В этом случае некоторые будут склонны утверждать, что человек читал эти знаки, другие же будут это отрицать. Предположим, что таким образом человек прочел (или же истолковал) группу из четырех знаков как О Б Е Н. Теперь мы показываем ему эти четыре знака в обратной последовательности, и он читает Н Е Б О. И во всех последующих текстах он всегда сохраняет одну и ту же интерпретацию знаков: тогда мы, конечно, были бы склонны сказать, что он разработал для себя алфавит и читает в соответствии с ним.

161. Ну, а вспомни также, что имеется непрерывный ряд переходов между случаями, когда человек произносит наизусть то, что он должен был прочесть, и случаями, когда он читает каждое слово по буквам, не опираясь ни на догадки с помощью контекста, ни на заученный текст.

Проведи следующий эксперимент: назови ряд чисел от 1 до 12. Затем посмотри на циферблат своих часов и прочти этот же ряд. Что ты назвал в этом случае "чтением"? То есть что ты сделал такого, чтобы это стало "чтением"?

162. Попытаемся дать такое определение: некто читает, если он осуществляет воспроизведение оригинала. А "оригиналом" я называю текст, который читают или переписывают; диктант, который пишут, партитуру, по которой играют, и т.д. Ну, например, если мы обучили кого-нибудь кириллице и тому, как произносится каждая буква, а затем даем ему отрывок для чтения и он читает его, произнося каждую букву так, как мы его обучили, то мы, скорей всего, скажем, что он извлекает звучание слова из его письменного изображения по правилам, которые мы ему дали. Притом это чистый случай чтения. (Можно было бы сказать, что мы научили его "правилу алфавита".)

Но почему мы говорим, что он воспроизводит произносимое слово из напечатанного? Знаем ли мы нечто большее, чем то, что мы его научили, как произносить каждую букву, и что он после этого стал вслух читать слова? На этот вопрос мы, пожалуй, ответили бы так: ученик показывает, что он совершает переход от напечатанного к произносимому по правилам, которыми мы его вооружили. Как это можно показать, проясняется, если видоизменить наш пример: ученик получает задание не прочесть текст, а переписать его, перевести печатный текст в рукописный. В этом случае мы смогли бы задать ему правило в виде некой таблицы. В одной колонке этой таблицы стояли бы печатные буквы, в другой рукописные. А то, что письмо ученик здесь воссоздает на основе напечатанного, видно из его обращения с таблицей.

163. Ну, а если, переписывая, он всегда передавал бы букву А через b, В через c, С через d и т.д. и Z через a? Ведь и этот случай мы назвали бы воспроизведением (Ableiten) по таблице. Можно было бы сказать, что он здесь пользуется вместо первой схемы "8б второй схемой.

И этот случай все еще был бы воспроизведением по таблице, пусть и не с прямой, а со смещенной схемой "правилом.

А представим, что он не придерживается какого-то единого способа транскрибирования, а меняет его по следующему простому правилу. Записав однажды А как п, он следующее А запишет как о, следующее как р и т.д. Так где же граница между этой процедурой и случайной?

Разве же это не означает, что слово "воспроизводить" тут, по сути, теряет значение, ибо оказывается, что при его разъяснении оно расплзается в ничто.

164. В случае (162) значение слова "воспроизводить" было понятно для нас. Но мы тогда сказали себе, что это всего лишь совершенно особый случай воспроизведения, его весьма необычное облачение; необходимо это облачение снять, если мы хотим познать сущность воспроизведения. И вот мы сняли с него этот особый покров, но при этом исчезло само воспроизведение. Для того чтобы добраться до настоящего артишока, мы ободрали с него все листья. Ибо пример (162), безусловно, был особым случаем воспроизведения, но сущность воспроизведения не скрывалась за внешними проявлениями данного случая, а само это "внешнее" принадлежало к семейству случаев воспроизведения.

И слово "читать" мы также употребляем применительно к семейству случаев. А при различных обстоятельствах употребляем различные критерии того, что некто читает.

165. Но все-таки чтение так и хочется сказать совершенно особый процесс! Прочти страницу печатного текста, и ты сможешь в этом убедиться; здесь происходит что-то особенное, что-то весьма характерное. Так что же происходит, когда я читаю? Я вижу напечатанные слова и произношу слова. Но это, естественно, не все, ибо я мог бы видеть напечатанные слова и произносить слова, однако это все же не было бы чтением. Как не было бы и в том случае, если бы я произносил именно те слова, которые по правилам принятого алфавита полагается считать с данного печатного текста. Если же ты говоришь, что чтение определенное переживание, то совершенно неважно, соблюдаешь ли ты при этом общепринятые правила алфавита или нет. В чем же состоит тогда характерное переживание при чтении? Напрашивается ответ: "Произносимые мною слова явлены мне особым образом". То есть они приходят не так, как это было бы, если бы я придумывал их. Они следуют сами собой. Но и этого недостаточно; ведь при виде напечатанного слова мне может представляться его звучание, но это еще не значит, что я прочел его. К этому я мог бы еще добавить, что звучания слов возникают в моем сознании не так, как если бы мне что-то напоминало о них. Я бы не сказал, например, что печатное слово "ничто" всегда напоминает мне о звучании "ничто". Происходит иное: при чтении звучание слов как бы прокрадывается в мое сознание. В самом деле, стоит мне увидеть немецкое печатное слово, как возникает особый процесс: я внутренне слышу его звучание.

166. Я бы сказал, что при чтении произносимые слова возникают в сознании "особым образом"._

Но каким образом? Не плод ли это нашего воображения? Приглядимся к отдельным буквам и обратим внимание на то, каким образом на ум приходит звучание этой буквы. Прочитай букву А. Как же пришел звук? Мы не в состоянии что-либо сказать об этом. Ну, а напиши строчное латинское а! Как пришло к тебе движение руки при письме? Иначе, чем звук в первом опыте? Глядя на печатную букву, я изобразил письменную букву. Вот и все, что я знаю. Ну, а взгляни на

знак \$\$\$, и пусть при этом тебе придет в голову какой-нибудь звук; произнеси его. Мне пришел на ум звук "Y", но я бы не сказал, что в способе появления этого звука было какое-то существенное отличие. Отличие заключалось в несколько иной ситуации. Я заранее сказал себе: пусть в моем сознании возникает некий звук. Прежде чем этот звук пришел, я испытал определенное напряжение. Причем при произнесении звука "Y" у меня не было того автоматизма, как при взгляде на букву Y. Этот знак не был мне знаком, как знакомы буквы. Я разглядывал его как бы с напряжением, с определенным интересом к его форме. Я думал при этом о перевернутой сигме. Ну, а представь себе, что тебе нужно пользоваться этим знаком регулярно, как буквой. И вот ты привыкаешь при виде его произносить определенный звук, например звук "и". Надо ли говорить, что по истечении некоторого времени этот звук будет автоматически возникать в твоём сознании при виде этого знака? То есть я перестану, увидев его, спрашивать себя "Что это за буква?"; не буду, конечно, и мысленно говорить "Этот знак побуждает меня произнести звук "и"; или: "Этот знак чем-то напоминает мне звук "и".

(Сравни с этим представлением о том, что образы памяти отличаются от других мысленных образов какими-то особыми чертами.)

167. Ну, а как быть с предложением, гласящим, что чтение "вполне определенный процесс"? Вероятно, это должно означать, что при чтении имеет место один определенный, узнаваемый нами процесс. Но если я первый раз читаю предложение в печатном тексте, а второй раз записанным азбукой Морзе, то действительно ли при этом выявляется один и тот же умственный процесс? С другой стороны, безусловно, существует единообразие в опыте чтения печатной страницы. Ибо этот процесс действительно единообразен. И его так легко отличить, например, от такого, в котором слова при взгляде на них представляются какими-то произвольными штрихами. Ведь уже сам по себе вид печатной строки столь характерен, то есть имеет совершенно особый облик: все буквы в ней приблизительно одной высоты и сходны по форме; они постоянно повторяются. То и дело повторяются и слова, и они нам довольно известны, как лица хорошо знакомых людей. Вспомни о неудобствах, испытываемых нами, когда меняется правописание слов (или о еще более сильных переживаниях, когда встает вопрос о способе записи слов). Безусловно, не всякая знаковая форма глубоко запечатлена в нас. Знаки, например, в алгебре логики могут быть заменены любыми другими, и мы не станем глубоко переживать это.

Задумайся над тем, что зрительный образ слова столь же привычен для нас, как и слуховой.

168. Печатную строку взгляд и пробегает иначе, чем ряд произвольных крючков и завитушек. (Но я говорю здесь не о том, что можно установить наблюдением за движением глаз читающего.) Взгляд, можно сказать, пробегает строку без особого сопротивления, нигде не застревая и вместе с тем не соскальзывая с нее. При этом происходит и непроизвольное внутреннее проговаривание. Это наблюдается при чтении по-немецки или на другом языке печатных или рукописных текстов независимо от формы шрифта. Но что из всего этого существенно для чтения как такового? Нет ни одной черты, которая была бы общей всем видам чтения! (Сравни с процессом чтения обычного печатного текста чтение слов, напечатанных одними заглавными буквами, как иногда даются ответы на загадки. Как отличается этот процесс! Или же чтение нашего письма справа налево.)

169. А разве в процессе чтения мы не испытываем какого-то воздействия графических образов слов на то, как мы их проговариваем? Прочти какое-

нибудь предложение! А затем посмотри этот ряд:

*&8"i "i? □ "% 8!""**

и произнеси при этом какое-то предложение. Разве не чувствуется, что в первом случае высказывание было связано с видом знаков, во втором же оно проходило вне такой связи, параллельно видению знаков?

Но почему ты говоришь, что мы испытываем некое причинное воздействие? Причинность это то, что устанавливается в эксперименте, скажем когда наблюдается регулярное совпадение процессов. Как же в таком случае можно заявлять, что чувствуешь то, что устанавливается опытом? (Правда, причинность устанавливается не только путем наблюдения регулярных совпадений.) Уж скорее, можно было бы сказать: я чувствую, что буквы служат основанием того, почему я читаю таким образом. Ведь если бы меня кто-то спросил: "Почему ты читаешь так?" то я бы оправдал это ссылкой на имеющиеся буквы.

Но что значит чувствовать это основание для высказанного или мыслимого? Я сказал бы: при чтении я чувствую какое-то влияние на меня букв но не влияние ряда завитушек произвольной формы на то, что я говорю. Сравним еще раз отдельную букву с такой загогулиной. Стал бы я говорить, что чувствую влияние "i", читая эту букву? Конечно, есть разница между тем, произношу ли я звук i, глядя на букву "i", или же произношу тот же звук, глядя на знак "i". Различие состоит, например, в том, что при виде буквы в моем внутреннем слухе автоматически, даже вопреки моей воле возникает ее звучание; при прочтении же этой буквы вслух она произносится с куда меньшим усилием, чем при взгляде на знак "i". То есть так обстоит дело, когда я провожу эксперимент, а, конечно, не тогда, когда, произнося какое-то слово, в котором имеется звук i, я случайно взгляну на знак "i".

170. Ведь нам никогда не пришло бы в голову думать о том, что мы чувствовали влияние букв на нас при чтении, если бы мы не сравнивали букв с произвольными штрихами. А здесь мы в самом деле замечаем некоторое различие. И мы интерпретируем это различие как присутствие влияния или же отсутствие такового.

Причем к этой интерпретации мы особенно склонны при намеренно медленном чтении скажем, с целью понять, что происходит, когда мы читаем. Когда мы, так сказать, совершенно сознательно позволяем буквам нас вести. Но это "позволять себя вести" состоит опять-таки только в том, что я пристально взглядываюсь в буквы возможно, стараясь исключить иного рода мысли.

Нам представляется, будто с помощью некоего чувства мы воспринимаем как бы связующий механизм между зрительным образом слова и звуком, который мы произносим. Ибо если я говорю о переживании влияния, о причинной связи, о том, что текст меня ведет, то все это должно означать, что я как бы ощущаю движение рычага, связывающего облик буквы с ее произнесением.

171. То переживание, которое возникает у меня при чтении слова, я мог бы передать словами на разные лады.

Так, я мог бы сказать, что написанное внушает мне звук. А мог бы выразиться и так: буква и звук при чтении образуют единство как бы сплав. (Подобным же образом сливаются, например, лица знаменитых людей и звучание их имен. Нам представляется, будто это имя единственно верно выражает это лицо.) Чувствуя это единство, можно сказать: я вижу или слышу звучание в написанном слове.

Ну, а теперь прочти несколько печатных предложений, как ты это обычно

делаешь, когда не думаешь о понятии чтения, и поинтересуйся, испытал ли ты при этом такое ощущение единства, влияния и т.д. Не говори, что ты испытал их неосознанно! И да не собьет нас с толку образное выражение: "при ближайшем рассмотрении" эти явления обнаруживаются! Если я должен описать, как предмет выглядит издали, то это описание не станет точнее, если я расскажу о том, что в нем можно заметить вблизи.

172. Задумаемся о том, что мы испытываем, когда приходится "быть ведомыми"! Спросим себя, что мы переживаем, когда, например, бывает задано направление нашего движения. Представь себе следующие случаи:

Ты находишься на игровом поле с завязанными глазами, и кто-то ведет тебя за руку то вправо, то влево; ты всегда должен быть готов воспринять направляющее движение его руки и быть внимательным, чтобы не споткнуться при неожиданном повороте.

Или же: кто-то с силой тянет тебя за руку, заставляя идти туда, куда ты не хочешь.

Или: в танце тебя ведет партнер; ты стараешься стать максимально восприимчивым, чтобы угадывать его намерения и тем самым избежать малейшего принуждения.

Или: кто-то взял тебя с собой на прогулку; вы беседуете, и ты идешь туда, куда идет он.

Или: ты идешь полевой дорогой, позволяя ей себя вести.

Все эти ситуации схожи одна с другой; но что общего во всех сопутствующих им переживаниях?

173. "Но быть ведомым это же и есть определенное переживание!" Ответ на это: ты думаешь сейчас об особом переживании "быть ведомым".

Желая воссоздать переживание человека, чьи действия при переписывании как в одном из ранее приведенных примеров, направлялись печатным текстом или же таблицей, я представляю себе "добросовестный" вид и т.д. При этом я придаю своему лицу особое выражение (скажем, добросовестного бухгалтера). В этом образе очень существенна, например, тщательность, в другом было бы важно полное исключение собственной воли. (Ну, а представь себе, что некий субъект с выражением внимания а почему бы и не с переживанием? выполняет то, что обычно люди делают, не выказывая признаков внимания. Но внимателен ли он? Представь себе, скажем, лакея, с показным усердием роняющего под ноги поднос со всем содержимым. Если я представляю себе какое-то особое переживание такого рода, то мне кажется, что существует и такое переживание, как "быть ведомым" (скажем, чтение). Но я тут же спрашиваю себя: что ты делаешь? Ты смотришь на каждый знак, твое лицо приобретает такое выражение, ты внимательно выписываешь буквы (и т.п.). Так это и есть переживание "быть ведомым"? Тут напрашивается ответ: "Нет, это не оно. То переживание нечто более внутреннее, более существенное". Кажется, будто сначала все эти, в общем-то, незначительные процессы были как бы окутаны особой аурой; я всмотрелся в них, и эта аура рассеялась.

174. Поинтересуйся, каким образом ты "обдуманно" чертишь линию, параллельную данной, а в другой раз, обдуманно, под углом к ней? В чем состоит переживание обдумывания? Здесь тебе сразу же приходят в голову особое выражение лица, поза и как бы тянет сказать: "Это и есть особое внутреннее переживание". (Но ведь этим ты ничего не добавил к сказанному раньше.)

(Здесь имеется взаимосвязь с проблемой природы намерения, волевого акта.)

175. Изобрази на бумаге произвольную загогулину. А теперь копируй ее, пусть

она тебя направляет. Я бы сказал: "Верно! Я здесь в роли ведомого. Но произошло ли при этом нечто характерное, специфическое? Стоит мне рассказать, что произошло, как оно уже не кажется мне характерным".

Ну, а теперь заметь вот что. Пока я являюсь ведомым, все очень просто, я не замечаю ничего особенного. Но после, когда я спрашиваю себя, что же произошло, оно мне представляется чем-то не поддающимся описанию. После этого я не удовлетворяюсь никаким описанием. Мне словно не верится, что я просто смотрел, с таким вот выражением лица проводил линию. Но тогда, может быть, я вспоминаю о чем-то другом? Нет. И все же мне кажется, что должно было быть и еще что-то; особенно я чувствую это тогда, когда плюс ко всему подсказываю себе такие слова, как вести, влияние и т.п. "Но я же был ведом", говорю я себе. Тут-то и возникает представление о некоем эфемерном, неуловимом влиянии.

176. Когда я ретроспективно думаю об этом переживании, у меня возникает такое чувство, что для него существенно "переживание некоего влияния", связи явлений в противоположность их простой одновременности. Но при всем том мне бы не хотелось любое проявление внутреннего опыта называть "переживанием влияния". (Здесь корни идеи: воля не есть явление.) Так и хочется сказать: я испытывал "потому что"; и все-таки не в состоянии назвать ни одного проявления этого "потому что" "переживания".

177. Я бы сказал: "Я переживаю "потому что" (*das Weil*)". Но не потому, что помню об этом переживании, а потому, что, думая ретроспективно о пережитом в том случае, я смотрю на это опосредованно, через понятие "потому что" (или "влияние", или "причина", или "связь"). Ведь правильно же утверждение, что я прочертил эту линию под влиянием образца: но это заключается не просто в том, что я испытывал, чертя линию, а в обстоятельствах, в том, например, что я чертил ее параллельно другой. Хотя и это, в общем-то, несущественно для такого переживания, как "быть ведомым".

178. Мы говорим также: "Ты же видишь, что это направляет меня", а что видит тот, кто это видит?

Говоря самому себе: "Но ведь я управляю я могу жестом руки выразить это "управление" (*das Führen*)". Сделай подобный жест рукой, как если бы ты вел кого-нибудь, и полюбопытайся, в чем состоит направляющий характер этого движения. Ведь ты при этом никого не вел. И, несмотря на это, тебе хочется назвать это движение "направляющим". Следовательно, ни в этом движении, ни в этом переживании не заключалась сущность "управления", и тем не менее что-то побуждает тебя использовать данное обозначение. И тем, что навязывает нам это выражение, служит именно впечатление от единой формы проявления управления.

179. Вернемся к нашему случаю (151). Ясно, что мы не могли бы сказать, что В был вправе произнести слова "Теперь я знаю, как продолжить", поскольку ему в голову пришла формула ряда чисел, если бы не была установлена эмпирическая связь между возникновением в его сознании формулы (ее проговариванием, записью) и действительным продолжением ряда. А такая связь явно существует. Так что можно было бы считать, что предложение "Я могу продолжить ряд" равнозначно предложению "Я испытываю переживание, которое, в соответствии с опытом, ведет меня к продолжению ряда". Но это ли имеет в виду В, говоря, что может продолжить ряд? Возникает ли у него в сознании это предложение или же он готов произнести его для объяснения того, что он имеет в виду?

Вовсе нет. Слова "Теперь я знаю, как продолжить" были правильно

употреблены, когда В пришла в голову формула ряда; то есть при определенных обстоятельствах. Например, если он изучал алгебру, то ранее уже пользовался такими формулами. Но это не значит, что приведенное высказывание всего лишь сокращение для описания совокупности обстоятельств, образующих сценическую площадку нашей языковой игры. Подумай о том, как мы учимся применять выражения "Теперь я знаю, как продолжить", "Теперь я знаю, что следует делать" и т.д.; в каком семействе языковых игр мы овладеваем их употреблением.

Мы можем также представить себе случай, когда в сознании В вообще ничего другого не происходит, кроме того, что он внезапно говорит "Теперь я знаю, как продолжить" возможно, с чувством облегчения; и что он при этом действительно продолжает ряд, не пользуясь формулой. Мы бы и в этом случае при определенных обстоятельствах сказали, что он понял, как продолжить ряд.

180. Вот как употребляются эти слова. В последнем случае, например, назвать слова В "описанием душевного состояния" было бы совершенно ошибочно. Скорее уж, их можно было бы назвать "сигналом", а правильно ли он употреблен, мы судили бы по тому, что В делает дальше.

181. Чтобы это понять, мы должны рассмотреть также следующую ситуацию: предположим, В говорит, что он знает, как продолжить ряд, но, пытаясь продолжить, колеблется и не в состоянии сделать это. Должны ли мы в таком случае сказать: он был не прав, говоря, что может продолжать ряд, или же: тогда он мог это сделать, а сейчас нет? Ясно, что в различных ситуациях мы говорим разные вещи. (Рассмотрим оба вида случаев.)

182. Грамматика слов "подходить", "мочь" и "понимать". Задания: 1) Когда говорят, что цилиндр Z подходит к пустотелому цилиндру H? Только ли тогда, когда Z входит в H? 2) Иногда говорят, что Z в такое-то и такое время перестал подходить к H. Какими критериями пользуются в таком случае для определения того, что в такое время это случилось? 3) Что мы будем считать критерием того, что тело изменило свой вес за определенное время, если оно тогда не лежало на весах? 4) Вчера я знал стихотворение наизусть; сегодня я его уже не знаю. В каких случаях вопрос "Когда я перестал его знать наизусть?" имеет смысл? 5) Кто-то спрашивает меня: "Можешь ли ты поднять эту тяжесть?" Я отвечаю "Да". А когда он говорит мне "Подними!" я не могу этого сделать. При каких обстоятельствах мое оправдание: "Отвечая "Да", я мог это сделать, а вот сейчас не могу" могло бы быть сочтено достаточным?

Критерии правильности применения слов "подходить", "мочь", "понимать" значительно сложнее, чем может показаться на первый взгляд. То есть игра с этими словами, их употребление в языковом общении, осуществляемом с их помощью, были запутанны роль этих слов в нашем языке иная, чем мы склонны полагать.

(Чтобы разрешить философские парадоксы, мы должны понять именно эту роль. Дефиниции же для этого, как правило, недостаточно; утверждения же, что слово вообще "неопределимо", тем паче.)

183. Ну, а что означает предложение "Теперь я могу продолжить" (151) то же ли самое, что и предложение "Теперь мне в голову пришла формула", или же что-то другое? Можно сказать, что при таких обстоятельствах одно предложение имеет тот же смысл (делает то же самое), что и другое. Однако следовало бы добавить, что вообще эти два предложения имеют неодинаковый смысл. Мы же говорим: "Теперь я могу продолжить, думаю, что я знаю формулу";

так же как говорим: "Я могу пройтись, то есть у меня есть время"; или же: "Я могу прогуляться, то есть я уже достаточно окреп"; или же: "Что касается моей ноги, то я в состоянии прогуляться". Мы говорим так, противопоставляя это условие моей прогулки другим условиям. Но здесь следует остерегаться представления, будто существует некоторая совокупность условий, соответствующих природе каждого случая (например, прогулки человека), то есть такая совокупность условий, что, будь все они выполнены, ему как бы не останется другого выбора, кроме как пойти гулять.

184. Я хочу вспомнить мелодию, а она ускользает от меня; вдруг я говорю: "Теперь я знаю ее!" и начинаю напевать. Как произошло, что я вдруг вспомнил ее? Конечно, она не могла прийти мне в голову в тот момент вся целиком! Ты, пожалуй, скажешь: "Это особое чувство, как если бы она сейчас звучала тут", но разве она звучит в действительности? А что, если я начал ее петь и не смог продолжить? Но разве я не мог в тот момент быть уверенным, что знаю ее? Следовательно, в каком-то смысле она все-таки была тут! Но в каком смысле? Ты бы сказал, что мелодия присутствует тут, когда кто-то в состоянии ее пропеть от начала до конца, или же она во всей полноте ее звучания воспринимается его внутренним слухом. Я ведь не отрицаю, что высказыванию о присутствии мелодии здесь можно придать и совершенно другой смысл например, истолковать это в том смысле, что я располагаю листком бумаги, на котором она записана. А в чем состоит тогда "уверенность" человека, что он ее знает? Конечно, можно сказать: если кто-нибудь говорит убежденно, что теперь он знает мелодию, то в этот момент она (каким-то образом) пребывает у него в душе а это объяснение слов: "Мелодия присутствует у него в душе во всей своей полноте".

185. Вернемся к нашему примеру (143). Ученик тут же овладел судя по обычным критериям рядом натуральных чисел. Теперь мы учим его записывать другие ряды количественных числительных и доводим наше обучение до того, что он, например, по заданию, имеющему форму " n ", записывает такого рода ряд:

0, n , $2n$, $3n$ и т.д.,

а по заданию " 1 " записывает натуральный ряд чисел. Предположим, что наши упражнения и контрольные работы проводятся в числовом интервале от 0 до 1000.

Теперь мы просим учащегося продолжить ряд за тысячу (скажем, по команде " 2 ") а он записывает: 1000, 1004, 1008, 1012.

Мы говорим ему: "Посмотри, что ты делаешь!" Он нас не понимает. Мы говорим: "Ты должен прибавлять "два": смотри, как ты начал ряд!" Он отвечает: "Да! А разве это неверно? Я думал, что нужно делать так". Или же представь себе, что он сказал, указывая на ряд: "Но ведь я действовал здесь точно так же". Было бы бесполезно говорить ему: "Разве ты не видишь...?" и повторять при этом старые пояснения и примеры. В таком случае мы могли бы сказать: этому человеку по природе свойственно понимать наше задание и наши пояснения так, как мы понимаем задание: "До 1000 всегда прибавляй 2, до 2000 4, до 3000 6 и т.д."

Этот случай сходен с тем, когда человек естественно реагирует на указующий жест руки, глядя не в направлении указательного пальца, а в обратном направлении от пальца к запястью руки.

186. -тогда то, что ты говоришь, сводится к следующему: для правильного выполнения задания " n " на каждом шагу требуется новый инсайт интуиция". Для правильного выполнения! А как же решить, какой шаг является правильным в определенный момент? "Правилен тот шаг, который соответствует заданию как

оно было задумано". Итак, давая задание "'2", ты имел в виду, что ученик должен после 1000 написать 1002, подразумевал ли ты также, что после 1866 он должен написать 1868, после 100034 100036 и т.д. то есть мыслил бесконечное число предложений? "Нет. Я имел в виду, что после каждого записанного числа нужно записывать не ближайшее к нему по порядку число натурального ряда, а следующее за этим. А отсюда, соответственно их месту, следуют все те [конкретные] предложения". Но вопрос как раз и заключается в том, что следует из такого предложения в той или иной позиции. Или же что в той или иной позиции следует называть "соответствием" этому предложению (и тому значению, каким ты его наделил, в чем бы это возможное значение ни состояло). Едва ли правильнее было бы сказать, что на каждом шагу требуется не интуиция, а новое решение.

187. "Но, давая задание, я уже знал, что после 1000 должно быть записано 1002!" Конечно, и ты даже можешь сказать, что тогда подразумевал это. Не надо лишь позволять, чтобы грамматика слов "знать" и "предполагать" вводила тебя в заблуждение. Ведь ты же не имеешь в виду, что думал тогда конкретно о переходе от 1000 к 1002, а если ты и думал об этом переходе, то ведь не думал о других. Твое "Я уже тогда знал..." означает приблизительно следующее: "Если бы у меня тогда спросили, какое число должно следовать за 1000, я бы ответил: 1002". И я не сомневаюсь в этом. Данное допущение примерно того же типа, что это: "Если бы он тогда упал в воду, я бы бросился за ним". Так в чем же ошибочно твое представление?

188. Тут я прежде всего сказал бы: тебе представилось, будто в самом акте осмысления задания уже были каким-то образом осуществлены все шаги: что твое сознание при этом осмыслении как бы унеслось вперед и проделало все переходы еще до того, как ты физически подошел к тому или другому из них.

То есть ты был склонен воспользоваться вот таким высказыванием, как: "Переходы по сути уже были выполнены еще до того, как я их совершил письменно, устно или мысленно". И казалось, будто они каким-то совершенно особым образом как бы предопределены, предвосхищены как способен предвосхищать действительность только акт осмысления (*das Meinen*).

189. "Но разве переходы от числа к числу не определяются алгебраической формулой?" В самом этом вопросе кроется ошибка.

Мы употребляем выражение: "Переходы определяются формулой..." Как оно используется? Например, можно говорить о том, что люди путем образования (тренировки) приобретают умение пользоваться формулой $y = x^2$ так, что, подставляя одинаковое число на место x , все они всегда получают при вычислении одно и то же число для y . Или же можно сказать: "Эти люди обучены таким образом, что по заданию "'3" в одинаковой позиции все они выполняют один и тот же переход. Это можно было бы выразить так: задание "'3" полностью определяет для этих людей любой переход от одного числа к другому, следующему за ним". (В отличие от других людей, которые, получив такое задание, не знают, что делать; или же тех, кто реагирует на него вполне уверенно, но каждый по-своему.)

С другой стороны, можно противопоставить друг другу различные типы формул и характерные для них различные типы использования (прикладного применения). При этом некоторого рода формулы (и способы их применения) мы называем "формулами, определяющими число y для данного x ", а формулы другого рода "формулами, не определяющими число y для данного x ". (Формула $y = x^2$ была бы тогда формулой первого рода, а $y \nmid x^2$ второго.) Предложение "Формула..."

определяет число y " является в таком случае высказыванием о типе формулы и тогда необходимо отличать, скажем, такое предложение: "Формула, которую я записал, определяет y " или же "Вот формула, которая определяет y " от предложений типа: "Формула $y = x^2$ определяет число y для данного x ". В таком случае вопрос "Определяется ли y данной формулой?" равнозначен вопросу "Принадлежит ли данная формула к формулам первого или второго типа?" Но неясно, что делать с вопросом "Является ли формула $y = x^2$ формулой, определяющей y для данного x ?". Ну, скажем, этот вопрос можно задать ученику, проверяя, понимает ли он употребление слова "определять". Или же он мог бы быть математическим заданием: доказать, что в некоторой системе x имеет только один квадрат.

190. И все же можно сказать: -то, как осмысливается формула, и определяет, какие переходы должны осуществляться". Каков же критерий того, что имеет в виду формула? Таким критерием служит, например, способ ее постоянного употребления, способ, каким нас обучили ею пользоваться.

Например, кому-то, использующему неизвестный нам знак, мы говорим: если под " $x!2$ " ты имеешь в виду x^2 , то y получит это значение, если же $2x$, y обретает то значение". Теперь спроси себя: как человек это делает подразумевая под $x!2$ одно или другое?

Так предполагаемое значение предопределяет переходы в ряду.

191. "Представляется, будто мы можем разом схватить всё употребление слова". Как что, например? Разве в определенном смысле его невозможно постичь разом? А в каком смысле ты этого не можешь? В том смысле, который как бы подразумевает возможность еще более непосредственного "моментального понимания". Но есть ли у тебя какой-нибудь образец этого? Нет. Свои услуги нам предлагает сам лишь этот способ выражения. Как определенный итог взаимопересечения картин.

192. У тебя нет модели для этого сверх"факта, но возникает искушение прибегнуть к сверх"выражению. (Его можно было бы назвать философским супер"выражением.)

193. Машина как символ ее способа действия. Машина это можно сказать о ней прежде всего кажется нам чем-то таким, что уже несет в себе свой образ действия. Что это значит? Если мы знаем машину, все остальное, то есть движение, которое она будет производить, кажется нам уже всецело определенным.

Мы говорим так, как если бы детали могли двигаться только таким образом и не могли бы делать ничего иного. Но так ли это? Неужели мы забыли о том, что они могут погнуться, сломаться, расплавиться и т.д.? Да, во многих случаях мы совсем не думаем об этом. Мы пользуемся машиной или ее чертежом как символом определенного образа действий. Так, мы даем кому-нибудь чертеж машины и предполагаем, что из него он выведет движение ее частей. (Так же как можно сообщить кому-нибудь число, сказав, что оно является двадцать пятым членом ряда 1, 4, 9, 16,...)

"Кажется, что машина уже заключает в себе свой образ действия". Эта фраза означает: мы склонны сравнивать будущие движения машины по их определенности с предметами, которые уже лежат в ящике, и теперь мы извлекаем их оттуда. Но мы не говорим так, когда речь идет о предсказании действительного поведения машины. Здесь, как правило, мы не забываем о возможности деформации деталей и т.п. Говорим же мы в таком роде, когда поражаемся тому, что машину можно использовать в качестве символа

определенного типа движения, хотя она может двигаться совершенно по-другому.

Можно сказать, что машина или ее картина дают начало целой серии картин, которые мы научились выводить из данной картины.

Но когда мы размышляем о том, что машина могла бы двигаться и иначе, то может показаться, что в машине как символу виды ее движений должны быть заложены с гораздо большей определенностью, чем в действительных машинах. Как будто для движений, о которых идет речь, недостаточно, чтобы их последовательность определялась, предсказывалась эмпирически. В некоем таинственном смысле эти движения действительно должны уже присутствовать. И конечно же, верно: движение машины "символа" предопределено иначе, чем движение любой реально существующей машины.

194. Когда же возникает мысль: возможные движения машины неким таинственным образом уже заключены в ней? Ну, когда человек философствует. Что же побуждает нас так думать? Тот способ, каким мы говорим о машинах. Мы говорим, например, что машина имеет (обладает) такие-то возможности движения; мы говорим об идеально стабильной машине, которая может двигаться только так. Что же это такое возможность движения? Это не движение. Но она не представляется нам и чисто физическим условием движения скажем, наличием некоторого зазора между шипом и гнездом, чтобы шип не слишком плотно входил в гнездо. Да, это эмпирическое условие движения, однако предметы можно представить себе и иначе. Возможность движения, скорее уж, должна быть как бы тенью самого движения. А известна ли тебе какая-нибудь тень подобного рода? Но, говоря о тени, я не имею в виду какую-то картину движения ведь такая картина вовсе не обязана была бы быть картиной именно данного движения. Возможность же этого движения должна быть возможностью именно этого движения. (Посмотри"ка, как бушует здесь море нашего языка!)

Волны утихают, стоит нам только спросить себя: как мы пользуемся словами "возможность движения", говоря о какой-то машине? Но откуда приходят тогда эти странные представления? Так ведь я же показываю тебе возможность движения, например, с помощью какой-нибудь картины движения: "Значит, возможность есть нечто, подобное действительности". Мы говорим: "Это еще не движется, но уже имеет возможность двигаться", "следовательно, возможность есть нечто такое, что очень близко действительности". Хотя можно сомневаться в том, делают ли такие-то физические условия возможным это движение, но мы никогда не дискутируем о том, является ли это возможностью этого или того движения: -таким образом, возможность движения находится в совершенно особом отношении к самому движению более тесном, чем отношение картины к изображаемому, ибо в случае с картиной можно сомневаться, является ли она изображением этого или того". Мы говорим: "Опыт покажет, дает ли это шипу возможность движения". Но не говорим: "Опыт покажет, является ли это возможностью этого движения". "Значит, то, что эта возможность возможность именно этого движения, не является фактом опыта".

В связи с этим сюжетом мы вдумываемся в наш собственный способ выражения, но не понимаем, неверно истолковываем его. Философствуя, мы уподобляемся дикарям, примитивным людям, которые слышат выражения цивилизованных людей, дают им неверное толкование и затем извлекают из своего толкования пространные выводы из своих толкований.

195. "Но я имею в виду не то, что происходящее со мною сейчас (в момент уяснения смысла) каузально и эмпирически определяет будущее употребление, а что некоторым странным образом само это употребление в каком-то смысле уже присутствует". Но ведь "в каком-то смысле" это так! По сути дела, в том, что ты говоришь, неверно лишь выражение "странным образом". Все остальное верно; странным же предложение кажется лишь тогда, когда его представляют себе в другой языковой игре, не в той, где оно фактически употребляется. (Кто-то рассказывал мне, что ребенком он ломал голову над тем, как это портной может сшить платье. Он думал, что это подразумевает, будто платье создается только шитьем, нитка пришивается к нитке.)

196. Непонятное употребление слова превратно истолковывается как выражение странного процесса. (Так, мы думаем о времени как о странной среде, а о душе как о странной сущности.)

197. "Представляется, будто мы можем разом схватить всё употребление слова". Да мы и говорим, что делаем это. То есть иногда описываем то, что делаем, именно этими словами. Однако в том, что происходит, нет ничего поразительного, ничего странного. Станным это становится в том случае, когда склоняет нас к мысли, что будущее развертывание уже каким-то образом должно присутствовать, а между тем не присутствует в акте понимания. Говорим же мы, несколько не сомневаясь, что понимаем это слово, а между тем его значение заключено в его употреблении. Несомненно, что я сейчас хочу играть в шахматы; но игра становится именно шахматной игрой благодаря всем ее правилам (и т.д.). Так что же, выходит, я не знаю, во что собираюсь играть, до тех пор пока не сыграю? Или же: неужели в моем акте намерения содержались все правила игры? Разве о том, что за этим интенциональным актом обычно следует такого рода игра, я узнаю лишь из опыта? Что же, выходит, можно быть неуверенным в том, что намереваешься делать? А если это нонсенс то какого рода сверхсильная связь существует между актом намерения и тем, что мы намерены делать? Где осуществляется связь между смыслом слов "Сыграем партию в шахматы!" и всеми правилами игры? Ну, в перечне правил игры, при обучении игре в шахматы, в ежедневной практике игры.

198. "Но как может какое-то правило подсказать мне, что нужно делать в данный момент игры? Ведь, что бы я ни делал, всегда можно с помощью той или иной интерпретации как-то согласовать это с таким правилом". Да речь должна идти не об этом, а вот о чем: все же любая интерпретация повисает в воздухе вместе с интерпретируемым; она не в состоянии служить ему опорой. Не интерпретации как таковые определяют значение.

"Выходит, что бы я ни сделал, все согласуемо с таким правилом?" Позволь поставить вопрос так: "Как возможно, чтобы определенное выражение правила скажем, дорожный знак влияло на мои действия? Какая связь имеет здесь место?" Да хотя бы такая: я приучен особым образом реагировать на этот знак и теперь реагирую на него именно так.

Но этим ты задал лишь причинную связь, лишь объяснение, как получилось, что наши движения теперь подчинены дорожным указателям. О том же, в чем, собственно, состоит это следование "указаниям" знака, ты ничего не сказал. Ну как же, я отметил еще и то, что движение человека регулируется дорожными указателями лишь постольку, поскольку существует регулярное их употребление, практика.

199. Является ли то, что мы называем "следованием правилу", чем-то таким, что мог бы совершить лишь один человек, и только раз в жизни? А это, конечно,

замечание о грамматике выражения "следовать правилу".

Невозможно, чтобы правилу следовал только один человек, и всего лишь однажды. Не может быть, чтобы лишь однажды делалось сообщение, давалось или понималось задание и т.д. Следовать правилу, делать сообщение, давать задание, играть партию в шахматы все это практики (применения, институты).

Понимать предложение значит понимать язык. Понимать язык значит владеть некой техникой.

200. Конечно, можно представить себе, что в некоем племени, незнакомом с играми, два человека сели бы за шахматную доску и начали делать ходы в какой-то шахматной игре; причем с соответствующими проявлениями. Увидев это, мы сказали бы, что они играют в шахматы. Ну, а представь себе шахматную партию, переведенную по определенным правилам в ряд действий, обычно не ассоциируемых с игрой, например, выкрики, топанье ногами. И допустим, эти двое, вместо того чтобы играть в обычные шахматы, кричат и топают ногами, причем так, что эти действия переводимы по соответствующим правилам в шахматную партию. Разве мы и в этом случае все еще склонны были бы говорить, что они играют в какую-то игру; и что давало бы нам право так говорить?

201. Наш парадокс был таким: ни один образ действий не мог бы определяться каким-то правилом, поскольку любой образ действий можно привести в соответствие с этим правилом. Ответом служило: если все можно привести в соответствие с данным правилом, то все может быть приведено и в противоречие с этим правилом. Поэтому тут не было бы ни соответствия, ни противоречия.

Мы здесь сталкиваемся с определенным непониманием, и это видно уже из того, что по ходу рассуждения выдвигались одна за другой разные интерпретации, словно любая из них удовлетворяла нас лишь на то время, пока в голову не приходила другая, сменявшая прежнюю. А это свидетельствует о том, что существует такое понимание правила, которое является не интерпретацией, а обнаруживается в том, что мы называем "следованием правилу" и "действием вопреки" правилу в реальных случаях его применения.

Вот почему мы склонны говорить: каждое действие по правилу интерпретация. Но "интерпретацией" следовало бы называть лишь замену одного выражения правила другим.

202. Стало быть, "следование правилу" некая практика. Полагать же, что следуешь правилу, не значит следовать правилу. Выходит, правилу нельзя следовать лишь "приватно"; иначе думать, что следуешь правилу, и следовать правилу было бы одним и тем же.

203. Язык это лабиринт путей. Ты подходишь с одной стороны и знаешь, где выход; подойдя же к тому самому месту с другой стороны, ты уже не знаешь выхода.

204. Так, при определенных обстоятельствах можно изобрести игру, в которую никто никогда не играл. А возможно ли такое: изобрести игру, в которую никто никогда не играл, при том, что человечество никогда не играло ни в какие игры?

205. "В связи с намерением как психическим процессом вызывает удивление именно то, что для него не является необходимым наличие практики, техники. Что можно представить себе ситуацию, когда в некоем мире, где в других случаях никто никогда не играл, скажем, два человека собирались бы разыграть шахматную партию, и что они уже вот "вот должны к ней приступить но тут их прерывают".

Но разве шахматная игра не определяется ее правилами? А каким образом эти правила присутствуют в сознании того, кто намеревается играть в шахматы?

206. Между следованием правилу и подчинением приказу существует аналогия. Мы обучены следовать приказу и реагируем на него соответствующим образом. Ну, а что, если один человек реагирует на приказ и обучение так, а другой иначе? Кто из них прав?

Представь, что в качестве исследователя ты приезжаешь в неизвестную страну, язык которой тебе совершенно незнаком. При каких обстоятельствах ты бы сказал, что люди там отдают приказы, понимают их, подчиняются им, противятся им и т.д.?

Совместное поведение людей вот та референтная система, с помощью которой мы интерпретируем незнакомый язык.

207. Представим себе, что люди в этой стране заняты обычной человеческой деятельностью и пользуются при этом, казалось бы, членораздельным языком. Присматриваясь к их поведению, мы находим его разумным, оно представляется нам "логичным". Но, пытаясь выучить их язык, мы обнаруживаем, что это невозможно. Поскольку в нем нет устойчивой связи между тем, что они говорят, произносимыми звуками и их действиями. И вместе с тем эти звуки не излишни, ибо, если мы, например, заткнем одному из них рот, последствия будут те же самые, что и с нами: без этих звуков, я бы выразил это так, их поведение станет хаотичным.

Надо ли говорить, что у этих людей есть язык приказы, сообщения и т.д.?

Назвать это "языком", не позволяет отсутствие регулярности.

208. Тогда, выходит, я объясняю то, что называю "приказом" и "правилом", с помощью "регулярности"? Как объясню я кому-нибудь значение слов "регулярный", "единообразный", "аналогичный"? Ну, тому, кто говорит лишь по-французски, я объясню эти слова с помощью соответствующих французских слов. Человека же, еще не овладевшего данными понятиями, я буду учить пользоваться этими словами с помощью примеров и практики. При этом я сообщу ему не меньше, чем знаю сам.

Так, в процессе этого обучения я покажу ему одинаковые цвета, одинаковые длины, одинаковые фигуры, заставлю его находить их, делать их и т.д. Я научу его, например, тому, как по заданию продолжать "однородный" орнамент. И тому, как продолжить прогрессию. Так что если, например, дано:, то продолжением должно быть:

Я показываю ему, как это делается, он подражает мне, а я воздействую на него, выражая согласие, отрицание, ожидание, поощрение. Я предоставляю ему свободу действий или останавливаю его и т.д.

Представь себе, что ты наблюдаешь за таким обучением. Ни одно слово в нем не объяснялось бы через самое себя, не делалось бы ни одного логического круга.

В ходе этого обучения объяснялись бы и такие выражения, как "и так далее", "и так далее до бесконечности". Для их объяснения могли бы использоваться в том числе и жесты. Жест, означающий "продолжай же!" или "и так далее", сопоставим по своей функции с указанием на какой-нибудь предмет или же место.

Следует различать: "и т.д." как сокращенный способ записи и "и т.д.", не являющегося аббревиатурой. "И т.д. до бесконечности" не есть сокращенная запись. То, что мы не можем записать всех цифр числа p , не является человеческим несовершенством, как иногда считают математики.

Обучение, замыкающееся на приведенных примерах, отличается от обучения, указывающего на то, что находится вне этих пределов.

209. "Но разве понимание не простирается за границы всех примеров?" Весьма странное изречение, и притом совершенно естественное!

Неужели этим сказано все? Разве не существует какого-то более глубокого объяснения или разве не должно понимание объяснения все же быть более глубоким? Нет ли у меня самого более глубокого понимания? Разве я располагаю чем-то большим, чем предлагаю в объяснении? Откуда же тогда это чувство, что я располагаю чем-то большим?

Не похоже ли это на то, когда нечто, обладающее неограниченной длиной, я интерпретирую как выходящее за пределы любой длины?

210. "Но действительно ли ты объясняешь другому человеку то, что понимаешь сам? Разве ты не предоставляешь ему самому угадывать существенное? Ты даешь ему примеры но он должен угадать их тенденцию, а значит, и твой замысел". Каждое объяснение, которое я способен дать самому себе, я даю и ему. "Он угадывает, что я имею в виду" означало бы: ему приходят в голову различные интерпретации моего объяснения, и он принимает одну из них. Так что в этом случае он мог бы задать вопрос, а я мог бы и должен был бы ответить ему.

211. "Как бы ты ни инструктировал его насчет продолжения орнамента, откуда он может знать, как продолжить его самостоятельно?" А откуда я это знаю? Если ты хочешь спросить: "Есть ли у меня основания?" то я отвечу: мои основания скоро иссякнут. И тогда я буду действовать без оснований.

212. Если задание продолжить ряд мне дает кто-то, кого я боюсь, то я действую быстро и с полной уверенностью, и нехватка оснований не беспокоит меня.

213. "Но этот начальный отрезок ряда явно можно было бы интерпретировать по-разному (например, с помощью алгебраических выражений), так что тебе прежде всего следовало бы выбрать одну из таких интерпретаций". Вовсе нет! При некоторых обстоятельствах было возможно сомнение. Но это не значит, что я сомневался или же что только и мог бы сомневаться. (В этой связи кое-что следовало бы сказать о психологической "атмосфере" какого-либо процесса.)

Неужели эти сомнения могла бы снять только интуиция? Если она некий внутренний голос, то как я узнаю, каким образом я должен следовать ей? А как мне знать, что она не подводит меня? Ведь если она может вести меня правильно, то она может и сбивать меня с пути.

((Интуиция ненужная увертка.))

214. Если интуиция нужна для образования ряда $1\ 2\ 3\ 4\ \dots$, то она нужна и для образования ряда $2\ 2\ 2\ 2\ \dots$.

215. Но разве то же самое уж во всяком случае не является тем же самым?

Кажется, будто мы располагаем безупречной парадигмой тождества в виде тождества вещи самой себе. Так и хочется сказать: "Здесь уж не может быть различных толкований. Видя перед собой вещь, тем самым видят также и тождество".

Выходит, две вещи тождественны, если они как одна вещь? Ну, а как то, что показывает одна вещь, применять к случаю с двумя вещами?

216. "Вещь тождественна самой себе". Нет лучшего примера бесполезного предложения, которое тем не менее связано с какой-то игрою воображения. То есть мы в своем воображении как бы вкладываем вещь в ее собственную форму и видим, что она заполняет ее.

Мы могли бы также сказать: "Каждая вещь совпадает сама с собой" или же: "Каждая вещь заполняет свою собственную форму". При этом, глядя на вещь, мы воображаем, будто для нее было оставлено свободное место и теперь она точно вошла в него.

Подходит ли это пятно \$к своему белому окружению? Да, выглядит оно именно так, словно бы сначала на его месте была дыра, а потом оно заполнило ее. Однако выражение "это подходит" не просто описывает именно эту картину. Не просто эту ситуацию.

"Каждое цветное пятно точно вписывается в свое окружение" вот несколько специализированная формулировка закона тождества.

217. "Как я могу следовать некоему правилу?" если это не вопрос о причинах, тогда это вопрос об основаниях того, что я действую в согласии с ним таким образом.

Исчерпав свои основания, я достигну скального грунта, и моя лопата согнется. В таком случае я склонен сказать: "Вот так я действую".

(Помни, что мы иногда требуем объяснений не ради их содержания, а ради формы. Наше требование архитектурное; объяснение не несущая конструкция, а декоративный карниз.)

218. Откуда возникает представление, будто начатый ряд это зримый отрезок рельсов, уходящих в невидимую бесконечность? Что ж, правило можно представить себе в виде рельса. А неограниченному употреблению правила тогда соответствуют бесконечно длинные рельсы.

219. "Все переходы уже, по сути, сделаны" означает: у меня нет свободы выбора. Правило, единожды наделенное определенным значением, прочерчивает линии следования через все пространство. А если бы в самом деле происходило что-то в этом роде, разве это помогало бы мне?

Да нет же! Мое описание имело бы смысл, лишь если его понимать символически. Я должен был бы сказать: так мне представляется это.

Повинуясь правилу, я не выбираю.

Правилу я следую слепо.

220. Но для чего пригодно такое символическое предложение? Оно призвано подчеркнуть разницу между причинной обусловленностью и логической обусловленностью.

221. Мое символическое выражение, по сути, было неким мифологическим описанием применения правила.

222. "Линия подсказывает, каким путем я должен идти" но ведь это всего лишь картина. Придя к выводу, что она как бы безотчетно подсказывала мне то или это, я бы не сказал, что следовал ей, как некоему правилу.

223. У нас нет такого чувства, что мы вынуждены постоянно ожидать кивка (шепота) правила. Наоборот, мы не ждем с напряжением, что же оно нам сейчас скажет. Оно всегда говорит нам одно и то же, и мы выполняем то, что оно диктует нам.

Человек, обучающий кого-то, мог бы сказать ему: "Смотри, я делаю всегда одно и то же: я ...".

224. Слово "согласие" ("Übereinstimmung") и слово "правило" ("Regel") родственны друг другу, они двоюродные братья. Обучая кого-нибудь употреблять одно из этих слов, я тем самым учу его и употреблению другого.

225. Употребление слова "правило" переплетено с употреблением слов -то же самое". (Как употребление слова "предложение" с употреблением слова "истинный").

226. Предположим, кто-то записывает ряд 1, 3, 5, 7,... по формуле $2x - 1$. И он задает себе вопрос: "А делаю ли я всякий раз одно и то же или каждый раз нечто иное?"

Если кто-то со дня на день обещает другому: "Завтра я навещу тебя", говорит ли он каждый день одно и то же или же каждый день что-то другое?

227. Разве имеет смысл заявлять: "Если бы он всякий раз делал что-то другое, мы бы не говорили: он следует какому-то правилу"? Это не имеет смысла.

228. "Ряд имеет для нас один облик". Да, но какой? Ведь он представим алгебраически и как фрагмент возможного развертывания. Или же в нем есть еще что-то? "Да в нем уже заложено все!" Но это не констатация зримо воспринимаемого фрагмента ряда или чего-нибудь в этом роде. Это выражение того, что мы действуем лишь на основе правила, не прибегая ни к какому другому руководству.

229. Мне представляется, будто во фрагменте ряда я воспринимаю какой-то очень тонкий рисунок, некое характерное движение, к которому для достижения бесконечности нужно добавить лишь "и т.д."

230. "Линия подсказывает мне, каким путем я должен идти". Это всего лишь парафраз того, что она моя последняя инстанция, определяющая путь, каким я должен идти.

231. "Но ты же видишь!.." Вот это и есть характерное выражение человека, находящегося во власти правила.

232. Представим себе, что правило подсказывает мне, как я должен ему следовать; например, когда мой глаз прослеживает линию, внутренний голос во мне говорит: "Проводи ее так!" В чем различие между этим процессом следования некоторого рода внушению и процессом следования правилу? Ведь они же не тождественны. В случае внушения я ожидаю наставления. Я не смогу учить кого-то другого моей "технике" прослеживания линии. Разве что я учил бы умению прислушиваться к своему внутреннему голосу, некоторого рода восприимчивости. Но в этом случае я, понятно, не мог бы от него требовать, чтобы он следовал линии так же, как я.

Это не мои опыты действия по вдохновению и по правилу, а грамматические заметки.

233. В таком духе можно вообразить себе и обучение некоей арифметике. Дети в таком случае умели бы вычислять каждый по-своему, прислушиваясь лишь к своему внутреннему голосу и следуя только ему. Эти вычисления напоминали бы некое сочинение.

234. А разве невозможно было бы вычислять, как обычно (когда все приходит к одинаковым результатам и т.д.), и все же то и дело испытывать чувство, что правила действуют на нас как бы магически, может быть удивляясь при этом тому, что получаемые результаты совпадают? (За такое согласие можно было бы, скажем, возносить благодарность божеству.)

235. Все это просто "напросто показывает тебе характерные черты того, что называют "следованием правилу" в повседневной жизни.

236. Virtuozы вычислений приходят к правильному результату, но не могут сказать, каким образом. Надо ли говорить, что они не вычисляют? (Семейство случаев.)

237. Представь себе, что кто-то так использует линию в качестве правила: он держит циркуль, одну ножку которого ведет вдоль линии "правила. Второй ножкой он проводит другую линию, соответствующую правилу. И, двигая ножку циркуля по линии "правила, он, выказывая необычайную добросовестность, меняет

величину раствора циркуля, всегда глядя при этом на линию, служащую правилом, как бы определяющим его действия. Мы же, глядя на него, не видим в этих увеличениях и уменьшениях раствора циркуля никакой закономерности. Мы не можем из этого усвоить его способ следовать за линией. В таком случае мы, пожалуй, сказали бы: "Кажется, что образец (Vorlage) подсказывает ему, как нужно действовать. Но он не является правилом!"

238. Чтобы правило могло представляться мне чем-то, заведомо выявляющим все свои следствия, оно должно быть для меня само собой разумеющимся. Так же как само собой разумеется для меня называть этот цвет "синим". (Критерий того, что это для меня "само собой разумеется".)

239. Откуда человеку знать, какой выбрать цвет, когда он слышит слово "красный"? Очень просто: он должен взять тот цвет, образ которого всплывает в его сознании при звуках услышанного слова. А как ему узнать, каков тот цвет, "образ которого оживает в его сознании"? Нужен ли ему для этого еще какой-то критерий? (Разумеется, существует некая процедура: выбор цвета, возникающего у кого-то в сознании, когда он слышит слово...)

Фраза: "Слово "красный" обозначает цвет, возникающий в моем сознании, когда я слышу слово "красный"" была бы дефиницией, а не объяснением сути обозначения чего-нибудь словом.

240. Не прекращаются споры (скажем, среди математиков) о том, соблюдено правило или же нет. При этом, положим, до драки дело не доходит. Это присуще тому каркасу, на котором базируется работа языка (например, при описании).

241. "Итак, ты говоришь, что согласием людей решается, что верно, а что неверно?" Правильным или неправильным является то, что люди говорят; и согласие людей относится к языку. Это согласие не мнений, а формы жизни.

242. Языковое взаимопонимание достигается не только согласованностью определений, но (как ни странно это звучит) и согласованностью суждений. Это, казалось бы, устраняет логику; но ничего подобного не происходит. Одно дело, описывать методы измерения, другое добывать и формулировать результаты измерений. А то, что мы называем "измерением", определяется и известным постоянством результатов измерения.

243. Человек может сам себя одобрять, давать себе задания, слушаться, осуждать, наказывать самого себя, задавать себе вопросы и отвечать на них. Значит, можно также представить себе людей лишь с монологической речью. Они сопровождали бы свои действия разговорами с самими собой. Исследователю, наблюдавшему их и слушавшему их речи, может быть, удалось бы перевести их язык на наш. (Это позволило бы ему правильно предсказывать их поступки, ибо он слышал бы и фразы об их намерениях и решениях.)

Но мыслим ли такой язык, на котором человек мог бы для собственного употребления записывать или высказывать свои внутренние переживания свои чувства, настроения и т.д.? А разве мы не можем делать это на нашем обычном языке? Но я имел в виду не это. Слова такого языка должны относиться к тому, о чем может знать только говорящий, к его непосредственным, личным впечатлениям. Так что другой человек не мог бы понять этого языка.

244. Как относятся слова к ощущениям? Кажется, что в этом нет никакой проблемы. Разве мы не говорим каждый день об ощущениях и не называем их? Но как устанавливается связь имени с тем, что именуется? Этот вопрос равнозначен другому: как человек усваивает значение наименований ощущений? Например, слова "боль". Вот одна из возможностей: слова связываются с изначальным, естественным выражением ощущения и подставляются вместо

него. Ребенок ушибся, он кричит; а взрослые при этом уговаривают его и учат восклицаниям, а затем и предложениям. Они учат ребенка новому, болевому поведению.

-то есть ты говоришь, что слово "боль", по сути, означает крик" Да нет же; словесное выражение боли замещает крик, а не описывает его.

245. Как же тогда я могу стремиться к тому, чтобы втиснуть язык между болью и ее выражением?

246. Ну, а насколько мои ощущения индивидуальны? Да ведь только я могу знать, действительно ли у меня что-то болит, другой может об этом лишь догадываться. Это, с одной стороны, неверно, с другой бессмысленно. Если слово "знать" употребляется как обычно (а как еще мы должны его употреблять!), то другие люди очень часто знают, когда я испытываю боль. Да, но не столь достоверно, как я знаю это сам! О себе вообще нельзя сказать (разве что в шутку): я знаю, что мне больно. Что бы это должно было означать помимо того, что я испытываю боль?

Нельзя сказать, что другие узнают о моих ощущениях только по моему поведению, так как и обо мне нельзя сказать, что я знаю свои ощущения. Они просто у меня есть.

Верно вот что: о других людях имеет смысл говорить, что они сомневаются, ощущая ли я боль, говорить же это о себе бессмысленно.

247. -только ты можешь знать, было ли у тебя такое намерение". Это можно сказать кому-то, объясняя ему значение слова "намерение". В таком случае это означает: мы употребляем данное слово таким образом.

(А слово "знать" означает здесь, что выражение неуверенности лишено смысла.)

248. Предложение "Ощущения индивидуальны" сопоставимо с предложением "В пасьянс человек играет сам с собой".

249. Может быть, мы слишком поспешно заключаем, что улыбка грудного младенца не притворство? А на каком опыте основывается наше предположение? (Ложь это языковая игра, которой нужно обучаться, как и всякой другой.)

250. Почему собака не может симулировать боль? Что, она слишком честна? Мог бы человек приучить собаку симулировать боль? Пожалуй, ее можно было бы научить выть при определенных обстоятельствах так, словно у нее что-то болит, тогда как на самом деле никакой боли нет. Но чтобы быть подлинной симуляцией, этому поведению всякий раз не хватало бы подходящего сопровождения.

251. Что подразумевают, говоря: "Я не могу себе представить противоположное этому" или же "Что происходило бы, если бы дело обстояло иначе?". Например, если бы кто-то заявил, что мои представления индивидуальны; или что только я сам могу знать, действительно ли я испытываю боль; и тому подобное.

"Я не могу представить себе противоположного", конечно, не означает здесь, что мне не хватает силы воображения. Этими словами мы защищаемся от чего-то такого, что по форме принимает вид эмпирического предложения, хотя в действительности является грамматическим предложением.

Но почему я говорю: "Я не могу представить себе противоположное?" Почему не говорю: "Я не могу представить себе того, что ты сказал?"

Например: "Каждый стержень имеет длину". Это примерно означает: мы называем нечто (или это) "длиной стержня" но ничего не называем "длиной шара". Ну, а могу ли я представить себе, что "каждый стержень имеет длину"?

Нет, я просто представляю себе какой-то стержень, и это все. Только эта картина, возникшая в связи с вышеназванным предложением, играет совсем иную роль, чем какая-то картина, связанная с предложением "У этого стола такая же длина, что и у того". Ибо в данном случае я понимаю, что значит сформировать картину чего-то противоположного (и ей не обязательно быть образным представлением).

Картина же к грамматическому предложению могла бы только показать, например, что называется "длиною стержня". А какой же тогда должна быть противоположная этому картина?

((Замечание об отрицании предложения a priori.))

252. На предложение "Это тело протяженно" мы могли бы отреагировать: "Бессмыслица!" Однако склонны отвечать: "Конечно!" Почему?

253. "У другого не может быть моих болей?" Каковы же они, мои боли? Что используется здесь в качестве критерия тождества? Поразмысли, что позволяет применительно к физическим предметам говорить о "двух абсолютно одинаковых". Например, говорить: "Это не тот стул, что ты видел вчера, но он точно такой же, как тот".

Поскольку высказывание о том, что у меня такая же боль, как у него, имеет смысл, то и возможно, что мы оба испытываем одинаковую боль. (Можно представить себе и то, что два человека испытывают боль в одном и том же а не только в соответствующем месте. Это мог бы быть, например, случай с сиамскими близнецами.)

Я видел, как один из участников дискуссии по этому вопросу, ударяя себя в грудь, говорил: "Но ведь другой не может испытывать вот ЭТОЙ боли!" Ответ на это состоит в том, что критерий тождества определяется не путем выразительного акцентирования слова "этой". Более того, этим акцентированием мы лишь затемняем то, что такой критерий нам известен, но о нем нужно напоминать.

254. Типичной уловкой в философии является и подстановка слова - тождественный" ("gleich") вместо "одинаковый" ("identisch") (например). Под видом того, будто речь шла об оттенках значения и от нас требовалось лишь найти слово для передачи нужного нюанса. Но в процессе философствования это нужно лишь тогда, когда возникает задача психологически точного изображения нашей склонности использовать определенную форму выражения. То, что мы в таком-то случае "склонны говорить", это, конечно, не философия, а лишь материал для нее. Так, например, то, что склонен говорить математик об объективности и реальности математических фактов, не философия математики, а нечто, к чему должна обращаться философия.

255. Философ лечит вопрос: как болезнь.

256. Ну, а как обстоит дело с языком, описывающим мои внутренние переживания и понятным лишь мне одному? Как я обозначаю свои ощущения словами? Так, как это делается обычно? То есть связывая слова, передающие мои ощущения, с естественными проявлениями этих ощущений? В таком случае мой язык не является "приватным". Другой может понять его так же, как я. А допустим, у меня нет никаких естественных проявлений ощущения, а есть только само ощущение? И я просто ассоциирую имена с ощущениями и пользуюсь ими при описании.

257. "Что было бы, если бы люди не обнаруживали своей боли (не стонали, у них не искажалось бы лицо и т.д.)? Тогда нельзя было бы научить ребенка пользоваться словами "зубная боль". Ну, а допустим, что ребенок гений и сам

изобретет название этого ощущения! Но при этом он бы, конечно, не мог с помощью этого слова снискать понимание. Выходит, он понимал бы это название, но не мог бы никому объяснить его значение? А что означало бы тогда, что "он дал название своей боли"? Как он осуществил это?! И что бы он при этом ни сделал, какова была его цель? Говоря "Он дал название ощущению", забывают, что в языке уже многое должно быть подготовлено к тому, чтобы простой акт наименования обрел смысл. И когда мы говорим, что кто-то дал название боли, то при этом предусматривается определенная грамматика слова "боль", указывается место, которое будет отведено новому слову.

258. Представим себе такой случай. Я хочу запечатлеть в дневнике какое-то время от времени испытываемое мною ощущение. Для этого я ассоциирую его со знаком *O* и записываю в календаре этот знак всякий раз, когда испытываю такое ощущение. Прежде всего замечу, что нельзя сформулировать какую-то дефиницию такого знака. Но сам для себя я же могу дать ему какое-то указательное определение! Каким образом? Разве я в состоянии указывать на ощущение? В обычном смысле нет. Но, произнося или записывая знак, я сосредоточиваю свое внимание на ощущении и таким образом как бы указываю на него в своем внутреннем мире. Но что толку в этой церемонии? Ведь нам лишь представляется, что должно происходить что-то вроде этого! Тогда как дефиниция призвана установить значение знака. Что же, это как раз и достигается с помощью концентрации внимания, ибо именно так я закрепляю для себя связь между знаком и ощущением. "Я закрепляю для себя связь" может означать только одно: этот процесс обеспечивает то, что впоследствии я правильно вспоминаю эту связь. Но ведь в данном случае я не располагаю никаким критерием правильности. Так и тянет сказать: правильно то, что мне всегда представляется правильным. А это означает лишь, что здесь не может идти речь о "правильности".

259. Разве правила индивидуального языка это впечатления правил? Веса, на которых взвешиваются впечатления, не впечатление весов.

260. "И все же я верю, что вновь переживаю ощущение *O*". Возможно, ты полагаешь, что веришь в это!

Так что же, выходит, тот, кто вносит знаки в календарь, совсем ничего не отмечает? Не считай само собой разумеющимся, что человек, вносящий знак, скажем в календарь, отмечает нечто. Ибо знак имеет функцию, а это "*O*" пока что не имеет таковой.

(Человек может говорить сам с собой. Но означает ли это, что каждый, кто говорит в отсутствие других, разговаривает сам с собой?)

261. Какое у нас основание называть "*O*" знаком какого-то ощущения? Ведь "ощущение" слово нашего общепринятого, а не лишь мне одному понятного языка. Употребление этого слова нуждается в обосновании, понятном всем. Не спасало бы положения и такое высказывание: с человеком, записавшим "*O*", что-то происходило, пусть это и не было ощущением больше этого ведь и не скажешь. Дело в том, что слова "происходить" и "что-то" тоже принадлежат общепринятому языку. Итак, в ходе философствования рано или поздно наступает момент, когда уже хочется издать лишь некий нечленораздельный звук. Но такой звук служит выражением только в определенной языковой игре, которую в данном случае требуется описать.

262. Можно сказать: если бы человек дал дефиницию слова лично для себя, то он должен был бы внутренне настроиться (*Vornehmen*). А как бы он это

предрешил? Следует ли предположить, что он изобретает технику такого использования; или же что он находит ее уже готовой?

263. "Я же могу (внутренне) принять решение в будущем называть ЭТО "болью"? А достоверно ли, что ты принял такое решение? Уверен ли ты, что для этого достаточно сконцентрировать внимание на ощущении?" Странный вопрос.

264. "Коль скоро ты знаешь, что обозначает слово, ты понимаешь его, вполне знаешь его применение".

265. Представим себе таблицу вроде словаря, существующую лишь в нашем воображении. С помощью словаря можно обосновывать перевод слова X словом Y. Но следует ли считать таким основанием и нашу таблицу, если обращаться к ней можно только в воображении? "Ну да, в таком случае это субъективное основание". Но ведь обоснование состоит в апелляции к независимой инстанции. "Однако могу же я апеллировать и от одного воспоминания к другому. Например, я не знаю, правильно ли я запомнил время отправления поезда, и для проверки вызываю в памяти образ страницы расписания поездов. Разве вышеприведенный случай, не того же рода?" Нет, ибо этот процесс предполагает действительно правильное воспоминание. Разве мысленный образ расписания мог бы подтвердить правильность первого воспоминания, если бы он сам не подлежал проверке на правильность? (Это было бы равноценно тому, что кто-то купил множество экземпляров сегодняшней утренней газеты, чтобы удостовериться, пишет ли она правду.)

Обращение к воображаемой таблице соответствует получению справок из реальной таблицы не более, чем воображаемый результат воображаемого эксперимента соответствует результату действительного эксперимента.

266. Можно посмотреть на часы, чтобы узнать, который час. Но на циферблат часов можно смотреть и для того, чтобы угадать, сколько сейчас времени; или с той же целью можно переставлять стрелки часов до тех пор, пока их положение не представится правильным. Так образ часов может служить для определения времени более чем одним способом. (Мысленно взглянуть на часы.)

267. Предположим, что строя воображаемый мост, я захотел бы обосновать расчет его размеров путем предварительного испытания материалов на прочность в своем воображении. Конечно, это было бы мысленным представлением о том, что называют обоснованием расчета размеров моста. Но разве мы назвали бы это также обоснованием воображаемого расчета размеров моста?

268. Почему моя правая рука не может подарить деньги моей левой руке? Моя правая рука может вложить их в левую. Моя правая может написать дарственную, а левая расписку. Но по своим дальнейшим практическим последствиям это не было бы дарением. Если левая рука приняла деньги от правой и т.д., мы спросим: "Ну и что дальше?" И можно было бы задать такой же вопрос, если бы некто давал самому себе индивидуальное определение слова; я имею в виду, если бы он произносил про себя некое слово и при этом направлял внимание на какое-то ощущение.

269. Вспомним о том, что имеются определенные поведенческие критерии того, что кто-то не понимает слова: оно ему ничего не говорит, он не знает, что с ним делать. И критерии того, что он лишь "думает, будто понимает" слово, связывает с ним некоторое значение, но неверное. И наконец, имеются критерии того, что он правильно понимает слово. Во втором случае можно было бы говорить о субъективном понимании. А "персональным языком" ("private Sprache") можно было бы назвать звуки, которые не понимает никто другой, но я, мне

кажется, понимаю.

270. Ну, а представим себе использование для записи в моем дневнике знака "О". Я обнаруживаю следующее: всякий раз, когда я испытываю определенное ощущение, манометр показывает, что у меня поднимается кровяное давление. Таким образом, я смогу говорить о повышении своего кровяного давления и без помощи аппарата. Это полезный результат. Причем представляется совершенно безразличным, правильно ли я опознал ощущение или нет. Пусть я постоянно заблуждался бы, идентифицируя ощущение. Это не имело бы ни малейшего значения. И уже это показывает, что предположение такой ошибки лишь видимость. (Как если бы мы поворачивали рукоятку, полагая, что она приводит в движение какую-то часть машины, тогда как на самом деле она служила бы лишь украшением, никак не связанным с механизмом.)

На каком же основании мы считаем здесь "О" обозначением некоторого ощущения? Пожалуй, на основании способа использования этого знака в данной языковой игре. Почему же говорится об "определенном", следовательно, каждый раз об таком же самом "ощущении"? Ну, мы же так условились; что раз пишем "О".

271. "Представь себе человека, не способного удержать в памяти, что означает слово "боль" и поэтому всякий раз называющего так что-то другое, но тем не менее использующего это слово в соответствии с обычными симптомами и предпосылками боли!" то есть употребляющего его, как и мы все. Здесь так и хочется сказать: колесо, которое можно крутить, не приводя в движение все остальное, не относится к машине.

272. В индивидуальном переживании существенно на самом деле не то, что каждым человеком оно переживается по-своему, а то, что никто не знает, это ли переживает и другой или же нечто иное. Выходит, можно было бы предположить, хотя это и нельзя проверить, что одна часть человечества имеет одно ощущение красного, другая же часть другое.

273. Ну, а должен ли я сказать о слове "красное", что оно обозначает нечто "предъявленное нам всем", для обозначения же своего собственного ощущения красного каждый человек должен, кроме этого слова, иметь еще одно? Или же дело обстоит так: слово "красное" обозначает нечто известное нам совместно; а для каждого оно обозначает, кроме того, нечто знакомое только ему? (Или, пожалуй, лучше было бы сказать: оно отсылает к чему-то, знакомому только ему.)

274. Если о слове "красный" говорить вместо "оно означает" "оно отсылает" к чему-то личному, то это, разумеется, не способствует пониманию его функции. Но это выражение психологически более удачно передает то особое переживание, что сопутствует философствованию. Произнося эти слова, я словно бы смотрю со стороны на собственные ощущения, как бы говоря самому себе: уж я-то знаю, что я подразумеваю под этим.

275. Взгляни на синеву неба и скажи самому себе: "Какое синее небо!" Если ты это делаешь спонтанно без философских намерений, тебе не придет в голову, что это ощущение цвета принадлежит только тебе. И ты, не раздумывая, адресуешь это восклицание какому-то другому лицу. Если же при этих словах ты на что-нибудь указываешь, так указываешь на небо. Я имею в виду: ты не испытываешь чувства указывания "внутри" самого себя, которое, размышляя над "персональным языком", часто связывают с "наименованием ощущения". И тебе не приходит в голову, что на самом деле ты должен указывать на цвет не рукой, а лишь направляя на него свое внимание. (Подумай, что это значит "направить внимание

на что-либо".)

276. "А разве, глядя на цвет и называя наше ощущение от него, мы так или иначе не имеем в виду что-то вполне определенное? Но ведь это равнозначно тому, что впечатление цвета как бы снималось с увиденного предмета, подобно пленке. (Это должно возбудить у нас подозрение.)

277. Но как вообще возможно это побуждение считать, что один раз под словом понимается всем известный цвет, а другой раз "визуальное впечатление", которым обладаю я в данный момент? Как возможно здесь само существование такого побуждения? В этих двух случаях я по-разному обращаю внимание на цвет. Имея в виду (как я бы сказал) принадлежащее мне одному впечатление цвета, я погружаюсь в этот цвет как бывает в том случае, когда на какой-то цвет я "не могу наглядеться". Вот почему такое переживание легче возникает тогда, когда смотрят на яркий цвет или же на выразительную цветовую композицию.

278. "Я знаю, каким мне представляется зеленый цвет" что ж, ведь это не лишено смысла! Безусловно. А какое применение ты намерен найти этому высказыванию?

279. Представь себе человека, который говорит: "Я-то знаю, какой я рослый!" и в доказательство своих слов кладет руку на свою макушку.

280. Кто-то рисует картину, чтобы показать, как он представляет себе, допустим, сцену в театре. Ну, а я говорю: "У этой картины двойная функция; она сообщает что-то другим, как это делают картины и слова. Но для самого сообщающего она выступает еще и как изображение (или сообщение?) другого рода: для него она картина его представления, чем она не может быть ни для кого другого. Его личное впечатление о картине говорит ему о том, что он себе представил, в том смысле, в каком эта картина не может представиться никому другому". По какому же праву я говорю в этом втором случае об изображении или сообщении, если эти слова были правильно применены в первом случае?

281. "А не следует ли из сказанного тобой, что нет, например, боли без болезненного поведения?" Отсюда следует вот что: только о живых людях и о том, что их напоминает (ведет себя таким же образом), можно говорить: они ощущают, видят, слышат, они слепы, глухи, находятся в сознании или без сознания.

282. "Но ведь в сказке может видеть и слышать даже горшок!" (Верно, но он может и говорить.)

"Но в сказке просто выдуманно то, чего нет, а отнюдь не говорится бессмыслица". Не так это просто. Разве ложно или бессмысленно утверждение, что горшок разговаривает? Можно ли составить себе четкое представление о том, при каких обстоятельствах мы бы сказали о горшке, что он разговаривает? (Даже поэзию абсурда мы не уподобим чему-то столь же бессмысленному, как, например, лепет ребенка.)

Да, мы говорим о неживом предмете, что он испытывает боль, например, играя в куклы. Но это употребление понятия "боль" вторично. Представим же себе, что люди приписывают боль лишь неживым предметам; жалеют только кукол! (Когда дети играют в железную дорогу, их игра связана с их знаниями о железной дороге. Дети же какого-нибудь примитивного племени, не знающего железных дорог, могли бы перенять эту игру от других и играть в нее, не подозревая о том, что тем самым они подражают чему-то реально существующему. Можно было бы сказать, что игра для них не имела бы того же смысла, что для нас.)

283. Откуда приходит к нам уже само это представление, что существа,

предметы способны что-то чувствовать?

Разве оно не является результатом воспитания, научившего меня обращать внимание на свои собственные чувства, а затем переносить это представление на предметы вне меня? Или же я узнаю, что здесь (во мне) есть нечто такое, что я мог бы назвать "болью", не впадая в противоречие с употреблением данного слова другими людьми? Я не переношу свое представление на камни, растения и т.д.

Разве нельзя было бы вообразить, что у меня ужасные боли и, пока они длятся, я обращаюсь в камень? Можно, а откуда мне ведомо, что, закрыв глаза, я не становлюсь камнем? А если бы это происходило, то в каком смысле этот камень испытывал бы боль? В каком смысле это можно было бы сказать о камне? Да и почему вообще боль должна иметь какого-нибудь носителя?!

А можно ли сказать о камне, что у него есть душа и она испытывает боль? Что общего у души, испытывающей боль, с камнем?

Только о том, что ведет себя, как человек, можно сказать, что оно испытывает боль.

Ибо это надлежит говорить о теле или, если угодно, о душе, которой обладает некое тело. Но как тело может иметь душу?

284. Посмотри на камень и представь себе, что у него есть ощущения! Человек мысленно произносит: и как только могло прийти в голову приписывать ощущение той или иной вещи? С тем же успехом его можно было бы приписать и числу! А теперь посмотри на бьющуюся об оконное стекло муху, и тотчас же это затруднение исчезнет, и предположить здесь боль покажется уместным, в то время как в первом случае это, судя по всему, было бы явно безосновательно.

Вот так и труп кажется нам совершенно несовместимым с чувством боли. Наше отношение к живому в корне отлично от отношения к мертвому. В том и в другом случае все наши реакции различны. Заяви кто-то: "Разница не может заключаться просто в том, что живое так или иначе движется, а мертвое нет", я бы ему пояснил, что это случай перехода "количества в качество".

285. Подумай о том, как распознаются выражения лица. Или об описании выражений лица оно же не сводится к перечислению его размерностей! Подумай и о том, как можно имитировать лицо человека, не глядя при этом в зеркало на собственное лицо.

286. Но разве не абсурдно говорить о теле, что оно испытывает боль? А почему в этом чувствуется абсурдность? В каком смысле боль испытывает не моя рука, а я в моей руке?

А что собой представляет дискуссионный вопрос: тело ли испытывает боль? Как его следует решать? Что побуждает считать, что боль испытывает не тело? Ну, примерно вот что: когда кто-то чувствует боль в руке, рука не говорит об этом (если она только этого не пишет), и сочувствие выражают не руке, а страдающему человеку; ему смотрят в глаза.

287. Каким образом я испытываю сострадание к этому человеку? Как выявляется объект сострадания? (Можно сказать, сострадание форма уверенности, что другой человек испытывает боль.)

288. Я превращаюсь в камень, а мои боли не проходят. А если я ошибаюсь и у меня больше нет болей? Но уж здесь-то я не могу ошибиться, ведь не говорят же: я сомневаюсь, есть ли у меня боли! Это означает: скажи кто-то: "Я не знаю, является ли то, что я чувствую, болью или чем-то другим", мы бы, пожалуй, подумали, что он не знает значения слова "боль", и объяснили бы его ему. Как? Может быть, жестами, или же, укалывая его иглой, приговаривали: "Понимаешь, вот что такое боль". Такое объяснение слова, как и всякое другое, он мог бы

понять верно, неверно или же вообще не понять. Насколько он понял объяснение, будет видно из его применения этого слова, как это обычно и бывает.

Ну, а заяви он, к примеру: "О, я знаю, что означает "боль", но не знаю, является ли болью то, что я чувствую сейчас", мы бы просто покачали головой и вынуждены были считать его слова очень странной реакцией, с которой мы просто не знали бы, что делать. (Это примерно то же самое, как если бы мы услышали от кого-то вполне серьезно сказанные слова: "Я отчетливо помню, что за некоторое время до моего рождения я думал...")

Подобное выражение сомнения не присуще данной языковой игре. Но если устранить проявление ощущений из человеческого поведения, то, кажется, у меня вновь могли бы возникнуть основания для сомнений. К высказыванию о том, что человек мог бы принимать ощущение за что-то другое, меня подталкивает вот что: если предположить, что нормальная языковая игра выражения ощущения отменена, то возникает потребность в критерии тождества для ощущения; а значит возникает и возможность ошибок.

289. "Когда я говорю, что "мне больно", то уж, во всяком случае, это оправданно для меня самого". Что это значит? Это значит: "Если бы кто-то пожелал узнать, что я называю "болью", то ему пришлось бы признать, что я использую это слово правильно?"

Использовать слово без обоснования не значит использовать его неверно.

290. Конечно, я не идентифицирую свое ощущение с помощью критериев, а применяю одно и то же выражение. Но это не конец языковой игры; это ее начало.

А разве она начинается не с ощущения, которое я описываю? В слове "описывать" здесь для нас, пожалуй, кроется подвох. Я говорю "я описываю мои душевные состояния" и "я описываю мою комнату". Следует вспомнить о различии языковых игр.

291. То, что мы называем описаниями, это инструменты специального назначения. Вспомним здесь о чертеже машины, поперечном разрезе, наметке размеров, которые имеет перед собой механик. В представлении об описании как о словесной картине фактов есть нечто вводящее в заблуждение; это навеивает мысли лишь о картинах, висящих у нас на стенах; которые, казалось бы, изображают всего лишь, как выглядит вещь, каковы ее свойства. (Это как бы праздные картины.)

292. Не всегда полагай, что высказываемое тобой ты считаешь с фактов, что ты изображаешь их словами в соответствии с правилами! Ибо применение правила в особых случаях тебе все-таки приходится осуществлять без каких бы то ни было инструкций.

293. Коли я говорю о себе самом: я знаю только по собственному опыту, что означает слово "боль", то разве не следует сказать это и о других? А тогда как можно столь безответственным образом обобщать один случай?

Ну, а пусть каждый говорит мне о себе, что он знает, чем является боль, только на основании собственного опыта! Предположим, что у каждого была бы коробка, в которой находилось бы что-то, что мы называем "жуком". Никто не мог бы заглянуть в коробку другого; и каждый говорил бы, что он только по внешнему виду своего жука знает, что такое жук. При этом, конечно, могло бы оказаться, что в коробке у каждого находилось бы что-то другое. Можно даже представить себе, что эта вещь непрерывно изменялась бы. Ну, а если при всем том слово "жук" употреблялось бы этими людьми? В таком случае оно не было бы обозначением вещи. Вещь в коробке вообще не принадлежала бы к языковой

игре даже в качестве некоего нечто: ведь коробка могла бы быть и пустой. Верно, тем самым вещь в этой коробке могла бы быть "сокращена", снята независимо от того, чем бы она ни оказалась.

Это значит: если грамматику выражения ощущения трактовать по образцу "объект и его обозначение", то объект выпадает из сферы рассмотрения как не относящийся к делу.

294. Говоря о другом человеке, что он описывает некую картину, явленную только ему, ты все-таки уже сделал какое-то предположение о том, что ему видится. А это значит, что ты мог бы описать или уже описываешь это более конкретно. Если же ты признаешься в отсутствии у тебя какого бы то ни было представления о том, что могло бы видеться этому другому, что же тогда заставляет тебя утверждать, что он что-то видит? Разве это не равносильно тому, как если бы я говорил о ком-то: "У него что-то есть. Но деньги ли это, долги или пустая касса, я не знаю."

295. И вообще, каким по характеру должно быть предложение "Я знаю... лишь на собственном опыте"? Эмпирическим? Нет. Грамматическим?

Мне представляется это так: положим, каждый говорит о себе, что только по собственной боли он знает, что такое боль. Дело не в том, чтобы люди действительно так говорили или хотя бы были склонны это говорить. Но если бы так говорил каждый это могло бы быть своего рода восклицанием. И, не будучи информативным сообщением, оно все же давало бы некую картину, а почему нужно отказывать себе в желании прибегнуть к такой картине души? Представь себе вместо этих слов живописное изображение "аллегория".

В самом деле, взглядываясь в самих себя, в процессе философствования мы часто видим перед собой именно такую картину. Прямо-таки живописное изображение нашей грамматики. Не факты, а как бы иллюстрированные обороты речи.

296. "Да, но есть же что-то, что сопровождает мой крик боли! И именно из-за этого я и вскрикиваю. Именно это что-то важно и страшно!" Только с кем мы делимся этим? И по какому случаю?

297. Конечно, если в горшке кипит вода, то из горшка выходит пар, и над изображением горшка тоже клубится нарисованный пар. А что, если бы кто-то упорно говорил, что и в изображении горшка должно что-то кипеть?

298. Само то, что в отношении личного ощущения нас так и тянет сказать "Вот что важно", уже показывает, насколько мы склонны высказывать нечто такое, что не является сообщением.

299. Невозможность удержаться будучи во власти философского мышления от того, чтобы не сказать того-то, и neodолимая склонность это сказать не означает, что нас к тому принуждает некое предположение или непосредственное рассмотрение, либо знание, какого-то положения вещей (Sachverhalt).

300. Хочется сказать: к языковой игре со словами "ему больно" принадлежит не только картина поведения, но и картина боли. Или же: не только парадигма поведения, но и парадигма боли. Говорить, что "картина боли входит в языковую группу со словом "боль"", недоразумение. Представление о боли не картина, и это представление не заменимо в языковой игре чем-то, что мы назвали бы картиной. Пожалуй, в определенном смысле представление о боли входит в языковую игру; но только не в качестве картины.

301. Представление не картина, но картина может ему соответствовать.

302. *Пытаться представить себе чью-то боль по образу и подобию своей собственной задача не из легких: ибо на основе боли, которую чувствуешь сам, нужно представить себе боль, которой не чувствуешь. То есть я должен не просто перенести в своем воображении боль с одного места на другое, скажем с кисти на руку. Ибо мне не нужно представлять, что я чувствую боль в каком-то месте его тела (что также было бы возможным).*

Болевое поведение может указывать на место, где ощущается боль, но субъект боли это человек, обнаруживающий боль.

303. *"Я могу лишь верить, что другой испытывает боль, но я знаю это, если сам ощущаю ее". Можно даже принять решение вместо "Ему больно" говорить: "Я верю, что ему больно". Но не более того. То, что здесь выглядит как объяснение или высказывание о мыслительном процессе, на самом деле представляет собой лишь замену одного способа выражения другим, кажущимся нам более удачным, когда мы философствуем.*

Попробуй когда-нибудь реальной ситуации усомниться в страхе или боли другого!

304. *"Но ведь ты признаешь, что есть разница между болевым поведением при наличии боли и болевым поведением в отсутствие таковой". Признаю? Да разве возможно более разительное отличие? "И тем не менее ты всякий раз приходишь к выводу, что ощущения сами по себе ничто". Вовсе нет. Они не нечто, но и не ничто! Вывод состоял бы лишь в том, что ничто выполняло бы такую же функцию, как и нечто, о котором ничего нельзя сказать. Мы отвергаем лишь грамматику, которая здесь всячески навязывает себя нам.*

Парадокс исчезает лишь в том случае, если радикально преодолеть представление, будто язык всегда функционирует одним и тем же способом и всегда служит одной и той же цели: передавать мысли будь это мысли о домах, боли, добре и зле и обо всем прочем.

305. *"Но ты же не можешь отрицать, что, например, при воспоминании осуществляется какой-то внутренний процесс". А почему возникает впечатление, будто мы хотим отрицать что бы то ни было? Заявляя: "Все же при этом протекает какой-то внутренний процесс", так и хочется добавить: "Это же для тебя очевидно. Именно этот внутренний процесс подразумевают под словом "вспоминать"". Впечатление, будто мы намеревались что-то отрицать, возникает из-за отказа от картины "внутреннего процесса". Но при этом лишь отрицается, что картина внутреннего процесса дает нам верное представление об употреблении слова "вспоминать". Утверждается же, что эта картина и навеваемые ею представления мешают видеть употребление слова таким, каким оно реально является.*

306. *Выходит, мне незачем отрицать существование душевного процесса?! Высказывание "Сейчас во мне совершается душевный процесс воспоминаний о ..." просто означает: "Сейчас я вспоминаю о ..." Отрицать душевный процесс значило бы отрицать воспоминание, отрицать, что кто-то когда-либо вспоминает о чем-нибудь.*

307. *"Так значит, ты не замаскированный бихевиорист? И ты не утверждаешь, что по сути все, кроме человеческого поведения, есть фикция?" Если я и говорю о фикции, то имею в виду грамматическую фикцию.*

308. *Как же возникает философская проблема душевных процессов, состояний и бихевиоризма? Первый шаг к ней совершенно незаметен. Мы говорим о процессах и состояниях, оставляя нераскрытой их природу! Предполагается, что когда-нибудь мы, пожалуй, будем знать о них больше. Но это-то и предопределяет*

особый способ нашего рассмотрения явлений. Ибо мы уже составили определенное понятие о том, что значит познать процесс полнее. (Решающее движение в трюке фокусника уже сделано, нам же оно кажется невинным.) И вот рушится аналогия, призванная прояснить наши мысли. Выходит, что нужно отрицать еще непонятый процесс в еще не изученном субстрате. Так возникает видимость отрицания нами душевных процессов. А ведь мы, естественно, не собираемся их отрицать!

309. Какова твоя цель в философии? Показать мухе выход из мухоловки.

310. Я говорю кому-нибудь, что мне больно. Его отношение ко мне будет отношением веры, неверия, недоверия и т.д.

Предположим, он отвечает: "Это не такая уж страшная боль". Не являются ли его слова доказательством того, что он верит во что-то стоящее за проявлениями боли? Его отношение есть доказательство его отношения. Ну, а представь себе, что не только предложение "Мне больно", но и ответ "Это не такая уж страшная боль" заменены натуральными звуками и жестами!

311. "Что могло бы отличаться друг от друга в большей мере!" В случае боли я полагаю, что могу предъявить это различие самому себе персонально. Разницу же между сломанным зубом и целым зубом я бы мог продемонстрировать каждому. Однако для приватной демонстрации совсем не обязательно причинять себе боль; достаточно представить ее себе например, немного перекосить лицо. А знаешь ли ты, что демонстрируешь самому себе таким образом именно боль, а например, не выражение лица? И откуда ты знаешь, что нужно продемонстрировать, прежде чем ты сделаешь это? Эта приватная демонстрация иллюзия.

312. Но опять-таки, разве случаи с демонстрацией зуба и боли не схожи? Ведь визуальное ощущение в одном случае соответствует болевому ощущению в другом. Зрительное ощущение я могу продемонстрировать самому себе в столь же малой или столь же большой степени, как и болевое ощущение.

Вообразим себе следующий случай: на поверхности окружающих нас вещей (камней, растений и т.д.) есть пятна и участки, вызывающие боль при соприкосновении с нашей кожей. (Скажем, из-за химического состава таких поверхностей. Но нам не обязательно знать это.) В таком случае мы говорили бы о листе, покрытом болевыми пятнами, как ныне говорим о листьях некоторых растений, покрытых красными пятнами. Полагаю, что для нас было бы полезно замечать эти пятна и их формы и что из этого можно было бы извлечь выводы о важных свойствах вещей.

313. Я могу продемонстрировать боль, как демонстрирую красное, прямое и кривое, дерево и камень. Именно это и называется "демонстрацией".

314. Склонность рассматривать свою сиюминутную головную боль как состояние, проливающее свет на философскую проблему ощущения, свидетельство принципиального непонимания.

315. Разве может понять слово "боль" тот, кто никогда не испытывал боли? Разве тому или иному ответу на этот вопрос меня должен научить опыт? Допустим, мы утверждаем "Человек не в состоянии представить себе боль, ни разу не испытав ее", а откуда мы это знаем? Как определить, истинно ли это?

316. Чтобы уяснить значение слова "думать", мы наблюдаем за тем, как думаем мы сами. То, что мы при этом наблюдаем, и будет тем, что обозначает данное слово! Но употребляется-то это понятие не так. (Иначе это походило бы на то, как если бы я, не зная правил шахматной игры, пытался выяснить, что означают слова "поставить мат", путем пристального наблюдения за последними

ходами какой-то шахматной партии.)

317. Вводящая в заблуждение параллель: крик выражение боли, предложение выражение мысли!

Как будто цель предложения дать знать кому-то о самочувствии другого: только связанном, скажем, не с желудком, а с органом мысли.

318. Думая по ходу речи или письма так, как это делается обычно, мы, как правило, не станем утверждать, что мыслим быстрее, чем говорим: напротив, мысль кажется нам здесь неотделимой от ее выражения. Но с другой стороны, говорят о стремительности мысли, о том, что мысль пришла в голову молниеносно, что проблемы вмиг прояснились для нас и т.д. При этом возникает вопрос: не происходит ли при молниеносной мысли то же самое только предельно ускоренно, что и в случае обдуманной, немашиной речи? Так что в первом случае стрелка как бы обегает циферблат враз, во втором же, сдерживаемая словами, движется мало-помалу.

319. Я способен мгновенно схватить, или понять, мысль в целом, так же как могу набросать ее немногими словами или штрихами.

Что же делает данный набросок суммарным выражением этой мысли?

320. Мгновенная мысль может относиться к мысли, сформулированной словами, как алгебраическая формула к ряду чисел, в который она развертывается.

Если мне, например, дана алгебраическая функция, то я уверен, что смогу рассчитать ее значение для аргументов 1, 2, 3, до 10. Эту уверенность можно назвать "вполне обоснованной", ибо я обучен рассчитывать такие функции и т.д. В других случаях она не будет обоснованной но будет оправданной успешностью моих расчетов.

321. "Что происходит, когда человек что-то внезапно понимает?" Вопрос плохо сформулирован. Будь он вопросом о значении выражения "внезапно понять", ответ на него не был бы указанием на процесс, которому мы дали такое название. Этот вопрос мог бы означать: каковы признаки того, что человек внезапно понял что-то; каковы характерные психические проявления внезапного понимания?

(Нет основания считать, что человек чувствует, например, смену выражений своего лица или изменения дыхания, характерные для того или иного душевного движения. Даже если он чувствует их, обратив на них свое внимание.)
(Позирование.)

322. Что такое описание [внешних проявлений] не дает ответа на вопрос о значении выражения ["внезапно понять"], подталкивает к выводу, будто понимание особое, не поддающееся определению переживание. Но при этом забывается, что нас-то должен интересовать вопрос: как мы сравниваем эти переживания, какой критерий тождества мы устанавливаем для таких случаев?

323. "Теперь я знаю, как продолжить!" восклицание; оно сродни естественному вскрику, вспышке радости. Из моего впечатления, естественно, не следует, что при попытке продолжить ряд я не собьюсь. В некоторых случаях я бы при этом сказал: "Когда я говорил, что знаю, как продолжить, так оно и было". Это заявят, например, столкнувшись с непредвиденным препятствием. Но непредвиденным должно быть не просто то, что я сбиваюсь.

Можно было бы также представить себе, что человек, вроде бы уяснивший что-то, всякий раз восклицал: "Теперь до меня дошло!" а на деле никогда не мог бы оправдать это. Ему могло бы казаться, будто он в мгновение ока снова забывает значение представившейся ему картины.

324. Разве было бы верно утверждать, что дело здесь заключается в индукции

и что я столь же уверен в своей способности продолжить ряд, как уверен, что эта книга упадет на пол, стоит мне выпустить ее из рук; и что, если бы вдруг, без всяких видимых причин я оказался не в состоянии продолжить ряд, я бы удивился не меньше, чем если бы книга не упала на пол, а повисла в воздухе? На это я отвечаю, что как раз для такой уверенности мы не нуждаемся ни в каких основаниях. Разве что-нибудь способно оправдать уверенность лучше, чем успех?

325. "Уверенность, что я смогу продолжить ряд, после того как обрел данный опыт, например усмотрев эту формулу, зиждется просто на индукции". Что это значит? "Уверенность, что этот огонь меня сожжет, зиждется на индукции". Значит ли это, что я умозаключаю про себя: "Меня всегда сжигало пламя, следовательно, это случится и теперь"? Или же прежний опыт причина моей уверенности, а не ее основание? Является ли прежний опыт причиной уверенности? Это зависит от того, в какой системе гипотез, естественных законов рассматривается феномен уверенности.

Оправданна ли эта уверенность? То, что люди принимают за обоснование, показывает, как они мыслят и живут.

326. Мы ожидаем этого и поражаемся тому; но цепь оснований имеет конец.

327. "Можно ли мыслить, не говоря?" А что такое мыслить? Ну, а разве ты никогда не думаешь? Разве ты не можешь понаблюдать за самим собой и усмотреть, что же происходит? Ведь это должно быть совсем просто. Тебе же не надо дожидаться этого, как астрономического события, чтобы затем, может быть, в спешке делать наблюдения.

328. Ну, а что еще называют словом "мыслить"? По отношению к чему люди приучены употреблять данное слово? Разве, утверждая, что я мыслил, я всякий раз должен быть прав? Какого рода ошибка скрывается здесь? Существуют ли обстоятельства, при которых человек спросил бы: "Разве то, что я тогда делал, действительно было мышлением; не заблуждаюсь ли я?" Допустим, кто-нибудь в процессе размышлений проводит измерения; прекращает ли он мыслить, когда по ходу измерений перестает говорить с самим собой?

329. Когда я мыслю вербально, "значения" не предстают в моем сознании наряду с речевыми выражениями; напротив, сам язык служит носителем мысли.

330. Разве мышление род разговора? Хотелось бы сказать: это то, что отличает осмысленную речь от бессмысленного словоговора. И вот уж кажется, что мышление аккомпанемент речи. Некий процесс, который может сопровождать что-то другое или же протекать самостоятельно.

Произнеси фразу: "А перо-то, кажется, тупое. Ну ничего, сойдет". Сначала обдуманно; затем бездумно; наконец, воспроизведи только мысль, без слов. Ну, а по ходу действия я мог бы проверить кончик моего пера, скривить лицо, а затем со смиренной миной продолжить письмо. И, занимаясь различными измерениями, я бы мог вести себя так, что всякий наблюдающий за мной сказал бы, что я без слов думал: если две величины равны третьей, то они равны между собой. Но то, что здесь составляет мысль, не является процессом, который должен сопровождать слова, коль скоро их не следует произносить бездумно.

331. Представь себе людей, которые могли бы мыслить только вслух. (Как существуют люди, которые могут читать только вслух.)

332. Хоть мы иногда называем "мышлением" предложение вместе с сопровождающим его душевным процессом, но "мыслью" мы называем не это сопровождение. Произноси предложение и мысли его; произноси его с пониманием! А теперь, не произнося его, только делай то, что сопровождало его при осмысленном произнесении! (Спой эту песню с выражением! А теперь повтори

это выражение без пения! И здесь также можно что-то повторить; например, телодвижения, учащенное и замедленное дыхание и т.д.)

333. "Это может сказать только тот, кто в этом убежден". Как помогает ему убежденность, когда он высказывает это? Сосуществует ли она с высказанным выражением? (Или же перекрывается им, как перекрывается тихий тон громким, так что его уже как бы нельзя услышать при переходе к громкой тональности?) А что, если бы кто-то утверждал: "Чтобы суметь пропеть мелодию по памяти, нужно мысленно слышать и повторять ее"?

334. "Итак, ты, собственно, хочешь сказать..." С помощью этой фразы мы направляем кого-нибудь от одной формы выражения к другой. Человек склонен использовать такую картину: то, что он, собственно, "хотел сказать", что он "подразумевал", уже присутствовало в его сознании еще до того, как было высказано. Разного рода обстоятельства могут побудить нас отказаться от одной формы выражения и заменить ее другой. Чтобы это понять, полезно рассмотреть то отношение, в котором находится решение математической проблемы к причине и основанию ее постановки. Понятие "трисекции угла с помощью линейки и циркуля", когда люди пытаются проделать такое деление и, с другой стороны, когда доказано, что такового не существует.

335. Что происходит, когда мы стараемся, например, при написании письма найти правильное выражение для наших мыслей? Данный способ выражения уподобляет такой процесс переводу или описанию: мысли уже наличествуют (возможно, уже заранее даны) и мы просто ищем им выражение. Эта картина более или менее подходит для различных случаев. Но и происходит при всем том может разное! Я поддаюсь настроению, и выражение приходит. Или передо мной возникает некая картина, которую я стараюсь описать. Или же: мне приходит в голову английское выражение, а я пытаюсь припомнить его немецкий эквивалент. Или я делаю жест и спрашиваю себя: "Какие слова соответствуют этому жесту?" И т.д.

Ну, а каким должен быть ответ на вопрос: "Есть ли у тебя мысль до того, как ты ищешь для нее выражение?" Или на вопрос: "В чем состояла эта мысль, как она существовала до ее выражения?"

336. Это напоминает случай, когда человеку представляется, что нельзя непосредственно мыслить предложениями с таким странным порядком слов, как в немецком или латинском языке. На этих языках, по его мнению, сначала нужно мыслить, а потом уже расставлять слова в их необычном порядке. (Некий французский политик написал однажды, что особенность французского языка состоит в том, что в нем слова стоят в том же порядке, как их мыслят.)

337. Но разве я уже с самого начала не замышлял, скажем, целостную конструкцию, скажем, предложения? Выходит, она уже была в моем сознании еще до того, как была высказана! Если бы она присутствовала в моем сознании, то было бы противоестественно, чтобы порядок слов в ней был другим. Но мы тут вновь создаем вводящую в заблуждение картину "замышляемого" (Beabsichtigen), а значит, и употребления этого слова. Намерение вплетено в соответствующую ситуацию, в людские обычаи и институты. Не существуй техники игры в шахматы, у меня не могло бы возникнуть намерение сыграть шахматную партию. То, что я в общем и целом заранее замышляю определенную конструкцию предложения, обеспечивается тем, что я могу говорить по-немецки.

338. Ведь сказать что-то можно, лишь научившись говорить. Выходит, тот, кто намерен что-то сказать, тоже должен научиться этому, овладеть языком.

И все-таки ясно, что, желая говорить, не обязательно говорят, как можно хотеть танцевать, не танцуя.

А раздумывая об этом, мы мысленно прибегаем к представлению о танце, речи и т.д.

339. Мышление не является нематериальным (*unkörperlicher*) процессом, который придает жизнь и смысл речи и который можно было бы отделить от речи, подобно тому как дьявол удалил с Земли тень Шлемиля. Но как это понимать: "не является нематериальным процессом"? Стало быть, мне известны "нематериальные процессы", но мышление не является одним из них? Нет, выражение "нематериальный процесс" я привлек на помощь, находясь в затруднительном положении и пытаюсь наиболее простым способом объяснить значение слова "мыслить".

Однако можно было бы сказать "Мышление нематериальный процесс", если бы мы таким образом хотели отличить, например, грамматику слова "мыслить" от грамматики слова "питаться". Только это слишком слабо выявляет разницу значений. (Это все равно что сказать: "Цифры это действительные, а числа не"действительные объекты.) Неудачный способ выражения верное средство впасть в путаницу. Он как бы преграждает выход из нее.

340. Как функционирует какое-нибудь слово, нельзя угадать. Следует взглянуть в его употребление и научиться на этом.

Трудность, однако, состоит в том, чтобы устранить предрассудок, препятствующий этому обучению. Это не глупый предрассудок.

341. Лишенную мысли и осмысленную речь следует сравнить с механическим и осмысленным исполнением музыкального произведения.

342. Уильям Джемс, чтобы показать возможность мышления без речи, цитирует воспоминания одного глухонемого, мистера Балларда, поведавшего, что он еще в раннем возрасте, до того как научился говорить, размышлял о Боге и мире. Что бы это могло значить! Баллард пишет: "Именно во время этих очаровательных прогулок, за два или три года до моего приобщения к азам письменного языка, я начал задавать себе вопрос, как возник мир". Уместно спросить его: а уверен ли ты, что это правильный перевод твоих бессловных мыслей в слова? И почему здесь приходит в голову этот вопрос, который в других обстоятельствах, кажется, вовсе не возникает? Хочу ли я сказать, что пишущего обманывает его память? Я даже не знаю, сказал ли бы я это. Эти воспоминания необычное явление памяти, и я не знаю, какие выводы о прошлом рассказчика можно было бы извлечь из них!

343. Слова, которыми я выражаю мои воспоминания, это мои реакции на воспоминания.

344. Мыслимо ли, чтобы люди, никогда не говорившие вслух, при всем том владели внутренней речью, молчаливо обращались к самим себе?

"Если бы люди всегда беззвучно говорили лишь с самими собой, то они бы просто делали постоянно то, что делают время от времени и сегодня". Следовательно, это совсем нетрудно себе представить, достаточно сделать несложный переход от некоторых ко всем. (Подобно тому как: "Бесконечно длинный ряд деревьев это просто ряд, который не имеет конца".) Критерием того, что человек разговаривает про себя, служит для нас то, что он говорит нам, и все его остальное поведение. Мы утверждаем, что человек разговаривает с самими собой, только в том случае, если он может говорить и в обычном смысле этого слова. Мы же не говорим этого о попугае или о граммофоне.

345. "Что происходит иногда, могло бы происходить всегда". Для чего могло

бы сгодиться такое предложение? Оно напоминает следующее: "Если $F(a)$ имеет смысл, то имеет смысл и $(x) F(x)$ ". "Если может случиться, что кто-то в игре сделает ложный ход, то можно допустить, что и все люди во всех играх не делают ничего другого, кроме ложных ходов". Так нами овладевает искушение искаженно понять логику наших выражений, неправильно представить употребление наших слов.

Приказы иногда не выполняют. Но что бы вышло, если бы приказы никогда не выполнялись? Понятие "приказ" потеряло бы смысл.

346. А разве нельзя вообразить, что Бог вдруг дарует разум попугаю и тот начинает говорить с самим собой? Но здесь важно то, что для такого представления мне потребовалось вообразить божество.

347. "Но по себе-то я знаю, что значит "говорить с самим собой". И будь я лишен органов звуковой речи, я все же мог бы вести разговоры с самим собой".

Если я знаю это только применительно к себе, то, выходит, я знаю лишь то, что я так называю, а не то, что кто-то другой называет так.

348. "Эти глухонемые обучены общению лишь на языке жестов, с самим же собой, внутренне, каждый из них говорит на языке звуков". Ну разве тебе не понятно это? Ну, а как я могу узнать, понимаю ли я это?! Что можно делать с этим сообщением (если оно является таковым)? Вся идея понимания приобретает здесь сомнительный привкус. Не знаю, должен ли я ответить, что мне понятно это или же что непонятно. Я готов ответить: "Это немецкое предложение; на вид пока не пытаешься включить его в действие оно в полном порядке; оно взаимосвязано с другими предложениями, и потому так уж сразу не скажешь, что мы, по сути, не знаем, о чем оно говорит. Каждый, чья восприимчивость не притуплена философствованием, замечает, что здесь что-то не так".

349. "Но это же вполне осмысленное допущение". Да, при обычных обстоятельствах эти слова и эта картина имеют привычное для нас применение. Если же, допустим, такое применение отпадает, то мы как бы впервые осознаем эти слова и эту картину в обнаженном виде.

350. "Но, предполагая, что кто-то испытывает боль, я ведь просто допускаю, что он чувствует то же самое, что так часто ощущал я сам". Это ничего не дает. Это все равно что я бы сказал: "Ты же знаешь, что значит "сейчас здесь 5 часов"; выходит, знаешь и что значит "сейчас на Солнце 5 часов". Это просто означает, что там точно такое же время, как и здесь, если здесь 5 часов". Объяснение с помощью тождества (*Gleichheit*) здесь не действует. Хоть я и знаю, что 5 часов здесь и 5 часов там можно назвать "одинаковым временем", но не знаю, в каких именно случаях следует говорить, что время тут и там одинаково.

Не является объяснением и фраза: предположение, что он испытывает боль, просто допущение, что он чувствует то же, что и я. Просто я вполне владею этим элементом "грамматики", то есть мне понятно: если бы говорили: печке больно и мне больно, тем самым утверждалось бы, что печь испытывает то же, что и я.

351. И все же мы по-прежнему склонны заявлять: "Чувство боли есть чувство боли испытывает ли его он или я, и я так или иначе узнаю, больно ему или нет". С этим я вполне мог бы согласиться. А спроси ты меня: "В таком случае неужели ты не знаешь, что я имею в виду, говоря, что печке больно?" я мог бы на это ответить: "Эти слова способны вызвать у меня самые разнообразные представления, но от этого мало толку". Я в состоянии что-то представить себе и в связи со словами: "На Солнце было как раз 5 часов пополудни", например,

настенные часы, показывающие 5. Но еще более удачным примером было бы применение слов "сверху", "снизу" к земному шару. В этом случае мы имеем совершенно отчетливое представление о том, что означает "сверху" и что "снизу". Ведь я вижу, что я сверху, а земля подо мной! (И не смейся над этим примером! Да, еще в начальной школе нам втолковывали, что глупо так говорить. Но куда легче похоронить проблему, чем решить ее.) И только размышление показывает нам, что в этом случае слова "сверху" и "снизу" используются необычным образом. (Так мы можем говорить об антиподах как о людях, живущих "в низу" нашего земного шара. Но и за ними нужно признать право употреблять то же самое выражение по отношению к нам.)

352. При этом случается, что мышление разыгрывает с нами удивительные трюки. Например, ссылаясь на закон исключенного третьего, мы готовы заявить: "Одно из двух: подобная картина либо представляется, либо же нет; третьего не дано!" Этот странный аргумент встречается и в других областях философии. "При бесконечном десятичном разворачивании числа p либо встречается группа "7777", либо же нет третьего не дано". То есть: богу это известно, мы же этого не знаем. Но что сие значит? Мы используем картину, картину видимого ряда, обозримого для одного, а для другого нет. Тут закон исключенного третьего гласит: это должно выглядеть либо так, либо этак. Таким образом, по сути, он вовсе ничего не говорит и это самоочевидно, но предлагает нам некую картину. И проблема теперь должна заключаться в том, соответствует ли действительность этой картине или нет. Причем кажется, будто эта картина определяет, что и как мы должны делать и к чему стремиться, но этого не происходит, и как раз потому, что мы не знаем, как ее нужно применять. В словах "Третьего не дано" или "Ведь третьего же не дано!" выражается лишь то, что мы не в состоянии отвести взгляд от этой картины, картины, которая выглядит так, словно в ней уже должны содержаться и проблема и ее решение, в то время как мы чувствуем, что это не так.

Подобно этому фраза "Он либо испытывает данное ощущение, либо же нет" прежде всего вызывает в нашем сознании некую картину, которая, казалось бы, уже безошибочно определяет смысл этих высказываний. Как бы хочется сказать: "Теперь ты знаешь, о чем идет речь". Но как раз этого из данной фразы он еще не узнает.

353. Вопрос о том, возможно ли, и если да, то как верифицировать предложение, это просто особая форма вопроса: "Что под этим подразумевается?" Ответ вклад в грамматику предложения.

354. Грамматические колебания между критериями и симптомами создают впечатление, будто вообще существуют только симптомы. Мы говорим, например: "Опыт учит, что когда барометр падает, идет дождь; но он учит и тому, что в случае дождя мы испытываем определенные ощущения сырости и холода или же такие-то зрительные впечатления". Приводится и тот довод, что чувственные впечатления могут нас обманывать. Но при этом упускается из виду, что этот факт, что ощущения вводят нас в заблуждение относительно дождя, находит свое основание в дефиниции.

355. Дело не в том, что наши чувственные впечатления могут нас обмануть, а в том, чтобы мы понимали их язык. (Язык же этот, как и любой другой, основывается на соглашениях.)

356. Человек склонен говорить: "Дождь либо идет, либо не идет иное дело, как я это узнаю, как до меня доходит весть об этом". Ну, а поставим такой вопрос: что я называю "известием о том, что идет дождь"? (Или же и об этом

сообщении я располагаю только сообщением?) Что же тогда придает этому "сообщению" характер сообщения о чем-то? Не дезориентирует ли нас здесь форма выражения? Не внушаются ли нам ошибочные представления такой метафорой: "Мои глаза извещают меня о том, что там стоит стул"?

357. Мы не говорим: собака, возможно, разговаривает сама с собой. Потому ли, что мы так основательно знаем ее психику? Что ж, можно было бы сказать: наблюдая поведение живого существа, наблюдают и его психику. Но разве скажешь о себе: я разговариваю сам с собой, потому что веду себя таким-то образом? На основе наблюдений за своим поведением я этого не говорю. Но это утверждение имеет смысл только потому, что я веду себя таким образом. Так не потому ли оно имеет смысл, что я подразумеваю это?

358. Так не наше ли подразумевание придает смысл предложению? (С этим, конечно, связано и то, что, имея бессмысленный ряд слов, невозможно что-то подразумевать.) Осмысливание осуществляется в сфере душевного, и оно также является чем-то сугубо личным! Это неуловимое нечто, сопоставимое только с самим сознанием.

Как можно находить это смешным! Это как бы сон нашего языка.

359. Может ли машина думать? Может ли она испытывать боль? Что же, разве мы должны называть человеческое тело такой машиной? А ведь оно, насколько возможно, приближается к тому, чтобы быть такой машиной.

360. Но машина же не способна думать! Разве это эмпирическое утверждение? Нет. Только о человеке и ему подобных мы говорим, что они думают. Мы говорим это и о куклах и еще, пожалуй, о привидениях. Рассматривай слово "думать" как инструмент!

361. Стул думает про себя: ...

ГДЕ? В одной из своих частей? Или вне своего тела, в окружающем его воздухе? Или же вообще нигде? Как же тогда различить внутреннюю речь этого стула и другого, стоящего вон там? Ну, а как обстоит дело с человеком; где он разговаривает с самим собой? Отчего этот вопрос кажется бессмысленным? И почему в данном случае не требуется уточнять место, а достаточно указать, что именно этот человек говорит с самим собой? В то же время вопрос, где происходит разговор стула с самим собой, кажется требующим ответа. Дело в том, что мы хотим знать, каково предполагаемое подобие стула человеку; имеется ли в виду, например, что в верхней части спинки находится голова и т.д.

Как, собственно, человек мысленно говорит с самим собой, что при этом происходит? Каким образом я должен объяснять это? Ну, лишь таким образом, каким ты мог бы научить кого-то значению выражения "говорить с самим собой". Ведь мы еще детьми усваиваем значение этого выражения. Только о нашем наставнике никак не скажешь: он учит этому, объясняя "что здесь происходит".

362. Напротив, нам кажется, будто наставник в данном случае косвенно внушает обучаемому значение выражения не говоря ему об этом прямо; что обучаемый в конце концов будет подведен к тому, что сам даст правильное указательное определение. Но это наша иллюзия.

363. "Если мне что-то представляется, то что-то же, вероятно, происходит!" Ну, что-то происходит а чего ради я издаю при этом некий звук? По-видимому, для того, чтобы сообщить, что происходит. Но как вообще сообщают о чем-то? Когда говорят, что о чем-то сообщено? Что собой представляет языковая игра сообщения?

Я бы сказал: ты преувеличиваешь самоочевидность того, что человек

способен о чем-то поведать кому-то. Иначе говоря, мы так привыкли к сообщениям, передаваемым с помощью языка, речи, что нам кажется, будто вся суть сообщения состоит в том, что другой постигает смысл моих слов то есть нечто духовное, как бы впускает его в свое сознание. Если же он при этом прodelывает с ним и что-то еще, это не имеет отношения к непосредственной цели языка.

Люди склонны утверждать: "Благодаря сообщению они знают, что мне больно; оно вызывает этот духовный феномен; все остальное для сообщения несущественно". Выяснение же того, чем является этот странный феномен знания, предоставляется времени. Ведь душевные процессы необычны! (Это все равно что сказать: "Часы показывают нам время. Что такое время, еще не установлено. А зачем людям считать показания времени к делу не относится".)

364. Кто-то производит в уме какой-то расчет. Полученный результат он применяет, скажем, при создании моста или машины. Склонен ли ты сказать, что на самом деле он нашел это число не с помощью расчета? Что оно явилось ему словно во сне? Но ведь его нужно было рассчитать, и оно было рассчитано. Он же знает, что и как он рассчитал, и что правильный результат был бы необъясним без вычисления. Ну, а если бы я сказал: "Ему лишь показалось, что он вычислил. А почему надо объяснять правильность результата? Разве объяснишь сколько-нибудь убедительно уже то, что, ни слова не говоря, не делая никаких пометок, он вообще мог ВЫЧИСЛЯТЬ?"

Разве вычисление в воображении в некотором смысле менее реально, чем расчет на бумаге? Это реальное вычисление в уме. Похоже ли оно на вычисление на бумаге? Не знаю, называть ли их сходными. Разве лист белой бумаги с черными линиями на нем похож на человеческое тело?

365. Разыгрывают ли Адельхайд и епископ настоящую шахматную партию? Конечно. Они не просто прикидываются играющими что было бы вполне возможно в театральном спектакле. Ну, а если бы партия, скажем, не имела начала! Да как же так! Тогда она не была бы шахматной партией.

366. Является ли счет в уме менее реальным, чем счет на бумаге? Пожалуй, мы склонны утверждать нечто подобное; однако к этому вопросу можно подойти и с противоположной точки зрения, сказав себе: бумага, чернила и т.д. лишь логические конструкции из наших чувственных данных.

"Умножение... я выполнил в уме" разве я не верю такому высказыванию? Но действительно ли это было умножением? Это было не просто "какое-то" умножение, а это умножение выполняемое в уме. Вот тут-то я и заблуждаюсь. Ибо теперь я склонен заявить: здесь имел место некий духовный процесс, соответствующий умножению на бумаге. Так что имело бы смысл говорить: "Этот процесс в сфере духа соответствует этому процессу на бумаге". А тогда имело бы смысл говорить о способе отображения, согласно которому мысленный образ знака представляет сам знак.

367. Картина представления это такая картина, которую описывают в том случае, когда описывают свое представление.

368. Я описываю кому-то комнату, а после велю ему нарисовать некую импрессионистическую картину на основе моего описания в знак того, что он его понял. А он изображает стулья, которые в моем описании были зелеными, темно-красной краской; там, где говорилось о "желтом", он изображает "голубое". У него сложилось об этой комнате такое впечатление. Я же в таком случае говорю: "Да уж, похоже дальше некуда".

369. Кто-то готов спросить: "Как и что происходит, когда человек считает в

уме?" И в каком-то конкретном случае возможен ответ: "Сначала я складываю 17 и 18, затем вычитаю 39..." Но это не ответ на наш вопрос. Таким способом не объяснить, что называется счетом в уме.

370. Следует спрашивать не о том, что такое представления или же что происходит, когда человек что-то представляет, а о том: как употребляется слово "представление". Но это не означает, что я хочу говорить лишь о словах. Ведь и вопрос о природе представления, равно как и мой вопрос, обращен к слову "представление". А говорю я лишь о том, что этот вопрос не должен решаться ни для человека, что-то себе представляющего, ни для другого лица путем указания или описания какого-нибудь процесса. Первый вопрос тоже вопрошает об истолковании слова, но склоняет нас к ожиданию неверного типа ответа.

371. Сущность ярко выражается в грамматике.

372. Обдумаем: "В языке единственным коррелятом природной необходимости выступает установленное правило. Это единственное, что в том или ином предложении можно выжать (*abziehen*) из этой безусловной необходимости".

373. О том, какого рода объектом является нечто, дает знать грамматика. (Теология как грамматика.)

374. Большая трудность заключается здесь в том, чтобы не изображать дело так, будто есть нечто, что человек не в состоянии сделать. Как будто имеется предмет, из которого я вывожу его описание, будучи не в состоянии показать его кому бы то ни было. И пожалуй, лучшее, что я могу здесь предложить, это поддаться искушению использовать данную картину, а затем исследовать, как выглядит применение этой картины.

375. Как обучают кого-нибудь читать про себя? Как узнают, что он это усвоил? Как он сам узнает, что делает то, что от него требуется?

376. Когда я в уме произношу алфавит, каков критерий того, что я делаю то же самое, что и другой, беззвучно повторяющий алфавит? Можно установить, что в моей гортани при этом происходит то же самое, что и в его. (Как и в том случае, когда мы оба думаем об одном и том же, желаем одного и того же и т.д.) Но разве употреблению слов "произносить про себя то-то" мы учились посредством указания на процесс в гортани или же в мозгу? И разве нельзя допустить также, что моему и его представлениям о звуке а соответствуют разные физиологические процессы? Вопрос в том: как сравниваются представления?

377. Логик, вероятно, подумает: тождественное есть тождественное. А как человек убеждается в тождестве это уже психологический вопрос. (Высокое есть высокое а то, что человек иногда видит это, а иногда слышит, относится к психологии.)

Что служит критерием тождества двух представлений? Каков критерий того, что представляется красное? Когда речь идет о ком-то другом, для меня таким критерием выступает то, что он говорит и делает. Если же это касается меня самого, то у меня таких критериев вообще нет. То, что справедливо для "красного", справедливо также и для -тождественного".

378. "Прежде чем сделать вывод, что два моих представления тождественны, я должен их узнать как одинаковые". А если это произошло, как мне узнать, что слово -тождественный" описывает то, что я узнал? Это возможно лишь при том условии, если я способен выражать это узнавание каким-то явным образом и другой человек в состоянии научить меня, что подходящим словом для такого случая является слово -тождественный".

Ведь если я нуждаюсь в обосновании употребления слова, то оно должно быть обоснованием и для другого.

379. Сначала я удостоверяюсь, что нечто есть это; а затем вспоминаю, как оно называется. Поразмышляй: в каких случаях можно по праву это сказать?

380. Как я узнаю, что это красное? "Я вижу, что оно таково; ну и мне известно, что это называется так". Это? Что именно?! Какого рода ответ на такой вопрос имеет смысл?

(Ты все снова и снова ориентируешься на указательное определение на базе внутреннего опыта.)

К персональному переходу от увиденного к слову нельзя было бы применить никаких правил. Правила здесь и впрямь повисали бы в воздухе; из-за отсутствия института их применения.

381. Как я узнаю, что этот цвет красный? Ответом было бы: "Я же владею немецким языком".

382. Как можно подтвердить, что при этих словах у меня возникает это представление?

Разве кто-то указывал мне на представление синего цвета и говорил, что оно является представлением синего?

Что означают слова "это представление"? Как человек указывает на представление? Как дважды указывают на одно и то же представление?

383. Мы анализируем не феномен (например, мышление), а понятие (например, мышления), а стало быть, употребление слова. Поэтому может показаться, будто мы придерживаемся номинализма. Номиналисты делают ошибку, толкуя все слова как имена, то есть реально не описывая их употребление, а как бы давая лишь бумажные инструкции к такому описанию.

384. Понятие "боль" ты усвоил вместе с языком.

385. Спроси себя: мыслимо ли, чтобы кто-то научился вычислению в уме, не вычислявши до этого письменно или устно? "Научиться этому" означает здесь: обрести умение делать это. Вопрос лишь в том, что считать критерием того, что кто-то это умеет. А разве невозможно, чтобы какому-то племени был бы знаком только счет в уме, и никакой другой? В таком случае стоит спросить: "А как бы это выглядело?" И придется представить себе это как некий предельный случай. Но тогда возникает вопрос, склонны ли мы при этом все еще пользоваться понятием "вычисления в уме" или при таких обстоятельствах оно утрачивает свое назначение; поскольку явления тяготеют тут к другому образу.

386. "Но почему ты так мало доверяешь самому себе? Ведь обычно ты все-таки знаешь, что такое "вычислять". Так, заявив, что мысленно вычисляешь что-то, ты выполняешь это. Не вычислив, ты не говоришь, что вычислил. Так же как если ты скажешь, что представляешь себе что-то красное, то это и будет красным. Да и в других случаях тебе известно, что такое "красное". К тому же: ты не всегда полагаешься на согласие других; ибо часто сообщаешь, что видел что-то, чего не видел никто другой". Но ведь я доверяю самому себе я же говорю без колебаний, что вычислил это в уме, что мне представился этот цвет. Трудность состоит не в том, что я "де сомневаюсь, действительно ли мне представилось что-то красное. Дело вот в чем: мы должны быть в состоянии сразу же показать или описать, какой цвет представился нам, так чтобы иллюстрация представления в действительности не составляла для нас никакого труда. Тогда, выходит, они настолько похожи, что их можно спутать? Но я же способен сразу узнать человека по его изображению. Да, но можно ли спросить "как выглядит правильное представление этого цвета?", или же "как его

обретают?"; могу ли я научиться этому?

(Я не могу принять его свидетельство, потому что это не свидетельство. Он говорит мне лишь то, что склонен сказать.)

387. Глубокий аспект вопроса легко ускользает от нас.

388. "Хотя я и не вижу здесь ничего фиолетового, но, если ты мне дашь коробку с красками, я смогу показать тебе в ней этот цвет". Как человек может знать, что он в состоянии показать его, если..., то есть что увидев его, можно узнать?

Каким образом, основываясь на своем представлении, я знаю, как действительно выглядит цвет?

Откуда мне известно, что я смогу нечто сделать? То есть что мое нынешнее состояние как раз то, в котором я способен это сделать?

389. "Представление должно походить на свой объект больше, чем любая картина: ибо, сколь бы ни походила создаваемая картина на то, что она должна изображать, она всегда может быть и картиной чего-то другого. Но в самой природе представления заложено, что оно является представлением этого, а не чего-то другого". Таким образом можно прийти к тому, чтобы рассматривать представление как суперизображение.

390. Разве можно себе представить, что камень обладает сознанием? Будь некто на такое способен разве этим просто не подтверждалось, что для нас представляет интерес не это изоциренное воображение?

391. Я еще могу, пожалуй, представить себе (хотя это и нелегко), что каждый из людей, которых я вижу на улице, испытывает ужасные боли, но искусно их скрывает. При этом важно, чтобы я представлял себе, что в данном случае означает искусное притворство. То есть чтобы я попросту не сказал себе: "Так у него же болит душа, а при чем здесь его тело!" или "В конце концов это не должно сказываться на его теле!". Ну, а если я это себе представляю что я стану делать, что говорить себе самому, как смотреть на людей? Я смотрю, например, на кого-нибудь думаю про себя: "Должно быть, тяжело смеяться, испытывая такие боли" и много другого в том же духе. Я словно бы играю некую роль, веду себя так, как если бы другим было больно. Когда так поступаешь, принято, например, говорить, что тебе представляется...

392. "Когда я представляю себе, что ему больно, со мной, собственно, происходит лишь..." При этом кто-то другой говорит: "Я полагаю, что могу это себе представить, и не думая при этом..." ("Я полагаю, что могу думать без участия речи".) Это ни к чему не ведет. Анализ колеблется между естественно"научным и грамматическим.

393. "Представляя себе, что смеющемуся человеку на самом деле больно, я, однако, не представляю себе какого-то болевого поведения, ибо вижу как раз противоположное. Что же тогда я представляю себе?" Я сказал уже об этом. А представлять себе, будто я чувствую боль, не обязательно. "Но тогда как же это осуществляется: как это себе представляют?" Ну, а где (вне философии) употребляются такие слова: "Я могу себе представить, что ему больно", или "Мне представляется, что...", или же "Представь, что...!"?

Человеку, которому предстоит исполнить театральную роль, говорят, например: "Ты должен здесь себе представить, что этому человеку больно, но он это скрывает", и при этом ему не дают никаких указаний, не говорят, что реально ему нужно делать. Вот почему выполненный анализ тоже не затрагивает сути дела. Мы здесь наблюдаем за актером, представляющим себе эту ситуацию.

394. При каких обстоятельствах мы бы спросили кого-нибудь: "Что,

собственно, в тебе происходило, когда ты представлял себе это?" И какого ответа ожидали бы?

395. Отсутствует ясность относительно того, какую роль играет в нашем исследовании способность представления. То есть, в какой мере она гарантирует смысл предложения.

396. То, что человеку в связи с предложением что-то представлялось бы, столь же мало существенно для понимания предложения, как и то, что в соответствии со своим представлением он бы делал к нему некий эскиз.

397. Вместо "возможности представления" здесь можно также говорить о возможности изображения тем или иным способом. А такое изображение, конечно, может указать надежный путь к дальнейшему употреблению предложения. С другой стороны, картина может стать навязчивой и оказаться совершенно бесполезной.

398. "Но ведь, что-то себе представляя или же действительно видя предметы, я обладаю чем-то, чем не располагает мой сосед". Я тебя понимаю. Тебе хочется оглядеться вокруг себя и сказать: "Во всяком случае, ЭТИМ обладаю лишь я". К чему эти слова? Они ни на что не годятся. Верно, и разве нельзя добавить: "Здесь и речи нет ни о каком "видении" а потому и ни о каком "обладании" и ни о каком субъекте, а значит, и ни о каком "я"?" Разве можно не спросить: в каком смысле ты обладаешь тем, о чем ведешь речь и утверждаешь, что только ты обладаешь им? Разве ты им владеешь? Ты его не видишь разом. Разве тебе не следовало бы сказать, что этим не владеет никто? И ясно также: если логически исключить, что кто-то другой обладает чем-то, то утверждение, что этим обладаешь ты, теряет смысл.

А о чем ты тогда говоришь? Да, я говорил, что внутренне знаю, что ты имеешь в виду. А это означало: мне известно, как мыслится восприятие, видится этот объект, как предполагается указывать на него, скажем взглядом и жестом. Я знаю, как в этом случае люди смотрят перед собой, вокруг себя и прочее. Я думаю, можно сказать: ты говоришь (например, сидя в комнате) о некой "визуальной комнате". "Визуальная комната" это то, что не имеет обладателя. Я в столь же малой мере могу обладать ею, как и пройтись по ней, осмотреть ее или указать на нее. Поскольку она не может быть чьей-то еще, она не принадлежит и мне. Иначе говоря: она не принадлежит мне если пытаться применить к ней ту же форму выражения, что и к материальной комнате, в которой я сижу. Описание последней не нуждается в упоминании ее владельца; и она не обязательно имеет владельца. Но тогда и визуальная комната может не иметь владельца. "Ведь она не имеет, можно сказать, никакого хозяина ни вне, ни внутри нее".

Представь себе, что на картине изображен вымышленный пейзаж с домом и кто-то спрашивает: "Кому принадлежит дом?" Между прочим, на это можно было бы ответить: "Крестьянину, который сидит перед ним на скамейке". Но в таком случае он не может, например, войти в свой дом.

399. Можно было бы также сказать: ведь владелец визуальной комнаты должен быть однотипен комнате; однако в ней его нет, а какого-то "вне" (Außen) тоже не существует.

400. Тот, кто как бы открыл "визуальную комнату", на самом деле нашел только новый способ речи, новое сравнение и, можно сказать, новое впечатление.

401. Эту новую точку зрения ты толкуешь как видение нового объекта. Предпринятый тобой же грамматический маневр ты толкуешь как

квазифизическое явление, которое ты наблюдаешь. (Подумай, например, над вопросом: "Является ли чувственно данное тем материалом, из которого строится Вселенная?")

Но небезупречно мое выражение: ты предпринял "грамматический" маневр. Прежде всего ты открыл новый взгляд на вещи. Это подобно тому, как если бы ты изобрел новый стиль живописи; или новый стихотворный размер, или же новый вид пения.

402. "Хотя я и говорю: "Сейчас у меня вот такое представление", однако слова "у меня" это лишь знак для кого-то другого: в описании же представления изображается весь представляемый мир". Ты имеешь в виду: слова "у меня" подобны возгласу "Внимание!". Ты склонен утверждать, что, по сути, все это должно выражаться иначе. Например, человек просто сделает знак рукой, а затем даст описание. Не соглашаясь, как в данном случае, с выражениями нашего повседневного языка (тем не менее несущими свою службу), мы бываем движимы мысленной картиной, противоречащей картине нашего обычного способа выражения. В таком случае мы испытываем искушение утверждать, что наш способ выражения описывает факты не такими, каковы они в действительности. Как если бы, например, предложение "Ему больно" могло быть ложным и иным образом, не только оттого, что этому человеку не больно. Слово бы форма выражения сообщала что-то ложное, даже если данное предложение с необходимостью утверждало бы что-то истинное.

Ведь именно так выглядят споры между идеалистами, солипсистами и реалистами. Одни так нападают на нормальную форму выражения, словно они атакуют некоторое утверждение; другие же так защищают ее, как если бы они констатировали факты, признаваемые каждым разумным человеком.

403. Если бы словом "боль" я обозначал лишь то, что ранее называл "моей болью", а другие "болью Л.В.", я бы не нанес другим людям никакого ущерба, коль скоро предусмотрена система обозначений, в которой выпадение слова "боль" из других сочетаний было бы как-то восполнено. Тогда другим людям по-прежнему соболзновали бы, их бы лечили врачи и т.д. Естественно, не было бы никаких возражений и против такого вот способа выражения: "Но другие ведь испытывают то же, что и ты!"

А что бы выигрывалось от этого способа изложения? Ничего. Но и солипсист, защищая свои взгляды, не стремится ни к каким практическим преимуществам!

404. "Говоря "мне больно", я не указываю на персону, испытывающую боль, так как в известном смысле вовсе не знаю, кому больно". И это можно обосновать. Ибо прежде всего: я же не утверждал, что то или иное лицо испытывает боль, а сказал "я испытываю...". Ну, а тем самым я ведь не называю никакого лица. Так же как никого не называю, когда от боли издаю стон. Хотя другой человек может понять по стону, кто испытывает боль.

Что же означает тогда: знать, кому больно? Это значит, например, знать, какой человек в этой комнате испытывает боль тот ли, кто сидит там, или тот, кто стоит в этом углу, или же тот рослый блондин и т.д. Что я хочу всем этим сказать? То, что существуют самые разные критерии "идентичности" личности.

Ну, а какой же из них побуждает меня сказать, что "мне" больно? Ни один.

405. "Но ведь, говоря "Мне больно", ты же, во всяком случае, хочешь привлечь внимание других к особому лицу". Ответом могло бы быть: "Нет, я хочу обратить их внимание только на меня".

406. "И все же словами "Я испытываю..." ты хочешь провести различие между тобой и другими". Можно ли это сказать во всех случаях? Даже если я

просто издаю стон? Да и желая "провести различие" между мной и другими людьми разве я хочу тем самым провести различие между личностями Л.В. и N.N.?

407. Человек мог бы подумать, что кто-то стонет: "Кому-то больно не знаю кому!" а потом поспешить этому стонавшему на помощь.

408. "Однако у тебя не возникает вопроса, испытываешь ли боль ты или же кто-то другой!" Предложение "Я не знаю, больно ли мне или кому-то другому" было бы логическим производением, и одним из его сомножителей было бы: "Я не знаю, больно ли мне или нет", а это не является осмысленным предложением.

409. Представь себе, что несколько человек, среди них и я, стали в круг. Кто-то из нас, то один, то другой, соединяется с полюсами электрической машины, но так, что мы этого не можем видеть. Я наблюдаю за лицами людей и стараюсь узнать, кто же из нас в данный момент находится под током. Вдруг я говорю: "Теперь я знаю, кто это; это как раз я". В этом смысле я бы мог также сказать "Теперь я знаю, кто здесь ощущает удар тока: это я сам". Это был бы несколько необычный способ выражения. Но если предположить, что я могу чувствовать удар тока и тогда, когда под током находится кто-то другой, то выражение "Теперь я знаю, кто..." становится совершенно неуместным. Оно не принадлежит этой игре.

410. "Я" не наименование какой-то персоны, "здесь" не название какого-нибудь места, "это" не имя. Но они находятся во взаимосвязи с именами. С их помощью объясняются имена. Верно также, что для физики не свойственно употреблять эти слова.

411. Подумай, как можно применять эти вопросы и как разрешать:

1) "Мои ли это книги?"

2) "Моя ли это нога?"

3) "Мое ли это тело?"

4) "Мое ли это ощущение?"

Каждый из этих вопросов имеет практическое (нефилософское) применение.

К 2): Подумай о случаях, когда моя нога анестезирована или парализована. При определенных обстоятельствах вопрос можно было бы решить, установив, чувствую ли я в этой ноге боль.

К 3): При этом человек мог бы указывать на изображение в зеркале. Но при некоторых обстоятельствах кто-то мог бы задать этот вопрос, и коснувшись тела рукой. При других же он был бы равнозначен вопросу: "Неужели мое тело выглядит так?"

К 4): Какое именно ощущение здесь выделено как это? То есть: как употребляется тут указательное местоимение? Несомненно, иначе, чем, скажем, в первом примере! При этом путаница возникает из-за того, что человеку представляется, будто, обращая внимание на какое-то ощущение, он тем самым указывает на него.

412. Чувство непреодолимой пропасти между сознанием и мозговым процессом: как получается, что на размышлениях нашей повседневной жизни это не сказывается? Мысль об этом принципиальном различии связана с легким головокружением, наступающим тогда, когда мы проделываем логические трюки. (Подобные же головокружения вызывают у нас некоторые теоремы теории множеств.) Когда же в данном случае нас охватывает это чувство? Ну, например, когда я особым образом направляю свое внимание на собственное сознание и, словно бы хватаясь при этом за лоб, с изумлением говорю себе: предполагается, что ЭТО порождено мозговым процессом! Но что это может

означать: "направить свое внимание на собственное сознание"? Что может быть более странным, чем это? То, что я бы назвал таким образом (ибо эти слова реально не употребляются в обыденной жизни), было неким актом созерцания. Я смотрел остановившимся взглядом прямо перед собой но вовсе не на какую-то определенную точку или предмет. Мои глаза были широко раскрыты, брови не были сдвинуты (как это бывает в большинстве случаев, когда я интересуюсь определенным объектом). Созерцанию не предшествовал какой-то интерес подобного рода. Мой взгляд был "отсутствующим"; или же напоминал взгляд человека, любующегося освещением неба и впитывающим его свет.

А подумай"ка над тем, что предложение, произнесенное мною как парадокс (это порождено мозговым процессом!), вовсе не парадокс. Оно могло бы прозвучать по ходу эксперимента, призванного показать, что наблюдаемый мною световой эффект порожден возбуждением определенной части головного мозга. Но я изрек это предложение не в той обстановке, в которой оно имело бы повседневный, непарадоксальный смысл. И направленность моего внимания была совсем не той, какая нужна для проведения эксперимента. (В случае эксперимента мой взгляд был бы "сосредоточенным", а не "отсутствующим".)

413. Здесь мы сталкиваемся со случаем интроспекции, напоминающей ту, с помощью которой Уильям Джемс выявил, что понятие "я" ("Selbst") состоит главным образом из "своеобразных движений в голове и между головой и гортанью". Причем Джемсова интроспекция обнаружила не значение слова "я" (поскольку оно означает примерно то же, что слова "личность", "человек", "я сам", "он сам"). И не анализ такого рода реалий (Wesens). Она выявила другое: сосредоточенное внимание философа, мысленно произносящего слово "я" и стремящегося проанализировать его значение. (А из этого можно многому научиться.)

414. Ты полагаешь, что все-таки должен ткать некую ткань: поскольку сидишь за ткацким станком хотя и пустым и делаешь движения ткача.

415. Все, чего мы достигаем, это, по сути, замечания по естественной истории людей; притом, не добывание диковин, а констатация того, в чем никто не сомневался, что избежало нашего внимания только потому, что постоянно было перед глазами.

416. "Люди единодушно заявляют: они видят, слышат, чувствуют и т.д. (даже если некоторые из них слепы или глухи). Тем самым они свидетельствуют о себе самих, что они обладают сознанием". Но это так странно! Кому, собственно, я делаю сообщение, говоря "У меня есть сознание"? Зачем мне говорить это самому себе и как может понять меня другой человек? Ну, такие предложения, как "Я вижу", "Я слышу", "Я в сознании", действительно используются. Я говорю врачу: "Теперь я снова слышу на это ухо", а тому, кто считает, что у меня обморок, говорю: "Теперь я снова в сознании" и т.д.

417. Выходит, наблюдая за собой, я отдаю себе отчет в том, что смотрю на что-либо или же что я в сознании? А к чему вообще говорить о наблюдении! Почему не сказать просто "Я замечаю, что нахожусь в сознании"? Но к чему здесь слова "Я замечаю", почему бы не сказать "Я в сознании"? Но разве слова "Я замечаю" тут не показывают, что я обратил внимание на мое сознание? чего обычно не делаю. Если это так, то предложение "Я замечаю, что..." говорит не о том, что я в сознании, а о том, что мое внимание направлено таким-то образом.

Но разве не особое переживание побуждает меня заявлять "Я снова в сознании"? Какое переживание? В какой ситуации мы это говорим?

418. Является ли то, что я обладаю сознанием, фактом опыта? Но разве не

говорят о человеке, что он обладает сознанием, а о дереве или камне что у них нет сознания? А что, если бы дело обстояло иначе? Что же, тогда все люди были бы лишены сознания? Нет, в обычном смысле слова не были бы. Но я бы, например, не имел сознания как я его теперь фактически имею.

419. При каких обстоятельствах я скажу, что племя имеет вождя? А вождь ведь должен обладать сознанием. Ему же нельзя не иметь сознания!

420. Разве нельзя вообразить, что люди вокруг меня это автоматы, что они не имеют сознания, если даже ведут себя так же, как обычно? Ну, если представить себе, что, сидя один в своей комнате, я вижу людей, исполняющих свои обязанности с неподвижным взглядом (как бы в трансе), то это будет, пожалуй, жутковатое представление. А попробуй"ка сосредоточиться на этом представлении в обычном людном месте, например на улице! Скажи, например, себе: "Вон те дети просто автоматы; вся их живость чисто механическая". И эти слова либо вовсе ничего тебе не скажут, либо же у тебя возникнет какое-то тревожное чувство или что-то в этом роде.

Рассматривать живого человека как автомат это все равно что видеть в какой-то фигуре предельный случай или вариант другой фигуры, например видеть свастику в переплете оконной рамы.

421. Нам представляется парадоксальным, что в едином сообщении причудливо смешиваются телесные состояния и состояния сознания: "Он испытывал тяжкие мучения и беспокойно метался". Это совершенно обычная ситуация; почему же тогда это кажется нам парадоксом? Потому, готовы мы сказать, что это предложение повествует об осязаемом и неосязаемом. А разве ты находишь нечто странное в таких словах: "Эти три перемычки придадут зданию прочность"? Разве три и прочность осязаемы? Рассматривай предложение как инструмент, а его смысл как его применение!

422. Во что я верю, если верю, что у человека есть душа? Во что верю я, когда верю, что данное вещество содержит два кольца атомов углерода? В обоих случаях на авансцену вынесена картина, смысл же оттеснен на задний план, то есть применение картины обозреть не так легко.

423. Конечно же, все это происходит внутри тебя. Я же при этом лишь пытаюсь понять выражение, которым мы пользуемся. Существует картина. И я не оспариваю того, что она оправданна в определенных случаях. Мне бы только хотелось понять еще и применение этой картины.

424. Имеется картина, и я не оспариваю ее правильности. Но каково ее применение? Подумай о картине слепоты как некоей темноты в душе или голове слепого.

425. В бесчисленном множестве случаев мы стремимся как раз найти картину, а коль скоро она найдена, ее применение происходит как бы само собой. В данном же случае мы уже имеем картину, которая то и дело навязывает себя нам, но она не помогает нам выйти из затруднения, которое здесь только начинается.

Спроси я, например: "Как представить себе, что этот механизм действует в этом корпусе?" ответом мог бы послужить, скажем, рисунок в уменьшенном масштабе. Тогда мне могут сказать: "Видишь, вот так он действует внутри"; или, может быть: "Почему это тебя удивляет? То, что ты видишь здесь, происходит и там". Последнее, конечно, ничего не добавляет к объяснению, а лишь приглашает меня к применению данной мне картины.

426. Представляется, будто однозначно определять смысл призвана некая картина. По сравнению с тем, что показывает картина, действительное

употребление кажется лишенным чистоты. Здесь повторяется то же, с чем мы сталкивались в теории множеств, форма выражения кажется предназначенной как бы для Бога, знающего то, что нам знать не дано; ему видны бесконечные ряды в их целостности и зримо сознание людей. Для нас же, конечно, эти формы выражения как бы папская риза, в которую мы можем облачиться, но не совершать дальнейшие действия, так как у нас нет той реальной власти, которая бы придавала этому облачению смысл и цель.

В реальном употреблении выражений мы движемся как бы окольным путем, идем переулками; при этом, возможно, мы видим перед собой прямую улицу, однако не можем ею воспользоваться, потому что она постоянно перекрыта.

427. "Беседуя с ним, я не знал, что происходило в его голове". Говоря так, имеют в виду не мозговые, а мыслительные процессы. Эту картину следует принимать всерьез. Нам действительно хотелось бы заглянуть за его лоб. И все же мы имеем в виду только то, что и обычно имели бы в виду, говоря: хотелось бы знать, что он думает. Надо сказать: мы располагаем этой яркой картиной и тем, как бы противоречащим этой картине, употреблением, посредством которого выражается психическое.

428. "Эта странная реалья (Wesen) "мысль"" но она не представляется нам странной, когда мы мыслим. Мысль кажется нам чем-то таинственным не в процессе мышления, а лишь когда мы как бы ретроспективно вопрошаем: "Как это было возможно?" Как возможно, чтобы мысль имела дело с самим предметом? Нам кажется, что посредством мысли мы как бы уловили реальность.

429. Согласие, гармония мысли и действительности состоит в том, что в случае моего ложного утверждения: нечто является красным оно при всем том все же остается не красным. А чтобы объяснить кому-то значение слова "красное" в предложении "это не красное", я указываю на что-то красное.

430. "Приложи линейку к этому телу; она не говорит, что тело такой-то длины. Сама по себе она, так сказать, мертва и не совершает ничего такого, что совершает мысль". Это как если бы нам представилось, будто в живом человеке существенна его внешняя форма, и, придав куску дерева эту форму, мы смущенно смотрели бы на эту мертвую чурку, не имеющую ничего общего с живым существом.

431. "Между приказом и его выполнением существует пропасть. Соединить их должно понимание".

"Лишь понимание предусматривает, что мы должны сделать ЭТО. Приказ же [сам по себе, как таковой] всего лишь звук, чернильный штрих".

432. Каждый знак, взятый сам по себе, кажется мертвым. Что придает ему жизнь? Он живет в употреблении. Несет ли он живое дыхание в самом себе? Или же употребление и есть его дыхание?

433. Когда мы отдаем приказ, может показаться, что то завершающее, чего требует приказ, должно оставаться невыраженным, ибо всегда сохраняется разрыв между приказом и его выполнением. Я хочу, допустим, чтобы кто-то сделал определенное движение, например поднял руку. Для полной ясности я показываю ему это движение. Такое изображение [нужного движения] представляется недвусмысленным; до тех пор пока не возникает вопрос: каким образом он узнает, что ему следует сделать именно это движение? Как он вообще узнает, что знаки, которые я ему все время подаю, должны применяться именно таким образом? Ну, я, пожалуй, попытаюсь дополнить приказ другими знаками, показывая ему на своем примере, как действовать, делая поощрительные

жесты, и т.д. Причем поначалу приказ напоминал бы заикание.

Словно бы знак ненадежными средствами пытался вызвать у нас понимание.

Ну, а если мы все-таки понимаем, с помощью какого знака мы добиваемся этого?

434. Жест пытается скажем так создать образец, но это не удается.

435. На вопрос: "Как достигается изображение чего-то с помощью предложения?" можно было бы дать такой ответ: "А разве ты этого не знаешь? Ты же видишь это при его использовании". Здесь же нет ничего скрытого.

Как предложение это делает? А разве ты этого не знаешь? Здесь ведь нет ничего утаенного.

Но ответ "Ты ведь знаешь, как предложение это делает; здесь нет ничего скрытого" склоняет к возражению: "Да, но тут все происходит так быстро, а для меня было очень важно увидеть это как бы более крупным планом".

436. Если полагать, будто вся сложность задачи тут состоит в том, что нужно описывать трудноуловимые явления, быстро ускользающий наличный опыт или что-то в этом роде, то легко попасть в тупик философствования. Тогда обычный язык кажется нам слишком грубым, как будто мы должны иметь дело не с теми явлениями, о которых говорят повседневно, а "с теми, что легко ускользают и в своем возникновении и исчезновении лишь в общих чертах продуцируют те первые".

(Августин: Manifestissima et usitatissima sunt, et eadem rursus nimis latent, et nova est inventio eorum.)

437. Желание как бы заведомо знает, что его удовлетворит или удовлетворило бы; предложение, мысль что их сделает истинными, даже если на самом деле этого вовсе не случится! Откуда это определение того, чего еще нет в наличии? Это деспотичное требование? ("Жесткость логической необходимости").

438. "План как таковой есть нечто неудовлетворенное". (Подобно желанию, ожиданию, предположению и т.д.)

Под этим я подразумеваю: желание не удовлетворено, потому что оно желание чего-то; верование, полагание, не удовлетворено, поскольку является полаганием, что происходит нечто, нечто действительное, нечто, находящееся вне процесса полагания.

439. В какой мере можно назвать желание, ожидание, верование и т.д. "неудовлетворенными"? Что служит для нас прообразом неудовлетворенности? Может быть, пустое пространство? А неужели о чем-то таком стали бы говорить, что оно не удовлетворено? Разве не было бы это еще одной метафорой? А может быть, первообразом того, что мы называем неудовлетворенностью, есть некое чувство допустим, чувство голода?

В какой-то особой системе выражений можно описывать тот или иной объект с помощью слов "удовлетворенный" или "неудовлетворенный". Например, условившись называть полый цилиндр "неудовлетворенным цилиндром", а заполняющий его сплошной цилиндр "его удовлетворением".

440. Фраза "Мне хочется яблока!" не означает: я полагаю, что яблоко утолит мое чувство неудовлетворенности. В этом предложении выражено не желание, а неудовлетворенность.

441. От природы и в результате определенного обучения и воспитания мы предрасположены проявлять наши желания при определенных обстоятельствах. (Таковым "обстоятельством", естественно, не является само желание.) Вопрос, знаю ли я, чего хочу прежде, чем мое желание исполнится, вообще не может возникнуть в этой игре. И то, что какое-то событие заставляет замолкнуть мое желание, не означает, что оно его удовлетворяет. Возможно, я был бы

неудовлетворен, будь удовлетворено мое желание.

С другой стороны, слово "желать" используется и таким образом: "Я сам не знаю, чего хочу". ("Ибо желания скрывают желаемое от нас самих".)

Ну, а в какой ситуации мог бы прозвучать вопрос: "Разве я знаю, за чем протягиваю руку, прежде чем получу это?" Коли я владею речью, то знаю.

442. Я вижу, как кто-то вскинул ружье, и говорю: "Я жду звука выстрела". Раздается выстрел. Так это то, чего ты ожидал; выходит, этот звук уже как-то существовал в твоём ожидании? Или между твоим ожиданием и случившимся имеется согласие другого рода; грохот же выстрела не входил в твоё ожидание, а явился лишь случайным дополнением к тому, что произошло, когда ожидание исполнилось? Да нет, если бы не последовало звука, моё ожидание не исполнилось бы; этот звук и был его исполнением, он не был простым сопровождением происходящего, как некий второй гость, сопутствующий тому, кого я ожидал. Было бы случайностью, неким дополнением события то из происшедшего, что оказалось неожиданным? Ну, а что же тогда не было дополнением? Присутствовало ли каким-то образом что-то, связанное с выстрелом, уже в моём ожидании? И что в таком случае было сверх того разве я не ожидал выстрела во всей его целостности?

"Звук выстрела был не так громок, как я ожидал". "Значит, в твоих ожиданиях он звучал громче?"

443. "Красное, которое ты себе представляешь, безусловно, не то же самое (не та же самая вещь), что красное, которое ты видишь перед собой; как можешь ты тогда утверждать, что это именно то, что ты себе представлял?" Но разве мы не сталкиваемся с аналогичным случаем в предложениях: "Здесь красное пятно" и "Здесь нет красного пятна"? В оба предложения входит слово "красное"; стало быть, это слово не может указывать на наличие чего-то красного.

444. Пожалуй, можно испытывать также чувство, что в предложении "Я ожидаю, что он придет" слова "он придет" используются в другом значении, чем в утверждении "Он придет". Но будь так как можно было бы говорить о том, что мои ожидания сбылись? Пожелай я объяснить оба слова "он" и "придет", скажем, с помощью указательных определений для обоих предложений подошли бы одинаковые дефиниции этих слов.

Что же, можно было бы спросить: как выглядит его приход? Открывается дверь, кто-то входит и т.д. А как выглядит моё ожидание его прихода? Я хожу взад и вперед по комнате, то и дело поглядываю на часы и т.д. Но один процесс не имеет с другим ни малейшего сходства! Тогда как можно использовать одни и те же слова для их описания? Но может быть, расхаживая по комнате, я говорю: "Я ожидаю, что он войдет". Тут есть какое-то сходство. Но какого рода?

445. Ожидание и исполнение соприкасаются в языке.

446. Странно было бы утверждать: "Процесс, когда он происходит, выглядит иначе, чем тогда, когда он не происходит". Или же: "Красное пятно, когда оно есть, выглядит иначе, чем тогда, когда на самом деле его нет, но язык абстрагируется от этого различия, ибо он говорит о красном пятне безотносительно к тому, есть оно или нет".

447. Возникает такое чувство, будто отрицательное предложение для того, чтобы отрицать некоторое предложение, должно сначала сделать его в определенном смысле истинным.

(Утверждение отрицательного предложения содержит отрицаемое предложение, но не его утверждение.)

448. "Утверждая, что сегодня ночью я не видел снов, я все же должен знать, где искать сон; то есть предложение "Я видел сон" применительно к этой реальной ситуации может быть ложным, но не должно быть бессмысленным". А не означает ли это, что ты все же что-то почувствовал, как бы намек на сон, позволивший тебе осознать то место, которое занимал бы сон?

Или же: если я утверждаю "Я не испытываю боли в руке", означает ли это, что у меня есть некая тень болевого ощущения, как бы указывающая место, где могла бы возникнуть боль?

В каком смысле нынешнее безболевое состояние содержит в себе возможность боли?

Если кто-то заявляет: "Чтобы слово "боль" имело значение, необходимо, чтобы боль, когда она наступает, узнавалась в качестве таковой", то на это можно ответить: "Это необходимо не в большей мере, чем узнавание отсутствия боли".

449. "Но разве я не должен знать, каким было бы мое состояние, если бы я испытывал боль?" Нам никак не отделаться от мысли, будто использование предложения состоит в том, что при каждом его слове человеку что-то представляется.

Люди не отдают себе отчета в том, что со словами они осуществляют своего рода исчисление, оперируют ими, со временем переводят их то в одну, то в другую картину. То есть они как бы полагают, что, например, письменное распоряжение кому-то о передаче мне коровы всегда должно дабы оно не потеряло смысла сопровождаться представлением о корове.

450. Знать, как кто-то выглядит: быть в состоянии представить это себе но вместе с тем: уметь наглядно имитировать это. А обязательно ли представлять себе нечто, чтобы копировать его? Разве имитация чего-то обладает не той же силой, что и представление о нем?

451. Ну, а как обстоит дело, если я, допустим, даю указание кому-то "Вот тут представь себе красный круг!" и при этом поясняю: понимать указание значит знать, что нужно делать для его выполнения, или даже: быть в состоянии представить себе, как выглядит...

452. Я хочу сказать: "Будь кто-то способен наблюдать душевный процесс ожидания, он обязательно бы видел, что ожидается". Реально же дело обстоит так: видя выражение ожидания, видят и что ожидается. И как еще, в каком другом смысле можно было бы это видеть?

453. Восприняв мое ожидание, человек должен был бы непосредственно воспринять и что ожидается. То есть не умозаключить об этом на основании воспринятого процесса! Но утверждение, будто кто-то воспринимает ожидание, не имеет смысла. Разве что на самом деле это означает: он воспринимает выражение ожидания. Говорить же об ожидающем человеке: он испытывает ожидание, вместо он ожидает, было бы идиотским искажением данного выражения.

454. "Все уже заключено в ..." Как происходит, что стрелка \$ указывает? Разве не кажется, будто она заведомо несет в себе нечто кроме нее самой? "Ну нет, на это способно лишь значение как феномен психики, но никак не мертвая линия". Это и истинно и ложно. Стрелка указывает лишь в процессе того употребления, каким ее наделяют живые существа.

Такое указание не фокус"покус, который способна исполнить только психика.

455. Мы хотим сказать: "Осмысление чего-то это не обладание мертвой

картиной (безразлично, какого рода), а как бы восхождение к чему-то". Мы восходим к тому, что осмысливается.

456. "Предполагая что-то, человек предполагает это сам"; так он сам себя продвигает. Человек направляется вперед и не в состоянии одновременно же и наблюдать эту направленность. Определенно не в состоянии.

457. В самом деле: осмысливать это как бы устремляться к кому-то.

458. "Приказ предписывает свое исполнение". Выходит, он знает о своем исполнении еще до того, как оно состоится? Но это было грамматическое предложение, и оно утверждало: если приказ гласит: "Делай то-то!" то "делать то-то" называется исполнением приказа.

459. Мы говорим: "Приказ предписывает это" и делаем это; но говорим и так: "Приказ предписывает это: я должен..." Мы переводим его то в предложение, то в демонстрацию, то в действие.

460. А не могло бы оправдание действия во исполнение приказа звучать так: "Ты сказал "Принеси мне желтый цветок" и в связи с этим именно этот цветок вызвал у меня чувство удовлетворения, вот почему я принес его тебе"? А не мог бы на это последовать ответ: "Я же тебе не поручал принести мне такой цветок, который вызвал бы у тебя после моих слов такое чувство удовлетворения!"?

461. В каком же смысле приказ предвосхищает свое исполнение? Не в том ли, что он теперь предписывает как раз то, что выполняется позднее? На самом деле это означало бы: "Что впоследствии выполняется или же не выполняется". А это ни о чем не говорит.

"Пусть мое желание и не определяет того, что реально произойдет, но оно все же определяет, так сказать, тему факта, независимо от того, исполнит ли он желаемое или нет". Нас как бы удивляет не то, что кто-то знает будущее, а то, что он вообще способен предсказывать (истинно или ложно).

Словно бы само по себе предсказание, истинное или ложное неважно, уже несло в себе некий отсвет будущего, тогда как об этом будущем оно ничего не знает, а меньше, чем ничего, знать невозможно.

462. Я могу искать его, если его тут нет, но не могу его повесить в его отсутствие.

Возможно, кто-то готов отреагировать: "Но он же должен быть где-то тут, если я его ищу". Тогда он должен быть где-то и в том случае, если я его не нахожу и даже если его вообще нет.

463. "Ты искал его? Да ты ведь даже не мог знать, тут ли он!" Но такая проблема действительно возникает при математическом поиске. Можно, например, поставить вопрос: как такое было возможно даже просто искать трисекцию угла?

464. Чему я хочу научить так это переходить от неявной бессмыслицы к бессмыслице явной.

465. "Уж так устроено ожидание: что ни случись, оно должно либо согласовываться с ним, либо нет".

Ну, а если спросить: определяется ли факт ожиданием с точностью "да" или "нет" или же не определяется, иначе говоря, определено ли, в каком смысле благодаря некоему событию которое постоянно может произойти сбывается определенное ожидание? На этот вопрос следует ответить: "Да, коль скоро выражение ожидания не является неопределенным, не содержит дизъюнкции различных возможностей".

466. Зачем человек мыслит? Какой от этого толк? Для чего он рассчитывает паровой котел, а не оставляет толщину его стенок на произвол случая? Ведь то,

что котлы, рассчитанные таким-то образом, взрываются не так часто всего лишь факт нашего опыта! Но так же, как человек, однажды обжегшись, сделал бы все, чтобы снова не сунуть руку в огонь, так он будет делать все, чтобы не пренебречь расчетом котла. Но так как нас интересуют не причины, мы скажем: люди мыслят и это факт; они, например, ведут себя именно так, когда делают паровой котел. А может ли котел, созданный таким образом, взорваться? Увы, да!

467. Выходит, человек мыслит потому, что мышление себя оправдывает? Потому, что он думает, что мыслить выгодно?

(Разве он воспитывает своих детей, потому что это оправдывает себя?)

468. Как же выяснить, почему человек мыслит?

469. И все же можно утверждать, что мышление себя оправдывает. Котлы стали взрываться реже, с тех пор как перестали определять толщину их стенок на глазок и начали ее рассчитывать определенным образом. А также с тех пор, как любой расчет инженера стали перепроверять повторно.

470. Итак, иногда мыслят потому, что мышление оправдывается на деле.

471. Часто бывает, что, только подавив в себе вопрос "почему", мы обнаруживаем важные факты; которые затем, в ходе нашего исследования, ведут к ответу.

472. Природа веры в единообразие событий, по-видимому, яснее всего проявляется в том случае, когда мы испытываем страх перед ожидаемым. Ничто не могло бы заставить меня сунуть руку в огонь хотя ведь я обжигался лишь в прошлом.

473. Вера в то, что огонь обожжет меня, такой же природы, что и страх, что он обожжет меня.

474. То, что огонь обожжет меня, сунь я в него руку, достоверность.

Таким образом, здесь мы видим, что значит достоверность. (Не просто что означает слово "достоверность", но и что заключено в ней самой.)

475. Если кого-нибудь спрашивают об основаниях его предположения, он задумывается о них. Происходит ли здесь то же самое, что и в том случае, когда человек размышляет о возможных причинах какого-нибудь события?

476. Следует различать предмет страха и причину страха.

Так, лицо, внушающее нам страх или восхищение (предмет страха, восхищения), является не его причиной, а, можно сказать, его адресатом.

477. "Почему ты полагаешь, что эта горячая плита обожжет тебя?" Есть ли у тебя основания для этого предположения и нужны ли тебе эти основания?

478. Какие у меня основания предполагать, что мой палец, коснувшись стола, встретит сопротивление? Какие у меня основания считать, что этот карандаш вызовет у меня боль, если им уколоть мою руку? Когда я задаю эти вопросы, мне в голову приходят сотни оснований, почти мгновенно сменяя друг друга. "Да я сам множество раз испытывал это; и столь же часто слышал о подобном опыте от других; если бы это было не так, то ... и т.д."

479. Вопрос "На каком основании ты это полагаешь?" мог бы значить: "На основании чего ты делаешь (сделал сейчас) такое умозаключение?" Но он мог бы означать также: "Какие основания для этого предположения ты можешь привести мне впоследствии [задним числом]?"

480. Итак, под "основанием" некоторого мнения на самом деле можно понимать лишь то, что человек высказал самому себе, прежде чем он пришел к определенному мнению. Исчисление, фактически выполненное им. В случае же вопроса: как прежний опыт может явиться основанием для предположения, что

впоследствии произойдет то-то? отповедь такова: а каким же общим понятием основания мы располагаем для такого рода предположения? Основанием предположения, что в будущем нечто произойдет, мы называем именно этот [упомянутый выше] род утверждения о прошлом. А если человек удивится, что мы играем в такую игру, то я сошлюсь на влияние прошлого опыта (на то, что обжегшийся ребенок боится огня).

481. Если бы кто-то сказал, что опыт прошлого не убеждает его в том, что нечто произойдет в будущем, то я не понял бы его. Можно было бы его спросить: а что тогда ты хочешь услышать? Какие данные ты называешь основанием для того, чтобы верить? А что ты называешь "быть убежденным"? Как ты надеешься убедиться? Если это не основания, то что же тогда основания? Если, по твоим словам, это не основания, то нужно, чтобы ты все-таки мог установить, в каком случае можно по праву заявить, что для нашего предположения есть основания.

Ибо заметь: в данном случае основания не предложения, из которых логически следует предполагаемое.

Но и не то, о чем можно сказать: для полагания требуется меньше, чем для знания. Ибо речь тут идет не о чем-то приближающемся к логическому выводу.

482. Нас сбивает с толку такой способ выражения: "Это достаточное основание, ибо оно делает вероятным наступление данного события". Создается впечатление, будто тут что-то дополнительно утверждается об этом основании, что оправдывает его как основание; между тем предложение: "Это основание делает событие вероятным" говорит лишь о том, что данное основание соответствует определенной норме достаточного основания, сама же норма не обосновывается!

483. Достаточным является такое основание, которое на деле является таковым.

484. Кто-то готов изречь: "Это достаточное основание только потому, что оно делает событие действительно вероятным". Потому что оно, так сказать, действительно оказывает некое влияние на данное событие; словно бы оно имело опытный характер.

485. Обоснование путем опыта имеет конец. В противном случае оно не было бы обоснованием.

486. Следует ли из получаемых мною чувственных впечатлений, что там стоит стул? Как же может предложение следовать из чувственных впечатлений? Ну, а следует ли оно из предложений, описывающих чувственные впечатления? Нет. А разве не из таких впечатлений, не из чувственных данных я делаю вывод, что там стоит стул? Я не делаю никакого вывода! Но иногда все же делаю. Например, рассматривая фотографию, я говорю: "Выходит, что там должен стоять стул" или же: "Из того, что здесь видно, я заключаю, что там стоит стул". Это вывод, но не относящийся к логике. Вывод это переход к некоторому утверждению, а значит, и к поведению, соответствующему этому утверждению. "Я вывожу следствия" не только на словах, но и в поступках.

Был ли обоснованным мой вывод этих следствий? Что здесь называется основанием? Как употребляется слово "основание"? Опиши языковые игры! По ним и можно будет судить о важности обоснованности.

487. "Я выхожу из комнаты, потому что ты так велишь".

"Я выхожу из комнаты, но не потому, что ты так велишь".

Описывает ли это предложение связь моего поступка с его поведением или же оно формирует эту связь?

Можно ли спросить: "Откуда ты знаешь, что делаешь это поэтому или не поэтому?" И возможен ли ответ: "Я это чувствую"?

488. А как мне судить, так ли это? По косвенным приметам?

489. Спроси себя, по какому поводу, с какой целью мы это говорим?

Какого рода действия сопровождают эти слова? (Подумай о приветствиях!)
В каких сценах они употребляются; и для чего?

490. Как я узнаю, что этот ход мыслей привел меня к этому поступку? Ну, вот характерная картина: скажем, в экспериментальном исследовании приходят к дальнейшему эксперименту путем расчета. То [о чем спрашивается] похоже на это и тут я бы мог описать пример.

491. Дело, пожалуй, не столько в том, что "без языка мы не могли бы понимать друг друга", сколько в том, что без языка мы не могли бы влиять на поведение других людей тем или иным образом; не могли бы строить улицы и машины и т.д. А к тому же: без использования устной и письменной речи люди не понимали бы друг друга.

492. Изобретение какого-то языка могло бы означать изобретение на основе естественных законов (или же в соответствии с ними) некоего приспособления для определенной цели; но об изобретении языка можно говорить и в другом смысле, аналогичном тому, в каком велась речь об изобретении игры.

Здесь я изрекаю нечто о грамматике слова "язык", связывая ее с грамматикой слова "изобретать".

493. Говорят: "Петух созывает кур своим криком" а не лежит ли в основе этих слов сравнение с нашим языком? Разве не изменяется полностью аспект [наше видение этой картины], если представить себе, что крик петуха приводит кур в движение путем какого-то физического воздействия?

А если, допустим, показано, каким образом слова "Иди ко мне!" воздействуют на человека, к которому они обращены, так что при определенных условиях в конечном счете возбуждаются мускулы его ног и т.д., разве в силу этого данное предложение утратило бы для нас характер предложения?

494. Я хочу сказать: мы называем "языком" прежде всего аппарат нашего обычного словесного языка, а уж по аналогии или сравнимости с ним и нечто другое.

495. Очевидно, я могу установить с помощью опыта, что человек (или животное) реагирует на один знак так, как мне этого хочется, а на другой нет. Что, например, по знаку "о" человек идет направо, а по знаку "м" идет налево; на знак " " он реагирует не так, как на знак "м", и т.д.

Мне даже незачем придумывать какой-то особый случай, достаточно понаблюдать на реальных фактах, как удастся направлять человека, владеющего только немецким языком, используя лишь немецкий язык. (Ибо я тут рассматриваю изучение немецкого языка как настройку механизма на определенный тип влияния; при этом может быть безразлично, выучил ли этот язык другой человек или, допустим, уже от рождения устроен так, что реагирует на предложения немецкого языка, как и обыкновенный человек, выучивший немецкий.)

496. Грамматика не говорит нам, как должен быть построен язык, чтобы выполнять свою задачу, воздействовать на людей тем или иным образом. Она только описывает, но никоим образом не объясняет употребление знаков.

497. Правила грамматики можно назвать "условными", если под этим подразумевать, что цель грамматики есть не что иное, как цель языка.

Если кто-то утверждает "Не имей наш язык этой грамматики, он не мог бы

выражать эти факты", задаешься вопросом, что здесь означают слова "мог бы".

498. Если я утверждаю, что указание "Принеси мне сахар!" и "Принеси мне молоко!" имеет смысл, а комбинация слов "Молоко мне сахар!" лишена смысла, то это не значит, что ее произнесение не вызывает никакого эффекта. И если в ответ на эти слова человек уставится на меня и разинет рот от изумления, то я на этом основании все-таки не назову их повелением уставиться на меня и т.д., пусть даже я и хотел вызвать именно такой эффект.

499. Сказать "Эта комбинация слов не имеет смысла" значит исключить ее из сферы языка и ограничить тем самым область языка. Но границы можно проводить по разным основаниям. Можно обнести какое-то место изгородью, обвести линией либо ограничить еще каким-то способом с целью не впускать кого-то сюда или же не выпускать его отсюда. Но это может быть и элементом игры, в которой играющие должны, скажем, перепрыгивать через такой барьер. Или же это может отмечать, где кончаются владения одного человека и начинаются владения другого и т.д. Таким образом, проведение границы само по себе еще не говорит, для чего это делается.

500. Если сказано, что предложение бессмысленно, это не означает, будто речь идет о бессмысленности его смысла. Дело в другом: при этом исключается из языка, изымается из обращения некое сочетание слов.

501. "Цель языка выражать мысли". Итак, по-видимому, цель каждого предложения выражать какую-то мысль. Какую же мысль выражает тогда, например, предложение "Моросит"?

502. Вопрос о смысле. Сравни:

"Это предложение имеет смысл". "Какой?"

"Этот ряд слов является предложением". "Каким?"

503. Если я даю команду кому-то, мне вполне достаточно подать ему знак. Я бы никогда при этом не сказал: да это всего лишь слова, а мне нужно проникнуть за них. Вот так, и задавая кому-то о чем-то вопрос, я вполне довольствуюсь его ответом (то есть каким-то знаком) это как раз то, чего я ждал, и я не протестую: да это всего лишь ответ.

504. Допустим, кто-то заявляет: "Как я могу узнать, что он подразумевает, ведь я вижу только подаваемые им знаки". Моя реплика на это: "Откуда ему известно, что он имеет в виду, если в его распоряжении тоже только его знаки".

505. Должен ли я понимать приказ, прежде чем смогу привести его в исполнение? Конечно! Иначе бы ты не знал, что нужно делать. Но ведь переход от знания к действию это опять скачок!

506. Рассеянный человек по приказу "Направо!" поворачивается налево, а затем, хлопнув себя по лбу, восклицает: "Ах да, направо!" и поворачивается направо. Что его осенило [вдруг пришло в голову]? Истолкование?

507. "Я не просто это говорю, я под этим и что-то подразумеваю". Если, осмысливая (а не просто произнося) слова, мы задумываемся над тем, что в нас происходит, то нам кажется, будто с этими словами что-то скреплено, а иначе они двигались бы вхолостую. Как если бы они были с чем-то соединены в нас.

508. Я высказываю предложение: "Сегодня здесь отличная погода". Да ведь слова это условные знаки; подставим же вместо них: "a b c d". Однако теперь, читая эти знаки, я уже не в состоянии непосредственно связать их со смыслом моего высказывания. Я, можно сказать, не привык, употреблять в речи знак "a" вместо "сегодня", знак "d" вместо "погода" и т.д. Но подразумеваю я под этим не

отсутствие навыка мгновенно ассоциировать знак "а" со словом "сегодня", а непривычность употребления "а" вместо "сегодня" то есть в значении "сегодня" (я не владею этим языком).

(Я не привык измерять температуру по шкале Фаренгейта. Поэтому такое измерение температуры мне ничего не "говорит".)

509. Ну, а предположим, мы спросили кого-то "В каком смысле эти слова являются описанием того, что ты видишь?" и он ответил: "Под этими словами я имею в виду это". (Глядя, скажем, на какой-то пейзаж.) Почему этот ответ: "Я имею в виду это" вовсе не ответ?

Как с помощью слов подразумевают то, что видят перед собой?

Представь себе, что я сказал "а b c d", подразумевая под этим: сегодня здесь отличная погода. Иначе говоря, произнося эти знаки, я испытывал те же самые переживания, которые обычно испытывал бы лишь тот, кто из года в год употреблял знак "а" вместо "сегодня", знак "d" вместо "погода" и т.д. В таком случае говорит ли "а b c d": сегодня здесь отличная погода?

Каков должен быть критерий того, что я испытываю именно данное переживание?

510. Прodelай такой эксперимент: Скажи "Здесь холодно", имея в виду при этом "Здесь тепло". В состоянии ли ты это сделать? А что именно ты делаешь при этом? И разве существует только один способ делать это?

511. Что тогда означает фраза "Обнаружить, что какое-то высказывание не имеет смысла"? А что означает такое высказывание: "Если я что-то под этим подразумеваю, оно непременно должно иметь смысл"? Если я что-то под этим подразумеваю? Если я что подразумеваю под этим?! Хочется изречь: осмысленно то предложение, которое можно не просто высказывать, но и мыслить.

512. Создается впечатление, будто можно сказать: "Словесный язык допускает бессмысленные комбинации слов, язык же представления не допускает бессмысленных представлений". Выходит, и язык рисунков не допускает бессмысленных рисунков? Представь себе, что это были бы рисунки, по которым должны моделироваться тела. Тогда некоторые рисунки имели бы смысл, а некоторые нет. А что, если вообразить бессмысленные комбинации слов?

513. Рассмотрим такую форму выражения: "Число страниц в м